

О. ГЕНРИ

ОПАСНОСТИ БОЛЬШОГО ГОРОДА

Книги, изменившие мир. Писатели, объединившие поколения.

эксклюзивная классика

Опасности большого города
О. Генри

Аннотация
О. Генри. Опасности большого города
О. Генриана /1920/
- Лунный эпизод
- Три абзаца
- Друг Булгера
- Профессиональный секрет
- Неуловимый Тендерлойн
- Тяготы несопричастных

Постскриптумы /1923/
- Чувствительный полковник
- Не стоит рисковать
- Зеленый
- Оборотная сторона
- Спортивный интерес
- Умение использовать
- Примирение
- Перемудрил
- Покупка фортепиано
- Слишком поздно
- Немного мокро – и только
- Она убедилась

Справедливая вспышка
Факты, факты и факты
Роковая ошибка
Телеграмма
Отклоненная возможность
Нельзя терять ни минуты
Поразительный опыт чтения мыслей
Его единственный шанс
Будем знакомы
Опасности большого города
Вздох облегчения
Низкий трюк
Пастель
Комната с предками
Притча об х-луче
Всеобщая любимица
Спорт и душа
Готовность на компромиссы
Испорченный рассказ
Никакого исхода
Стреляный воробей
Военная хитрость
Почему кондуктора необщительны
По вдохновению
Разгадка
Дорого как память

Никак не мог угадать
Несмотря ни на какую науку
«Дурной» человек
Маленькая ошибка
Выше сил журналиста
Чтобы избежать крика
Памятник сладкого детства
Кое-что для ребеночка
Сила репутации
Во исправление страшной несправедливости
Рассказ-загадка с премией для читателей
Право на пенсию
После ужина
Умение хранить секрет
Победитель
Голодный Генри и его прием
Единственное утешение
Неудачный эксперимент
Сколько стоит правда
Еще одна жертва Сэма Джонса
Постепенно
Еще хуже
Удар
Циник
Говоря о циклонах
Цифры

Оригинальная идея
Ее недостаток
Разногласие
Причина беспокойства
Что это было
Торжественные мысли
Сомнение
Удостоверение личности
Яблоко
Откуда это пошло
Красноречие Реда Конлина
Почему он колебался
Изумительное
Призыв незнакомца
Роман полковника
На волосок от смерти
Хватит на год
Легкая смесь
Верный способ
Из сборника «Еще раз О. Генри» /1939/
Субботний вечер Симмонса
Джек – победитель великанов
Легенда Сан-Хасинто
Приключения парикмахера
Ночной рыцарь
Меццо-Тинто

Распутный ювелир
Мираж во Фрио
Волосы Падеревского
Тайна веков
Диковинный случай
Неизвестный роман
Пинтовая бутылка
Престранный тип
Хьюстонская романтика
Курсы прикладной журналистики от Бинкли
Новый микроб
Усадьба «Веретон»
Виноват виски
Сбили с пути истинного
Рассказ для мужчин
Как она попала в высший свет
Ничто не ново под луной
Из сборника «Остатки» /1917/
Как Вилли спас отца
Из сборника «Дороги судьбы» /1909/
Возрождение Шарльруа

Аннотация

Рассказы О. Генри не нуждаются в рекламе. Каждая история – словно отражение жизни в зеркале, иногда реалистичном или слегка приукрашивающем монотонную реальность, а иногда и кривом, выпячивающем человеческие пороки. Но неизменно каждая новелла и микрорассказ наполнены неповторимым жизнелюбием автора.

В книгу вошли сборники «О. Генриана», «Постскриптумы», избранные рассказы из циклов «Еще раз О. Генри» и других.

О. Генри
Опасности большого города

© Перевод. М. Богословская, 2026
© Перевод. И. Гурова, наследники, 2025
© Перевод. М. Лорие, 2026
© Перевод. О. Мышакова, 2025
© Перевод. В. Топер, 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

О. Генриана[1] /1920/

[1] Примечания: 1

© Перевод. И. Гурова, наследники, 2011.

Лунный эпизод

Пейзаж отличала сверхъестественная жуткость. Высокие фантастические горы вздымали свои морщинистые вершины над унылой пустынностью вулканических пород и испепеленных потоков застывшей лавы. Глубокие озера черной воды хранили стеклянную неподвижность под угрюмыми в ячеях темных провалов отрогами, с которых время от времени зловеще скатывались крошащиеся обломки. Никаких растений. Царство лютого холода, где черные бесформенные кряжи теснили горизонт со всех сторон. На фоне фиолетового неба маячил погасший вулкан, черный как ночь и древний как мир.

Небосвод был усажен огромными звездами, но свет их был бледным и призрачным. В зените висел пояс Ориона.

Альдебаран слабо светился в миллионах миль оттуда, а Земля, будто едва взошедшая луна, багровела пугающе кровавым ореолом.

На величавой горе, которая нависала над чернильно-черным морем, виднелось сложенное из камней жилище. Из его единственного окна лился яркий свет, ложившийся бликами на

уродливые скалы. Дверь распахнулась, и из нее появились двое мужчин, сцепившихся в смертельной схватке.

Они раскачивались и сливались на краю пропасти, и то один начинал брать верх, то другой.

Оба были силачами, и камни срывались из-под их ног в ущелье, в их устремлении одолеть противника.

Наконец один одержал победу. Он схватил врага, высоко поднял над головой и швырнул в пространство.

Побежденный пролетел по воздуху, будто камешек, пущенный из рогатки в направлении светозарной Земли.

— Третий за неделю, — сказал Человек На Луне, закуривая сигарету и поворачиваясь к двери. — Эти нью-йоркские интервьюеры всю душу из меня вымотают, если не отвяжутся в ближайшее время.

Три абзаца

— Материал! — возопил у двери мальчишка-рассыльный из типографии. Лежащая в кровати больная женщина начала бесцельно водить пальцами по старенькому одеялу. Ее глаза блестели от жара, лицо, когда-то красивое, исхудало, изможденное болью. Она умирала, но ни она, ни мужчина, который держал ее руку и писал в блокноте, не знали, что конец уже так близок.

В юмористическом столбце не хватало трех абзацев, и метранпаж прислал за ними. Жалкой платы, которую они получали за эту работу, едва доставало, чтобы обеспечивать им кров над головой и еду. На лекарства не хватало, но нужда в них почти отпала.

Мысли женщины блуждали, она говорила быстро, не умолкая, и мужчина покусывал карандаш, глядя на блокнот и держа ее тонкую горячую руку.

— Ах, Джек, Джек, папа говорит «нет». Я не могу уехать с тобой. Не должна любить тебя! Джек, ты хочешь разбить мое сердце? Ах, взгляни, взгляни, луга такие волшебные, все в цветах. Почему у тебя нет льда? Когда я жила дома, у меня был лед.

Ты не мог бы дать мне самый маленький кусочек, у меня горло огнем горит.

Юморист написал: «Если мужчина на пикнике сунет кусочек льда за шиворот девушке, не обдал ли он ее холодом?»

Женщина лихорадочно отбросила с горящего лица каштановые пряди разметавшихся пышных волос.

— Джек, Джек, я не хочу умирать! Кто это лезет в окно? А, это всего лишь Джек, а здесь тоже Джек держит мою руку. Как забавно! Вечером мы пойдем к реке. К тихой, широкой. Крепче держи мою руку, Джек. Я чувствую, как вода поднимается. Она такая холодная. Как странно быть мертвой и видеть над собой деревья!

Юморист написал: «Мертвый сезон — лето на кладбище».

— Материал, сэр! — снова завопил мальчишка. — Через полчаса кончат набирать.

Мужчина разгрыз карандаш. Рука, которую он держал, становилась прохладнее… конечно, конечно же, ее жар спадает! А она запела воркующую песенку, которую, наверное, выучила на коленях у матери, и ее пальцы перестали двигаться.

— Мне говорили, — сказала она совсем слабым

голосом и печально, — что меня ждут печаль и страдания, если я ослушаюсь родителей и выйду за Джека. Ах, как болит голова, я не могу думать. Нет, нет, белое платье с кружевными рукавами, а не этот черный ужас! Плывем, плывем, плывем… куда течет река? Ты не Джек, ты слишком холодный и суровый. Что за красное пятно у тебя на лбу? Пойдем, сестричка, сплетем венки из маргариток, а тогда побежим домой, над нами такая большая черная туча — мне к утру станет лучше, Джек, если ты будешь крепко держать мою руку. Джек, я чувствую себя легкой, как пушинка, я парю, парю все выше к туче и не чувствую твоей руки. А я вижу, это она, а в лице у нее вся прежняя любовь и нежность. Я должна идти к ней, Джек. Мама! Мама!

Мужчина быстро написал: «Теща ее мужа обычно нравится женщине больше всех остальных его родственников».

Затем он метнулся к двери, сунул столбец в руку мальчишки и стремительно вернулся к кровати.

Он бережно просунул руку под каштановую голову, которая столько страдала, но она тяжело отвернулась.

Жар исчез. Юморист был в комнате один.

Друг Булгера

Вот уж удовольствия было для кое-каких обитателей городка, когда старик Булгер поступил в Армию спасения. Булгер был городским чудаком, эксцентричным старым бездельником и прирожденным врагом общепринятых правил поведения. Жил он на берегу ручья, делившего городок пополам, в поразительной хижине его собственной постройки, сооруженной из выбракованных бревен, вагонетки, жестяных полос, парусины и волнистого железа.

Самые предприимчивые мальчишки обходили резиденцию Булгера на почтительном расстоянии. Он не терпел посетителей и отваживал любопытных воинственной и бурчащей негостеприимностью. В отместку про него говорили, что он не в здравом уме, вроде бы колдун и скряга с несметным количеством золота, закопанным у него в хижине или вблизи нее. Старик подрабатывал прополкой огородов, побелкой заборов и тому подобным, а еще он собирал по закоулкам и дворам старые кости, обрезки металла и бутылки.

Как-то в дождливый вечер, когда Армия спа-

сения проводила малолюдное собрание у себя в зале, появился сам Булгер и попросил дозволения вступить в их ряды. Командующий сержант приветствовал старика с ободряющим отсутствием предубежденности, которое отличает воинствующих миротворцев его ордена.

Булгеру к его явной, хотя и угрюмо выраженной радости тут же была определена должность при турецком барабане. Возможно, сержант, близко к сердцу принимавший успехи своего командования, понимал, каким немалым свидетельством успешного ведения войны будет такое выставление напоказ нового рекрута. Пусть и не ярко пылающее полено, про которое писал поэт Гудвин, но все-таки хорошо обугленный с выпарившимися соками чурбак.

И вот каждый вечер, когда Армия шла маршем от своих казарм к уличному углу, где проводились службы под открытым небом, Булгер ковылял с турецким барабаном за сержантом и капралом, которые в унисон гудели на своих кларнетах «Прости-прощай» и «Только броненосец». И никогда еще в этом городке не колошматили турецкий барабан с такой звучностью. Булгер умудрялся бить по своему инструменту в такт с кларнетами, но вот ступни его были всегда прискорбно

неритмичными. Он шаркал и спотыкался и раскачивался из стороны в сторону, будто медведь.

Бесспорно, он не ласкал взор, этот сгорбленный неуклюжий старик со скособоченным лицом в морщинах, точно иссохшая чернослива. Красная рубаха, знаменовавшая его принятие в ряды, облегала его слишком широко, будучи внешней оболочкой капрала-колосса, скончавшегося некоторое время тому назад. Это одеяние ниспадало с Булгера свободнейшими складками. Его старая коричневая кепка была всегда низко надвинута на один глаз. Все, вкупе с его переваливающейся походкой, придавало ему сходство с какой-то огромной обезьяной, пойманной и кое-как обученной ходьбе на задних лапах, а также зачаткам музграмоты.

Пустоголовые мальчишки и недоразвитые мужчины, которые собирались на уличные службы Армии, без конца допекали Булгера. Они требовали от него устных доказательств умения разговаривать и критиковали стиль и технику его барабанных выступлений. Но старик не обращал ни малейшего внимания на их издевки. Он вообще редко говорил с кем-либо, за одним исключением, когда, приходя и уходя, ворчливо приветствовал своих товарищей.

Сержант навидался странных личностей всех толков и знал, как к ним подходить. Он позволил новобранцу некоторое время вести себя на свой молчаливый лад. Каждый вечер Булгер появлялся в зале, маршировал по улице с отрядом, а затем назад. После чего он водворял свой барабан в отведенный ему угол и садился на заднюю скамью в глубине зала, где и высиживал до конца собрания.

Но как-то вечером сержант вышел следом за стариком наружу и положил руку ему на плечо.

— Товарищ, — сказал он, — с вами все хорошо?

— Пока еще нет, сержант, — сказал Булгер. — Я еще только стараюсь. Я рад, что вы вышли со мной наружу. Я все хотел вас спросить: вы верите, что Господь примет человека, коли он придет к Нему поздно, вроде как прибегнет к последнему средству, понимаете? Например, человек все потерял — и дом, и имущество, и друзей, и здоровье. Это не будет выглядеть подлым — ждать до последнего, и только тогда обратиться к Нему?

— Благословенно имя Его, нет! — сказал сержант. — «Приидите ко Мне все обремененные» — вот что говорит Он. Чем беднее, чем несчастнее, чем злополучнее, тем больше Его любовь и прощение.

— Да, я беден, — сказал Булгер. — Страшно беден и несчастен. Знаете, когда мне лучше всего думается, сержант? Когда я бью в барабан. В любое другое время у меня в голове вроде бы какое-то бестолковое грохотание. А барабан вроде бы усмиряет его и успокаивает. Есть одно, в чем я стараюсь разобраться, но пока не получается.

— Вы молитесь, товарищ? — спросил сержант.

— Да нет, — сказал Булгер. — Толку-то что? Я знаю, в чем зацепка. Где-то ведь сказано, чтоб человек оставил свою семью или там друзей и служил бы Господу?

— Если они встанут у него на пути, только тогда.

— Семьи у меня нет, — продолжал старик, — и друзей тоже нет… кроме одного друга. И вот он-то и ведет меня к погибели.

— Освободись! — вскричал сержант. — Он не друг, а враг, который стоит между тобой и спасением!

— Нет, — ответил Булгер убежденно, — не враг. А самый лучший друг, какой только был у меня в жизни.

— Но вы же говорите, что он ведет вас к погибели!

Старик сухо усмехнулся:

— И держит меня в лохмотьях, понуждает питаться объедками и спать, будто собака, в развалюхе-конуре. И все-таки друга лучше у меня никогда не было. Вы не понимаете, сержант. Потеряешь всех своих друзей, кроме лучшего, и тогда понимаешь, как держаться за последнего.

— Вы пьете, товарищ? — спросил сержант.

— Ни капли за двадцать лет, — ответил Булгер, ввергнув сержанта в недоумение.

— Если этот друг стоит между вами и миром вашей души, откажитесь от него! — вот и всё, что он нашелся сказать.

— Не могу… пока, — сказал старик хнычущим голосом. — Но вы дозволяйте мне бить в барабан, сержант, и, может, со временем я сумею. Я же стараюсь. Иногда я уже почти думаю, что вот еще десяток ударов по барабану — и дело с концом. Вот уж вроде я совсем готов, и вот тут всё насмарку. Вы же дадите мне еще время, верно, сержант?

— Сколько захотите, и да благословит вас Бог, товарищ. Грохочите, пока не выбьете верную ноту.

После этого разговора сержант часто взывал к Булгеру:

«Время, товарищ? Забили уже этого вашего друга?»

Ответ всегда был неудовлетворительным.

Как-то вечером на уличном углу сержант громко помолился о том, чтобы некий товарищ, пребывающий в борениях, был освобожден от врага, который под личиной дружбы сбивает его с пути истинного. Булгер, внезапно и явно всполошившись, тут же отдал барабан собрату-волонтеру и поспешно зашаркал прочь по улице. На следующий вечер он вернулся в зал, никак не объяснив свое странное поведение.

Сержант так и эдак прикидывал, что всё это могло значить, и воспользовался случаем более подробно расспросить старика о влиянии, которое препятствует воцарению мира в его душе, хотя она, видимо, этого жаждет. Но Булгер тщательно уклонялся от конкретных ответов.

— Это мой собственный бой, — сказал он. — И я сам должен все продумать. Никто другой не поймет.

Зима 1892 года выдалась на Юге достопамятной. Холода стояли почти беспрецедентные, и снег выпал слоем в несколько дюймов там, где раньше он вообще крайне редко белил землю. Это принесло множество страданий беднякам, которые не предвидели таких морозов. Маленький отряд Армейских спасителей сталкивался с

большей горестью, чем мог бы облегчить.

Благотворительности в этом городке, хотя без промедления щедрой, не хватало организованности. Нужда в этом благоуханном и плодородном краю проявлялась лишь в единичных случаях, и практически всегда на помощь без шума приходили соседи. Но при внезапном губительном разгуле стихий — бурь, пожаров и потопов — помощь обездоленным страдальцам часто слишком замедлялась из-за отсутствия налаженной системы. А еще потому, что к благотворительности взывали слишком редко, и в привычку она не вошла. В такие времена Армия спасения оказывалась крайне полезной. Ее солдаты отправлялись в проулки и закоулки спасать тех, кто, не сталкиваясь прежде с крайней нуждой, не привык протягивать руку за милостыней.

После трех недель стужи выпал целый фут снега. Голод и холод поражали необеспеченных, и сто женщин, стариков и детей были собраны в помещениях Армии, где их согревали и кормили. Каждый день солдаты в синей форме появлялись в лавках и конторах городка и исчезали, собрав центы, десятицентовики и четвертаки на покупку еды для голодных. А в частные дома спасители, войдя, затем уходили с корзинками

провизии и одежды, пока день за днем ртуть все еще оставалась скорченной в нижней части шкалы термометров.

Увы! Бизнес, этот козел отпущения, впал в застой. Десятицентовики и четвертаки все с большей неохотой появлялись из ящиков касс, которые не позвякивали, когда их открывали. И все же в большом зале Армии печка оставалась раскаленной докрасна, а на длинном столе в его глубине всегда было можно найти по меньшей мере кофе, хлеб и сыр. Сержант и весь отряд мужественно сражались. Но наконец все наличные деньги были истрачены, а ежедневные сборы снизились до сумм, не соответствующих нуждам подопечных Армии.

Приближалось Рождество. В зале было пятьдесят детишек, а снаружи еще больше, кому этот праздник не обещал никаких радостей, кроме тех, которые могла дать им Армия. До сих пор никто из этих маленьких иждивенцев не был обделен самым необходимым, и они уже начали щебетать про елку — единственное яркое видение в серой монотонности года. Никогда еще с момента ее возникновения не бывало случая, чтобы Армия не приготовила елку и подарки для детей.

Сержант был обеспокоен. Он знал, что объ-

явление «елки не будет» удручит сердечки под тонкими ситцевыми платьишками и рваными курточками куда больше, чем ярость бури или скудость еды. Однако денег не хватало даже на ежедневную потребность в пище и топливе.

В ночь на двадцатое декабря сержант решил объявить, что рождественской елки не будет: казалось бессердечным допустить, чтобы детишки и дальше предавались приятным предвкушениям, набирающим всё большую силу.

Вечер выдался холоднее, а и так уже глубокий снег стал еще глубже из-за еще одной вьюги, принесенной свирепым, пронзительно завывающим северным ураганом. Сержант в намокших сапогах и с побагровевшей физиономией вошел в зал при наступлении темноты и снял свое изношенное пальто. Вскоре туда явился и верный отряд — женщины, плотно кутаясь в шали, мужчины, громко топая на крутых ступеньках крыльца, чтобы стряхнуть с ног облепивший их снег. После того как скудный ужин из холодного мяса, фасоли и хлеба был съеден и запит кофе, все в согласии с заведенным у них порядком пропели гимны и вознесли молитвы.

Далеко сзади среди теней сидел Булгер. Уже несколько недель его уши были лишены этого

подспорья мыслительного процесса — гулких ударов по турецкому барабану. Его морщинистое лицо хранило выражение угрюмого недоумения. У Армии было слишком много хлопот, чтобы тратить время на ежедневные службы и марши. Смолкший барабан, знамена и кларнеты были убраны в каморку у верха лестницы.

Булгер приходил в зал каждый вечер и съедал ужин вместе с остальными. В подобную погоду о работе, которой обычно занимался старик, и речи быть не могло, а потому его приглашали воспользоваться благами, даруемыми другим обездоленным. Он всегда уходил рано и, по-видимому, ночи проводил в своей латаной-перелатаной хижине, так как это сооружение было более водо- и ветронепроницаемым, чем дозволял надеяться его внешний вид. В последние дни у сержанта не хватало времени, чтобы уделять его старику.

В семь часов сержант встал и постучал по столу куском угля. Когда наступила тишина, он заговорил с неуверенной неопределенностью, совершенно не похожей на позитивную прямоту его обычных речей. Дети собрались вокруг своего друга тесным кольцом переступающих с ноги на ногу насторожившихся оборвышей. Большин-

ству их уже доводилось видеть, как свежая и румяная физиономия сержанта при двенадцатом ударе часов, завершающем ночь великолепия, появлялась из-под бородатой маски несравненного Санта-Клауса. Они знали, что сейчас он заговорит о рождественской елке.

Они стояли на цыпочках и слушали, раскрасневшись от благоговейного и нетерпеливого упования. Сержант увидел все это, нахмурился и судорожно сглотнул. Продолжая, он вонзил жало разочарования в каждое полное надежд сердечко и наблюдал, как гаснет свет в широко раскрытых глазенках.

Елки не будет. Отказ от заветных желаний был им не в новинку. Он сопровождал их с рождения. Однако несколько малышей, нелегко расстающихся с надеждой, громко заплакали, и изможденные несчастные матери начали тщетно их утешать. Своего рода безголосый вопль вырвался у них — нет, не протест, а скорее призрачное причитание по радостям детства, которых они не знали. Сержант сел и огрызком карандаша начал уныло складывать цифры на полях газеты.

Булгер встал и зашаркал вон из зала по своему обыкновению без всяких церемоний. Было слышно, как он шебаршит в каморке в прихожей, и

внезапно раздались громовые удары, заполняя все здание гулким эхом. Сержант вздрогнул, а затем расхохотался, будто его нервы приветствовали такую передышку.

— Это всего лишь товарищ Булгер, — сказал он, — немножечко размышляет в своей тихой манере.

Северный ветер стучал оконными рамами и завывал из углов. Сержант подсыпал еще угля в печку. Усиление этого леденящего ветра холодно сулило дни, а возможно и недели, тяжелой нужды. Дети медленно возвращались под иго скорбной философии, от которого их было освободила надежда на один-единственный день. Женщины занялись приготовлениями к ночи, перед тем как повесить длинную занавеску поперек зала, разделяющую спальню их и детей от мужской.

Часов около восьми сержант убедился, что все в порядке, и уже заматывал шею шерстяным шарфом, готовясь к морозной прогулке домой, когда послышались шаги. Дверь отворилась; вошел Булгер, запорошенный снегом, будто Санта-Клаус, и столь же краснолицый. Но в остальном совершенно не похожий на благодушного рождественского святого.

Старик прошаркал по залу к сержанту, вытащил из-под пальто мокрый, весь в земле мешок и положил на стол.

— Откройте, — сказал он и кивнул сержанту.

Бодрый командир подчинился со снисходительной улыбкой. Он ухватил мешок снизу, перевернул его и замер с переставшим улыбаться, разинутым от изумления ртом, глядя на кучу золотых и серебряных монет, которые высыпались на стол.

— Пересчитайте их, — сказал Булгер.

Звон монет вкупе с ошеломлением, порожденным их источником, водворили в зале полнейшую тишину. И несколько минут слышны были только завывания ветра и позвякивания монет, пока сержант медленно раскладывал их маленькими отдельными кучками.

— Шестьсот, — сказал сержант и умолк, чтобы прочистить горло. — Шестьсот двадцать три доллара и восемьдесят пять центов.

— Восемьдесят, — поправил Булгер. — Ошибочка на пять центов. Я наконец додумался, сержант, и отрекаюсь от друга, про которого вам говорил. Вот он — доллары и центы. Мальчики правду говорили, когда обзывали меня скрягой. Возьмите их, сержант, и истратьте наилучшим образом на

тех, кто в них нуждается, не забыв про елку для малышей и…

— Аллилуйя! — вскричал сержант.

— И новый турецкий барабан, — договорил Булгер.

И тут сержант произнес еще одну речь.

Профессиональный секрет

История девушки, переделанной заново

Доктор Сэттерфилд Принс, врачующий людей очень обеспеченного класса, взглянул на свои часы. Они показывали без пяти минут двенадцать. Когда пробьет этот час, завершится время утреннего пользования пациентов в его роскошно обставленной приемной. И вот тут молодая женщина-регистраторша ввела в кабинет из комнаты ожидания последний образчик и богатого, и модного общества, которое покровительствовало его искусству.

Доктор Принс обернулся, все еще держа часы в руке и источая любезность, которая тем не менее приглашала к краткости и незамедлительности. Последней пациенткой оказалась пожилая дама, богато одетая, с благодушным лицом. Когда она заговорила, в ее голосе зазвучали интонации Юга с его неторопливой оттяжкой. Она пришла, объяснила дама с вольготной неторопливостью, заручиться помощью доктора Принса для ее дочери, страдающей таинственнейшим недугом. А затем, чисто по-женски, она перешла к подроб-

нейшему диагностированию указанного недуга, с невозмутимой уверенностью знакомя врача с его происхождением и особенностями.

Диагноз, выдвинутый дамой (миссис Голлоуэй Ранкин), был настолько поразительно странным и единственным в своем роде, что доктор Принс, давно привыкший к экстравагантностям и непредсказуемости богатых ипохондриков, был ошеломлен. Дальнейшее — это суть рассказа миссис Ранкин в кратчайшем изложении.

Она, миссис Ранкин, происходила из старинного кентуккийского рода Бийллов. Между Бийллами и другим историческим домом — Ранкинов — почти столетие велась одна из самых свирепых и кровавых вендетт в истории этого штата. Каждое поколение возобновляло и ненависть, и войну, пока, как говаривали, сама Природа не признала их, так что и Бийллы, и Ранкины начали появляться на свет такими же антагонистами, как кошки и собаки. Война велась четыре поколения, и горы усеивались надгробиями членов обеих семей. Наконец за отсутствием топлива, ее питавшего, вендетта сошла на нет, поскольку в живых остались только один последний потомок Бийллов и один — Ранкинов: Эвалина Бийлл девятнадцати лет и Голлоуэй Ранкин двадцати

пяти лет. Последний смертоносный выстрел в вендетте принадлежал Купидону. Двое выживших познакомились, незамедлительно и взаимно влюбились, и на земле Кентукки свершилось чудо: Ранкин женился на Бийлл.

В эту историю вплелась и не относящаяся к ней информация: позже на землях Ранкиных были найдены угольные залежи, и теперь Голоуэйи Ранкины причислились к миллионерам.

Все это произошло достаточно давно, и теперь у них была двадцатилетняя дочь — мисс Аннабель Ранкин, — для исцеления которой и требовались услуги доктора Принса.

Затем в изложении миссис Ранкин последовало описание таинственного, хотя ею же и исчерпывающе объясненного недуга.

Барышня испытывала трудности с передвижением. При ходьбе, процессе, требующем координации и гармоничности функций (– Доктор Принс, — сказала миссис Ранкин, — поймет и признает отсутствие необходимости анатомических определений), возникает упрямое противоборство, чрезвычайно капризный и противоречивый антагонизм.

В последовательно совершаемых и обычно бессознательных автоматических движени-

ях наблюдается сокрушительное отсутствие координации. Миссис Ранкин привела такой пример: если мисс Аннабель желает подняться по лестнице, одна ступня легко продвигается на первую ступеньку, но вместо того, чтобы поддержать свою спутницу и помочь ей, вторая тут же приступает к спуску. Благодаря большому усилию, и физическому, и духовному, барышня способна недурно пройти небольшое расстояние, затем непокорные сущности внезапно выходят из подчинения, вынуждая ее сворачивать за нежелательные углы, входить в немыслимые двери, танцевать, шаркать, делать шаг вбок и совершать другие неблаговоспитанные и прискорбные эволюции.

Перечислив эти тягостные симптомы, миссис Ранкин решительно подчеркнула свою уверенность в том, что недуг порожден наследственностью — союзом природно противоположных и несочетаемых элементов Бийллов и Ранкиных. Она верила, что унаследованный дух старинной вендетты прибегнул к физическим манифестациям и демонстрирует их в злополучной особе, обретшей жизнь из соединения противоположностей. Что в мисс Аннабель идет междоусобица извечной антипатии двух семей. Другими сло-

вами, что одна из… то есть когда мисс Ранкин делала шаг, это был бийллский шаг, а над следующим тяготело наследственно приобретенное ранкинское противостояние.

Доктор Принс выслушал ее с обычным своим глубоким профессиональным вниманием и обещал заехать завтра в десять осмотреть пациентку.

Пунктуально в указанный час его электрическая коляска встроилась в ряды модных авто и конных экипажей, ожидающих у тротуаров перед самым дорогим постоялым двором на американской земле.

Когда мисс Аннабель Ранкин вошла в гостиную их изысканнейшего номера, доктор Принс с невольным удивлением заморгал за отполированными до блеска стеклами своего пенсне. Лицо и фигура юной барышни дышали безупречным здоровьем и безупречной красотой. Однако восхищение сменилось сочувствием, когда он последил за ее походкой. Она вбежала в дверь, покачнулась, беспомощно отступила в сторону под косым углом, прошла вперед, помедлила, попятилась, справилась с собой и бочком, с рассчитанной быстротой метнулась к кушетке, на которую опустилась с выражением глубокой

меланхолии на прелестном лице.

Доктор Принс приступил к расспросам в той деликатной, успокоительной, джентльменской манере, которая обеспечивала ему такое число пациентов, ценящих подобные тонкости. Мисс Аннабель отвечала откровенно и очень разумно для девицы ее лет. Теория вендетты, выдвинутая миссис Ранкин, была рассмотрена во всех подробностях. Дочь тоже в нее верила.

Вскоре врач удалился, обещав снова заехать и приступить к лечению. Затем он проехал по Авеню, по ее асфальтированной стороне, мимо четырех дверей к приемной доктора Ворчунтона Майерса, именитого специалиста в области атаксии и нервных заболеваний. Два медицинских светила затворились в личном кабинете великого Майерса, и он тотчас поставил на стол бутылку хереса и коробку гаванских сигар. Когда консультация завершилась, оба дружно покачали головами.

— Суть в том, — подвел итоги Майерс, — что мы ничего ни о чем не знаем. Я бы посоветовал лечить симптомы в ожидании, пока что-нибудь да прояснится, но ведь никаких симптомов нет.

— Следовательно, диагноз «вендетта»? — лукаво заметил доктор Принс, избавляя сигару от

пепла.

— Интересный случай, — неопределенно отозвался специалист.

— Знаете, Принс, — окликнул Майерс своего гостя, когда тот уже уходил. — Э… Иногда детей, которые ссорятся и дерутся, запирают в разных комнатах. Не правда ли, очень жаль, что дамские костюмы, ну, знаете, с короткими юбками и широкими панталонами, туго завязанными у щиколоток, давно не в моде. Разделив…

— Но они из моды вышли, — улыбнулся доктор Принс, — а нам в любом случае надо быть на гребне моды.

Доктор Принс жег свою полуночную свечу — а вернее, ее эквивалент, патентованный, электрический, мягкого оттенка полуночный светильник — над историей своей пациентки. Светильник пролил так мало света на вопрос, что он был вынужден произнести перед Ранкинами небольшую речь, уснащенную учеными терминами, чего он добросовестно избегал в общении со своими пациентами и из чего можно сделать вывод, что он был доведен до крайности. В заключение он волей-неволей упомянул лечение гипнозом.

Под дальнейшим нажимом он его прямо рекомендовал и на следующий день привел с собой

профессора Адами, наиболее пристойного и наименее пускающего пыль в глаза, какого ему только удалось найти среди целителей этой школы.

Мисс Аннабель, кроткая и меланхоличная, оказалась легкой жертвой — или следовало бы сказать, объектом? — воздействия профессора. Предварительно осведомленный доктором Принсом, с каким недугом ему предстоит сразиться, податель духовных снадобий для начала «внушил» (на языке своей школы) юной страдалице, пребывавшей в бессознательном состоянии, убеждение, что ее недуг — простая фантазия, а сама манера ее пешего передвижения безупречна.

Когда мисс Ранкин было велено очнуться, она села на кушетке сначала с несколько недоумевающим видом, а затем встала и прошлась по комнате с грациозностью, уверенностью и беззаботностью Дианы, балерины или баскетбольной чемпионки Вассара. Печальное личико мисс Аннабель теперь озарилось радостью и надеждой. Миссис Ранкин с чувствительностью южанки счастливо всплакнула в крохотный носовой платочек, обшитый кружевами. Аннабель продолжала ходить твердой ровной походкой, полностью владея всеми необходимыми для этого

движениями. Доктор Принс вполголоса поздравил профессора Адами, а затем выступил вперед, с улыбкой полируя свое пенсне. Эта позиция дала ему возможность отодвинуть гипнотизера в тень, а тот, готовый временно оставаться на заднем плане, сосредоточенно взвешивал в уме, какой величины счетом за указанную услугу он может без риска украсить этот визит, когда выйдет вперед.

Под вновь и вновь повторяемые выражения благодарности джентльмены-целители откланялись, слегка опьяненные успехом лечения, которое для одного из них представляло собой эксперимент, а для другого — демонстрацию.

Когда двери за ними закрылись, мисс Аннабель, чья обычная серьезная задумчивость смягчилась радостью, села к роялю и заиграла бодрый марш. Целители, направлявшиеся за дверью к лифту, услышали ее испуганный вопль и поспешили вернуться. Они увидели, что она сидит на музыкальном табурете и пальцы одной ее руки все еще нажимают клавиши. Другая рука окостенела от плеча, вытянулась во всю длину у нее за спиной, а пальцы крепко сжались в прелестный розовый кулачок. Мать наклонилась над ней, разделяя ее испуг и ошеломление. Мисс Ранкин

встала с табурета, успокоившись, но вновь во власти угнетенности и печали.

— Я не знаю, почему это произошло, — сказала она жалобно. — Я начала играть, и эта рука вытянулась назад. Она отказывается приблизиться к роялю, пока другая касается клавиш.

В комнате имелся стол для пинг-понга.

— Давайте сыграем, мисс Ранкин! — весело воскликнул профессор Адами, пытаясь нащупать зацепку.

И они сыграли. Держа ракетку бунтующей рукой, мисс Аннабель Ранкин играла великолепно. Контроль над ударами оставался безупречным. Профессор положил ракетку.

— Ай! На моем пиджаке одна пуговица висит на ниточке, — сказал он. — Таков уж жребий неприкаянных холостяков. Иголку с ниткой, э, мисс Ранкин?

С некоторым удивлением, но улыбнувшись в знак согласия, Аннабель принесла требуемое из соседней комнаты.

— Теперь вденьте нитку в иголку, будьте так добры, — сказал профессор Адами.

Аннабель откусила примерно два фута черной шелковой нитки. Она начала продевать ее в ушко, как тайна раскрылась. Едва рука с ниткой

приближалась к другой с иголкой, эта рука яростно отдергивалась. Доктор Принс первым облек это тягостное событие в слова.

— Дорогие мисс и миссис Ранкин, — сказал он своим музыкальнейшим успокоительным баритоном, — наш успех оказался лишь частичным. Недуг мисс Ранкин перешел с ваших… то есть недуг теперь угнездился в ваших руках.

— О боже! — вздохнула Аннабель. — Значит, у меня одна рука бийллская, а другая ранкинская. Что же, во всяком случае, я всегда могу пользоваться только одной рукой. Люди не будут замечать этого, как не замечали перед тем. Ах, какой докукой были эти вендетты, ничего не скажешь! По-моему, следовало бы ввести законы против них.

Доктор Принс посмотрел вопросительно на профессора Адами. Но указанный джентльмен покачал головой.

— Как-нибудь на днях, — сказал он. — Я предпочитаю создавать необходимые условия не чаще, чем через интервалы в два-три дня.

А потому три дня спустя они вернулись, и профессор вновь поместил мисс Ранкин под свой контроль. На этот раз успех выглядел полнейшим. Она вышла из транса, безупречно владея

всеми мышцами. Прошла по полу уверенной грациозной походкой. Сыграла на рояле несколько труднейших пассажей, причем пальцы и руки двигались с достоинством и сопутствующей непринужденностью. Мисс Ранкин, казалось, наконец обрела прекрасно ориентированное физическое состояние, а также исполненное благодарности душевное.

Неделю спустя в приемную доктора Принса впорхнул щедро раззолоченный молодой человек, весь в пробах высшего общества.

— Я Эшбертон, — объяснил он. — Т. Рипли Эшбертон, знаете ли. Я помолвлен с мисс Ранкин. Как я понял, вы тренируете ее для улучшения ее аллюров… — Т. Рипли Эшбертон спохватился. — Я не то имел в виду, знаете ли… сорвалось с языка… много времени проводил в конюшнях. Послушайте, доктор Принс, скажите-ка мне. Откровенно, знаете ли. Я жутко втюрился в мисс Ранкин. Осенью мы должны пожениться. Можете считать меня членом семьи, знаете ли. Они рассказали мне о лечении, которое вы ей устроили с… э… этим медиумом. Оно на редкость ее взбодрило, уверяю вас. Теперь расхаживает свободно и справляется со своими но… то есть, знаете ли, со всеми прежними неприятностями покончено.

Однако появилось кое-что новенькое и портит трек. Вот я и зашел, знаете ли.

— Меня не поставили в известность, — сказал доктор Принс, — о каком-либо возобновлении нездоровья мисс Ранкин.

Т. Рипли Эшбертон достал серебряный портсигар и с нежностью его обозрел. Не получив никакого подбодрения, он со вздохом вернул его в карман.

— Не возобновление, — сказал он вдумчиво, — но что-то другое. Возможно, известно это только мне. Говорить про это, ну, против шерсти… открывать секреты Купидона, знаете ли, хорошенькая подлость, ничего не скажешь, но, полагаю, причина того стоит.

— Если вы обладаете какими-либо сведениями или наблюдениями, — весомо произнес доктор Принс, — благодаря которым здоровью мисс Ранкин может быть принесена польза, разумеется, ваш долг поделиться ими ради нее. Вряд ли мне требуется напомнить вам, что подобные сообщения сохраняются в секрете, как того требует профессиональная этика.

— Мне кажется, я упомянул, — сказал мистер Эшбертон, чьи пальцы все еще порхали у кармана, хранящего портсигар, — что мисс Ранкин и я

друг на друга не надышимся. Она девушка каких поискать, хоть и происходит с гор Кентукки. Последнее время она ведет себя жутко странно. Одну минуту она жутко ласкова, а в следующую отталкивает меня, будто мы даже незнакомы. Вчера я заехал в отель, и она встретила меня у дверей их номера. Вокруг никого не было, и она влепляет мне жутко сладкий поцелуйчик… э… мы же помолвлены, знаете ли, доктор Принс. И тут же отшатывается и влепляет мне жуткую пощечину. «Видеть тебя не могу, — сказала она. — Да как ты смеешь позволять себе такие вольности!»

Мистер Эшбертон вытащил из кармана конверт и извлек из него листок линованной бумаги нежно-гелиотропового оттенка.

— Вы можете прочесть эту записочку, знаете ли. Не знаю, медицинский ли это случай, честное благородное слово, но я жутко растерян, понимаете ли.

И доктор Принс прочел следующие строки:

«Мой милый, милый Рипли!

Пожалуйста, навести меня сегодня вечером, будь таким паинькой, и пригласи куда-нибудь. У мамы разболелась голова, и она говорит, что будет рада на время избавиться от нас с тобой. Так было мило прислать мне водяные лилии

— именно то, чего я хотела для окон, выходящих на восток. Ты чудесный мальчик — такой внимательный и хороший, и я уверена, ты заслуживаешь всей-всей любви всецело твоей Аннабель.

P. S. Впрочем, я попрошу вас не приезжать сегодня вечером, так как я буду занята. Как кажется, вам никогда не приходило в голову, что могут существовать два взгляда на великое удовольствие, которое ваше общество, как вы, видимо, считаете, доставляет другим. Костюмы и болтовня о клубах и скачках без каких-либо других аксессуаров никогда еще не создавали мужчину.

Со всем уважением,

Аннабель Ранкин».

Лишенный поддержки своих утешительных трубочек, Т. Рипли Эшбертон сидел в мрачной унылости, прикидывая в уме и то и это.

— А! — воскликнул доктор Принс вслух, но адресуя это восклицание самому себе. — Изгнаны из рук в сердце!

Он постиг, что таинственная наследственная противоречивость действительно угнездилась в этом нежном органе злополучной девушки.

Раззолоченный юноша был отправлен восвояси с обещанием, что доктор Принс нанесет профес-

сиональный визит мисс Ранкин. Что он скоро и сделал в обществе профессора Адами, после того как они подробно обсудили этот странный зигзаг докучного наследия Бийллов и Ранкиных. На этот раз, поскольку место, где угнездился недуг, требовало искусного подхода, в ход была пущена некоторая дипломатия, прежде чем юная барышня согласилась вновь испытать искусство профессора. Но, судя по всему, она согласилась и как прежде вышла из транса без каких-либо дурных последствий.

Доктор Принс провел несколько дней, ожидая известий от мистера Эшбертона с большим интересом и некоторой тревогой, поскольку именно он мог обнаружить признаки улучшения, если оно наступило. И как-то утром указанный молодой человек, ликуя, заглянул к нему.

— Все в порядке, знаете ли, — объявил он бодро. — Мисс Ранкин стала прежней. Такая же сладенькая, как крем, и все позади. Ни единого сердитого слова или взгляда. Я ее лапочка, дальше некуда. Она не верит тому, что я говорю ей про то, как она со мной обходилась. Дает понять, будто я это напридумывал. Но теперь всё в порядке, всё катится на резиновых шинах. Жутко обязан вам и старикану… э… медиуму, знаете

ли. И я скажу прямо теперь, доктор Принс, мисс Ранкин чудесно поздоровела во всех смыслах. Она бывала довольно чопорной, знаете ли, вроде как бы высокомерной, книги почитывала и привычку имела думать о том о сем, знаете ли. Так она полностью от всего исцелилась, украшение любой компашки — шикарная и модная, а уж задорная! У нее все пойдут на поводу, когда она станет миссис Т. Рипли. Так вот что, доктор Принс, вы с… э… медиумическим джентльменом приезжайте вечером поужинать с миссис и мисс Ранкин и со мной. Я буду в восторге… нет, правда — просто чтобы вы сами, знаете ли, увидели все улучшения в мисс Ранкин.

Случилось так, что доктор Принс и профессор Адами приняли приглашение мистера Эшбертона. Они встретились в отеле, в номере Ранкинов, откуда им предстояло проследовать в ресторан, имевший честь быть выбором мистера Эшбертона.

Когда мисс Ранкин грациозно впорхнула в гостиную, доктор и профессор испытали восхищение в борьбе с удивлением. Она была обворожительной, сияющей, фейерверочно оживленной. Ее мать и мистер Эшбертон околдованно упивались ее красотой и речами. Ее

светло-голубое платье было ей удивительно к лицу.

— О господи! — внезапно воскликнула она с лукавой задорностью, — это платье мне не нравится. Вам всем придется подождать, — скомандовала она, пленительно взмахнув шлейфом, — пока я не переоденусь.

Полчаса спустя она вернулась, умопомрачительная в сногсшибательном костюме из черного кружева.

— Вниз я спущусь с вами, профессор Адами, — объявила она с чарующей улыбкой. На половине лестницы она внезапно покинула его и присоединилась к доктору Принсу.

— Вы были таким благом для меня, — сказала она. — Какое облегчение избавиться от этой противной вендетты! Боже мой! Рипли, ты забыл конфеты? Ах, это противное черное платье! Мне не следовало его надевать, оно наводит меня на мысли о похоронах. А вы почувствовали запах сирени? Он наводит меня на мысли о горах Кентукки. Как бы я хотела, чтобы мы вернулись туда.

— Но разве вам не нравится Нью-Йорк? — спросил доктор Принс, с интересом на нее поглядывая.

Она вздрогнула при звуке его голоса и посмотрела на него с кокетливой живостью.

— Нет, очень, — ответила она с большой серьезностью. — Я обожаю Нью-Йорк. Ведь я не смогла бы жить без театров, и танцев, и моих ежедневных прогулок в коляске. Ах, Рипли, — окликнула она его через плечо, — не покупай этого бульдожку, которого я хотела. Я передумала. Я хочу шпица, смотри не забудь.

Они вышли на тротуар.

— Ах, карета! — вскричала мисс Ранкин. — Не хочу карету, хочу авто. Отошли ее!

— Будет сделано, — весело сказал мистер Эшбертон. — Мне показалось, что ты говорила про карету.

Подчиняясь приказу, карета укатила, а на ее место подкатило открытое авто.

— Оно такое душное и пахнет скверно! — вскричала мисс Ранкин с обворожительной гримаской. — Мы пойдем пешком. Рипли, вы с доктором Принсом будете сопровождать маму. Идемте, профессор Адами.

— Милая, милая девочка! — радостно воскликнула миссис Ранкин, обращаясь к доктору Принсу. — Так полна веселости и предвкушения жизни впереди! Она настолько выигрывает по

сравнению с той, какой была прежде.

— Более чем, — сказал Эшбертон гордо и самодовольно. — Освоила аллюры большого города. «Шикарная», «крик моды» — эти словечки для нее слабы. Покончила с этой своей задумчивостью. Такая современная! Она же меняет свои решения каждые две минуты. Вот она, моя Аннабель!

В модном ресторане, где они вскоре расположились, доктор Принс обнаружил, что его любопытством и интересом полностью завладело поведение мисс Ранкин. Она пребывала в пленительно капризном настроении и держалась будто избалованный малыш, чьи противоречивые прихоти тут же исполняются пресмыкающимися родными. Она заказывала по меню блюдо за блюдом и, надувая губки, отсылала почти каждое, едва оно появлялось перед ней. Официанты убегали, возвращались, сталкивались, ублажали, извинялись и плясали под ее дудку, угождая ей. Речь ее была быстрой, оживленной, восхитительно непоследовательной, изобиловавшей противоречиями, исключающими друг друга, утверждениями, ляпами, несогласованностями и беспочвенностями. Короче говоря, всего за несколько дней она, казалось, обрела всю пустоголовую, нелогичную легковесность, которая

отличает некоторые сферы модного общества.

Мистер Т. Рипли Эшбертон с обожающим преклонением и безмозглым восхищением упивался этими новыми чарами своей невесты — чарами, в которых он сразу распознал знак принадлежности к своему кругу.

Позднее, после окончания ужина, доктор Принс и профессор Адами немного задержались на углу, где их пути расходились.

— Ну, — сказал профессор, заметно размягченный превосходным ужином и вином, — на этот раз нашей барышне наконец улыбнулась удача. Недуг полностью удален из ее существа. Да-с, сэр, в свое время наша школа получит всеобщее признание.

Доктор Принс вгляделся в красивое утонченное лицо гипнотизера. И не обнаружил никаких признаков того, что этот джентльмен сколько-нибудь догадывается о диагнозе, который поставлен им.

— Как вы говорите, — ответил он, — она выглядит выздоровевшей, насколько могут судить ее близкие.

Когда у него нашлось свободное время, доктор Принс вновь вторгнулся в святую святых великого Ворчунтона Майерса, и они вместе впитывали яд никотина.

— Да, — сказал великий Майерс, когда дверь открылась и доктор Принс вместе с дымом начал просачиваться наружу, — я думаю, вы приняли правильное решение. Пока никто из заинтересованных лиц не подозревает правды и счастлив в нынешних обстоятельствах. На мой взгляд, нет никакой необходимости ставить их в известность, что feudity Beallorum et Rankinorum[2] — как вам моя латынь, доктор? — всего лишь загнана в мозг мисс Ранкин.

[2] Примечания: 2

Вендетта Бийллов и Ранкинов *(лат.). — Здесь и далее прим. переводчиков, если не указано иное.*

Неуловимый Тендерлойн[3]

А Тендерлойна нет. И никогда не было. То есть такого, какой можно обмерить рулеткой. По сути, слово это подразумевает условие или качество, как, скажем, «предосудительный» или «душа в пятках».

Ему приписывались границы и пределы, я знаю. Реалисты болтали «от Четырнадцатой до Сорок второй улицы» и «западнее» и т. д. Однако более широкое значение этого слова я храню при себе.

Подтверждение моей интерпретации этого знаменитого существительного «бойня» в роли определения я получил от Билла Джереми, одного моего приятеля с Запада. Билл живет в городишке на рубеже края луговых собачек. По временам Билл уступает потребности поддержать традицию «имбирного пива, обжигающего глотку», как выразился один шекспировский шут.

На этот раз Билл прихватил эту свою потреб-

---

[3] Примечания: 3

Говяжья вырезка *(англ.).* Прозвище нью-йоркского района на рубеже XIX–XX вв., средоточие борделей, притонов, питейных заведений и тому подобного.

ность в Нью-Йорк. И она навалилась на меня. Ну, вы знаете, что это означает.

Я не преминул показать Биллу дупло, высверленное в зубе города, которое вот-вот запломбируют золотой подземкой, и музей Идена, и Утюг, и трещину в окне гостиной Рассела Сейджа, а также старичка, который мальчуганом запустил камень, сотворивший эту трещину. И я спросил Билла, как ему Нью-Йорк.

— Может, ты исходил из лучших побуждений, — сказал Билл с мягким упреком, — но ты покатил по избитой колее. Счел меня за оптовика, покупающего нижнее белье для универсальной бакалеи в Сосновом Сучке, штат Северная Каролина, верно? Или за младшего партнера фирмы «Двуколер и Грин» в Джиджиукоми, штат Арахис, приехавшего для осенних закупок джинсов, женского белья и точильных камней? Не ублажай меня, будто друга-бизнесмена. По-твоему, — не унимался он, — мое дикое необузданное томление по развлечениям большого города можно насытить зрелищем восковых фигур или остроугольными творениями архитектуры? А ну-ка, вытащи потрепанный конверт со списком достопримечательностей на нем и вычеркни Бруклинский мост и пролетку, в которой Морган

возвращается домой, и все остальные, потому что я займусь этим в одиночку. Тендерлойн, вот что меня манит, Жаркое «Из Вырезки» в моем вкусе.

Биллу Джереми свойственна манера что говорить, то и делать. А потому я не стал и дальше прельщать его мостом, или Карнеги-Холлом, или Мемориалом — достопримечательностями, которые щедрый душой старожил Нью-Йорка сберегает неосмотренными для своих друзей.

И под вечер Билл без всякой защиты ринулся на Тендерлойн. На следующий день он пришел, закинул ноги на мой письменный стол и поведал мне о том, как все происходило.

— Тендерлойн этот, — сказал он, — нечто среднее между дурацкими цирковыми номерами и соревнованием по пешему хождению. Передвижной праздник, что-то вроде Пасхи или попытки есть спагетти палочками на манер китайцев.

Вчера вечером я убрал всю свою наличность, кроме девяти долларов, под край ковра и отправился в путь. У меня имелось меню на эту Вырезку, и там указывалось, что начинается Тендерлойн от Четырнадцатой улицы и тянется до Сорок второй, с Четвертой авеню и Седьмой по бокам. Ну, я двинулся от Четырнадцатой, чтоб ничего не упустить. По улицам в большом числе

спешили люди. И я подумал: Вырезка ну просто шипит на сковороде. Если не поторопиться, как бы не остаться без места на представлении.

Главные толпы, казалось, шли туда, ну, и я пошел туда.

А затем они вроде бы пошли сюда, ну, и я пошел сюда. У типуса в легком пальто и с сизым подбородком, который прислонялся к фонарному столбу, я спросил, где этот самый Тендерлойн.

«Вот туда», — говорит он и тычет левым безымянным пальцем.

«А как мне его узнать, когда я дойду?» — спрашиваю я.

«Хры! — говорит он, будто его тошнит. — Проще простого! Увидишь белобрысого дурня, который угощает деваху в блузке за девяносто восемь центов сандвичем с сыром и имбирной шипучкой, а вокруг пять капралов Армии спасения ждут мелочишки. Там будет наяривать фонограф, а десять фараонов — готовить налет на энту забегаловку. Вот так и узнаешь».

Тут я спросил типуса, а где я, собственно, сейчас.

«В двух кварталах от Помпы», — говорит он.

Ну, я иду дальше, и ничего тебе похожего в смысле греховных наслаждений. Тут я свора-

чиваю и упираюсь в еще одну авеню. Шестая, прикидываю. А люди все еще идут туда-сюда, сначала выдвигают вперед одну ступню, а затем другую в той безбожной и распутной манере, из-за которой, думается мне, Тендерлойн и получил свою фривольную репутацию. Трамваи катили мимо самым нечестивым и нераскаянным образом, а непотребные даго раскалывали каштаны для поджаривания с дикой бесшабашностью, которая очень даже напомнила мне о том, что творится в Париже. Который во Франции. Беспутные чистильщики сапог спали на своих табуретах, а посвист жареного арахиса, завлекательный и дьявольский, раздавался среди беспардонных кутил, прислонявшихся к опорам тента.

Парень в цилиндре и с медными пуговицами слезает со своей крытой двуколки и говорит мне: «Кеб, сэр?»

«Где этот самый Тендерлойн, полковник?» — спрашиваю.

«А вы в самой что ни на есть его середке, сэр, — говорит он. — Вы как раз стоите на самом грешном углу Нью-Йорка. Всего в десяти шагах отсюда прошлым вечером у парня с тачкой обчистили карманы; а коли вы тут на неделю, так я могу показать вам, как по меньшей мере две

развеселые компании прокатятся при лунном свете в заказном трамвайчике по нью-амстердамской линии».

«Послушай, — говорю, — я хочу отвести душу. Девять металлических кружков с изображением Свободы протирают дырки в подкладке моего кармана. Так что подскажи мне что-нибудь по-настоящему недостойное, буйное и прямо-таки нашпигованное культурным и потрясным грехом. Что-нибудь, что шибает в нос пороками большого города, чтоб мне было чем гордиться, когда я вернусь домой. Или в тебе нет ни капли гражданской гордости?»

Кучер двуколки почесал подбородок.

«Как раз сейчас, босс, — говорит он, — все попритихли. Дан намек, что у Джерома с сигаретами нелады. В другой-то раз… Э-эй, — говорит он, будто его осенило, — а как вам ночные рестораны? Полно электричества, босс, и людей, и веселья. Иногда они там прямо-таки хохочут. Приезжие очень даже посещают наши рестораны».

«А, ну тебя, — говорю. — Сдается мне, что ваш хваленый Тендерлойн просто говяжья вырезка и ничего больше. Немного перчика и непотребства и шумной лихости — вот что мне требуется. Если же ты ничего такого предложить не можешь, так

полезай назад на козлы своей полуколымаги.

У нас на Западе ресторанов хоть завались, — говорю я ему, — где мы едим жратву при искусственном освещении и в сопровождении смеха. Где хваленый порок вашего несправедливо порицаемого города?»

Он опять почесал подбородок.

«Так, по-моему, босс, — говорит он, — где он был, там и есть. Только вот Джером… — И тут его опять осеняет. — Вот что, — говорит он, — лучше не придумать. Садитесь-ка в мой кеб, и я отвезу вас в Бруклин. Моя тетя устраивает нынче карточный вечерок, — говорит он, — потому как Майклс О'Рейли нынче занят, ведет слежку за плавательным бассейном — кто-то его надоумил, что это подводная бильярдная[4]. Вы в юкр играете? Кеб обойдется в три пятьдесят за час. Залезайте, босс».

— Вот самое лучшее, что я нашел на самом грешном углу Нью-Йорка. Ну, я и зашагал в самую шумную сторону: не отыщу ли что-нибудь среди фарисеев. Все, насколько я мог видеть, выглядело безгрешнее гамака на летнем пикнике учителей. Люди просто ходили туда-сюда и разговаривали

---

[4] Примечания: 4

Непереводимая игра на значениях слова pool-room: «бильярдная» и «бассейн».

про выставки хризантем и оратории, наслаждаясь незаслуженной репутацией самых грешных беспутников на континенте.

— Жаль-жаль, Билл, — сказал я, — что Тендерлойн тебя разочаровал. И тебе не выпал ни единый случай потерять хотя бы доллар?

— Выпал-выпал, — сказал Билл. — Я умудрился обронить доллар на краю этого грешного района. Иду по бульвару и вдруг слышу жуткий ор и крики, будто происходит что-то стоящее, вроде хорошей заварушки у нас на Западе. Какой-то парень вопил во весь голос, ругался почем зря и призывал всякие проклятия на что-то там.

Доносились эти крики из-за больших дверей высокого здания. Вот я и двинул туда посмотреть, повеселиться. Что ж, думаю, все-таки отхвачу кусочек этой самой Вырезки. Ну, вхожу… и вот тут-то я доллар и обронил, а они — хвать! И забрали его на блюдо.

— А внутри это что было, Билл? — спросил я.

— Один парень, когда мы вышли, растолковал мне, — сказал Билл. — Это была церковь, и проповедник, один из тех, что занимаются политикой, обличал пороки Тендерлойна.

Тяготы несопричастных

И вновь сегодня Лоренс Холкоум остановил трамвай на некой улице в лохмотьях окраины города и сошел. Холкоум был видным преуспевающим бизнесменом сорока лет, человеком высокого общественного положения с завидными связями. Его уютный пригородный особняк находился в пяти милях дальше по трамвайной линии от улицы, где в последнее время он столь часто выходил из вагона, идущего оттуда.

Кондуктор подмигнул постоянному пассажиру и многозначительно кивнул в сторону быстро удаляющейся фигуры Холкоума.

— Чуть не каждый день, — заметил кондуктор.

Холкоум опасливо спускался вниз по крутому переулку, кишащему маленькими оборвышами и замусоренному брошенными на произвол судьбы жестянками. Он остановился перед домиком, обнесенным забором вместе с клочком каменистой земли и двумя-тремя растущими на ней кривыми тенистыми деревьями. Дородная женщина средних лет стирала белье в лохани сбоку от двери.

Она подняла голову и улыбнулась улыбкой

толстушечьего узнавания.

— Доброго вам вечера, мистер Холкоум, опять, значит, вы к нам. А Кэти в доме, сэр.

— Вы говорили с ней обо мне? — спросил Холкоум вполголоса. — Вы постарались помочь мне получить ее согласие, как обещали?

— Ну, а как же, уж поговорила. Да только, сэр, сами знаете, девушки они девушки и есть. Чем больше их уговариваешь, тем больше они фордыбачат. Образумить ее могут только ваши уговоры, ваши собственные. А уж как мне-то хотелось бы, чтоб по-вашему вышло. Я уж твержу ей, твержу, предложения лучше вашего ей не дождаться, сэр. Она-то хорошая девушка, и умелица, что на кухне, что в гостиной, и попрекнуть ее совсем нечем, разве что танцы любит, и оборочки, и ленточки, так ведь оно и понятно при ее-то молодости и красоте, я так говорю, хоть я ей и мать, мистер Холкоум. Так вы потолкуйте с Кэти опять, может, на этот раз дело и сладится, разве что Дэнни Конлан, безобразник этот неуемный, опять ее против вас настроил.

Холкоум чуть побледнел, и на секунду его губы крепко сжались.

— Я уже слышал про этого парня, про Конлана. Почему он вмешивается? Почему он стоит у меня

на дороге? Что-нибудь между ним и Кэти? Кэти к нему неравнодушна?

Миссис Флинн испустила вздох, как спускающий пары локомотив, и хлопнула мокрым одеянием по стиральной доске с такой силой, что Холкоум в шести футах от нее получил щедрую порцию брызг.

— Не спрашивайте меня, что у девушки в сердце, и я вам не солгу. Ее родная мать знает не больше, чем вы сами, мистер Холкоум.

Холкоум вошел в домик. Кэти Флинн, засучив рукава, утюжила оборки муслинового платья. Порицающие мистера Холкоума за то, что он спустился из собственных сфер на низкую орбиту этой звезды, конечно же прикусили бы языки, доведись им увидеть Кэти. Красота ее была высокосортного и убедительного рода. Темные ирландские глаза, коса иссиня-черных волос толщиной в руку, пунцовые губки, складывающиеся в унисон каждому ее настроению и обрамленные ямочками, фигурка сильная и грациозная, лучащаяся жизнью и энергией — словом, Кэти Флинн принадлежала к тем, кого ищут, за кого борются.

Холкоум вошел и остановился возле нее, пока она продолжала гладить, и смотрел на легкую игру мускулов под атласной кожей ее округлых

рук.

— Кэти, — сказал он, и в его голосе под искательной нежностью пряталась некоторая тревога. — Я пришел за ответом. Незачем повторять то, что мы обсуждали так часто, вы же знаете, как я хочу, чтобы вы дали мне согласие. Вам известны мои обстоятельства и положение и что у вас будет все самое наилучшее, все, чего вы ни попросите. Скажите «да», Кэти, и сделайте меня сегодня самым счастливым человеком в городе.

Кэти поставила металлически лязгнувший утюг и оперлась локтями на гладильную доску. В ее огромных сине-черных глазах искрящаяся веселость в сугубо ирландском духе преобразилась в меланхолическую задумчивость.

— Ах, мистер Холкоум, право, не знаю, что и сказать. Я знаю, вы будете добры и поселите меня в доме, какой только можно пожелать. Я и рада бы сказать «да», правда-правда. Я уж совсем решила ответить вам так, но вот Дэнни… уж очень он против.

Опять Дэнни! Холкоум прошелся по комнате, нетерпеливо хмурясь.

— Да кто он, Кэти, этот ваш Конлан? — спросил он. — Всякий раз, когда вы уже готовы согласиться, он встает между нами. Или он хочет, чтобы вы

так всегда и жили в этом домишке, как угодно его величеству? Почему вы его слушаете?

— Я ему требуюсь, — сказала Кэти голосом избалованной маленькой девочки.

— Ну, вы требуетесь и мне, — властно сказал мистер Холкоум. — Если бы я мог повстречаться с этим замечательным мистером Конланом, столь убедительно речистым, я мог бы обсудить с ним этот вопрос.

— Он был чемпионом нашего города по боксу в среднем весе, — сказала Кэти шаловливо.

— Ах вот как! Ну, меня, Кэти, это не пугает. Правду сказать, я бы, пожалуй, предложил ему несколько раундов, с вами в качестве приза, хотя и давненько не надевал перчатки.

— Ой! Вон он! — воскликнула Кэти, и глаза у нее испуганно расширились.

Холкоум поглядел за дверь и увидел идущего от калитки молодого человека. Шагал он с небрежной самоуверенностью. А лицо у него было сурово-воинственным, но и симпатичным. Кепку он нахлобучил на один глаз. Он вошел в дом и остановился в дверях комнаты, где находились его соперник и яблоко раздора.

— Опять пристаете к моей девушке, а? — пробурчал он хрипло и зловеще. — Мне это не

нравится, понятно вам? Я ей так и сказал. И вам так говорю. Она останется здесь. За десять центов я вам физию расквашу. Поняли?

— Послушайте, мистер Конлан, — начал Хол- коум, пытаясь избежать argumentum ad hominem[5], — внемлите голосу рассудка. Только справедливо дать Кэти возможность решить самой. Так ли уж честно препятствовать ей поступить как она предпочтет? Если бы не ваши вмешательства, она давно была бы со мной.

— За пять центов, — гнул свое несгибаемый мистер Конлан, сбавляя цену, — я вам физию расквашу.

В глазах Холкоума появился блеск отчаянной решимости. Он увидел, что есть только один способ убрать эту помеху со своего пути.

— Мне сообщили, — сказал он спокойно и твердо, — что вы боксер. По-видимому, вы считаете физический бой решением любого вопроса. Так вот, Конлан, я не чемпион, но я буду драться с вами до конца в любое время в ближайшие три минуты, и поглядим, кому достанется девушка. Если я выиграю, она переедет ко мне. Если же выиграете вы, то пусть будет по-вашему и больше

---

[5] Примечания: 5

Букв. «довод к человеку» *(лат.)*. Доводы, приводимые для убеждения кого-то, но недостаточно обоснованные и не решающие существа спора.

я ее беспокоить не стану. Согласны?

В суровых голубых глазах Дэнни Конлана вспыхнуло внезапное восхищение.

— А вы в порядке, — признал он с грубоватой откровенностью. — Вот уж не думал, что вы из таких. Вы в порядке. Предложение самое что ни на есть честное, и я составлю вам компанию. И подчинюсь результату согласно условиям. Пошли, и я покажу вам, где это можно будет устроить. Вы в порядке.

Кэти попыталась вмешаться, но Дэнни заткнул ей пасть. Он повел Холкоума вниз по склону в глубокий овраг, укрывший их от посторонних взглядов. Сумерки как раз сменялись темнотой. Они положили на землю пиджаки и шляпы. Такая вот ситуация в размеренном существовании Лоренса Холкоума, брокера по недвижимости и закладным, представительного бизнесмена безупречных жизненных привычек и положения в обществе! Боксировать с кулачным профессионалом в овраге на нищей окраине ради дочери ирландской прачки!

Бой был коротким. Протянись он дольше, Холкоум проиграл бы, поскольку из-за длительного перерыва в тренировках и его дыхание и владение приемами заметно пострадали. А потому он

с самого начала форсировал бой. Трудно сказать, чему он был обязан своей победой над бывшим чемпионом в среднем весе. Возможно, ему посодействовало то, что нервы и глазомер мистера Конлана все еще оставались в расстройстве после недавнего загула. Вдобавок Холкоума подбодряла всевластная потребность победить — побуждение более могущественное, чем инстинкт гладиатора, более глубокое, чем все аспекты галантности и превосходящее даже неотразимое влияние самой любви. Ну, а третьим счастливым добавлением, бесспорно, послужил случайный удар в торчащий подбородок средневеса, от которого указанный боец повалился в мусор оврага и остался обездвиженным, пока Холкоум, стоя над ним, неторопливо отсчитывал его поражение.

Дэнни, пошатываясь, поднялся на ноги и показал себя истинным спортсменом.

— Вы в порядке, — сказал он. — Но если бы мы не сговорились на одном раунде, кончилось бы по-другому. Девушку вы забираете. Я слово держу.

Они взобрались назад по склону.

— Все улажено, — объявил Холкоум, — мистер Конлан снимает свои возражения.

— Верно, — подтвердил Дэнни. — Он в порядке.

Холкоум отделался только оцарапанным подбородком, слегка покрасневшим от сокрушительного, но неточного апперкота левой Дэнни. Лицо Дэнни хранило следы поражения. Один глаз совсем заплыл. Губа кровоточила.

Кэти показала себя истинной женщиной. Такие не бросаются увенчивать победителя в турнире за их благосклонность. Жалость — на первом месте. Победителю приходится ждать своих лавров. Но он их получает. Кэти кинулась к побежденному чемпиону с утешениями и занялась его синяками. Холкоум безмятежно смотрел на это и улыбался без малейшей ревности.

— Завтра, — сказал он Кэти, держа голову прямо. Его глаза сияли.

— Завтра, как хотите, — ответила Кэти.

Холкоум брезгливыми шажочками проделал путь вверх по холму среди лохмотьев и устаревших жестяных вместилищ. Подошел его трамвай, сияя электрическими огнями и набитый пассажирами. Холкоум вскочил на заднюю площадку и остался стоять там. Он оказался рядом с Уэзерли, другом и соседом, который тоже построил дом в пригороде в нескольких кварталах от его особняка.

— Привет, Холкоум! — взревел Уэзерли, заглу-

шая лязг трамвая. — Высматривал тут лакомый кусочек недвижимости? Как там миссис Холкоум и маленькие Холкоумчики?

— Лучше некуда! — завопил Холкоум. — Во всяком случае, когда я уходил утром. А твое семейство?

— Так-сяк. Обычные пригородные беды. Слуги не желают оставаться так далеко от города, торговцы возражают против доставки заказов в деревню, автомобили ломаются, ну и так далее. А почему у тебя такой довольный вид? Заключил сегодня выгодную сделку?

Лицо Холкоума сияло экстазом. Он погладил одной рукой царапинку на подбородке и наклонил голову к уху Уэзерли.

— Послушай, Боб, помнишь эту ирландочку, Кэти Флинн, которая так долго пробыла у Спэффордов?

— Слышал про нее, — сказал Уэзерли. — Говорят, она протянула у них год без единого свободного дня. Но я в такие волшебные сказочки не верю.

— Не сказочка, а факт. Ну, так сегодня я нанял ее в кухарки. Переедет завтра.

— Черт бы тебя побрал, счастливчик ты эдакий! — заорал Уэзерли с завистью и в голосе, и

в сердце. — А еще живешь в четырех кварталах дальше нас!

Постскриптумы /1923/[6]

[6] Примечания: 6
Перевод А. д'Актиля

Чувствительный полковник

Солнце ярко светит, и птицы весело поют на ветвях.

Во всей природе разлиты мир и гармония. У входа в небольшую пригородную гостиницу сидит приезжий и, тихо покуривая трубочку, ждет поезда.

Но вот высокий мужчина в сапогах и в шляпе с широкими, опущенными вниз полями выходит из гостиницы с шестизарядным револьвером в руке и стреляет. Человек на скамье скатывается с громким воплем. Пуля оцарапала ему ухо. Он вскакивает на ноги в изумлении и ярости и орет:

— Почему вы в меня стреляете?

Высокий мужчина приближается с широкополой шляпой в руке, кланяется и говорит:

— П'ошу п'ощения, сэ'. Я полковник Джей, сэ', и я понял, что вы оско'бляете меня, сэ', но вижу, что я ошибся. Очень 'ад, что не убил вас, сэ'.

— Я оскорбляю вас — чем? — вырывается у приезжего. — Я не сказал ни единого слова.

— Вы стучали по скамье, сэ', словно хотели сказать, что вы дятел, сэ', а я п'инадлежу к д'угой по'оде. Я вижу тепе'ь, что вы п'осто выколачи-

вали пепел из вашей т’убки, сэ’. П’ошу вашего п’ощения, сэ’, а также чтобы вы вошли и де’нули со мною по стаканчику, сэ’, дабы показать, что у вас нет никакого осадка на душе п’отив джентльмена, кото’ый п’инес вам свои извинения, сэ’.

Не стоит рисковать

— Посмотрим, — сказал жизнерадостный импресарио, наклоняясь над географическим атласом. — Вот город, куда мы можем завернуть на обратном пути. Антананариво, столица Мадагаскара, имеет сто тысяч жителей.

— Это звучит обещающе, — сказал Марк Твен, запуская руки в густые кудри. — Прочтите, что там есть еще по этому вопросу.

— Жители Мадагаскара, — продолжал читать жизнерадостный импресарио, — отнюдь не дикари, и лишь немногие из племен могут быть названы варварскими. Среди мадагаскарцев много ораторов, и язык их полон фигурами, метафорами и притчами. Есть много данных, чтобы судить о высоте умственного развития населения Мадагаскара.

— Звучит очень хорошо, — сказал юморист. — Читайте дальше.

— Мадагаскар, — продолжал импресарио, — родина огромной птицы — эпиорнис, — кладущей яйца величиной в сто пятьдесят один с половиной на девяносто один с половиной дюймов, весом от десяти до двенадцати фунтов. Эти яйца…

— Не стоит читать дальше, — сказал Марк Твен. — Мы не поедем на Мадагаскар.

Зеленый

— Я впредь буду иметь дело только с опытными приказчиками, освоившимися со всеми особенностями ювелирной торговли, — сказал вчера хьюстонский ювелир своему другу. — Видите ли, на Рождество мы обычно нуждаемся в помощи и часто берем на эти дни людей, которые являются прекрасными приказчиками, но не посвящены в тонкости именно ювелирного дела. И вот тот вон молодой человек чрезвычайно исполнителен и вежлив со всеми, но благодаря ему я только что потерял одного из лучших своих клиентов.

— Каким образом? — спросил друг.

— Господин, всегда покупающий у нас, зашел с женой неделю тому назад, дал ей выбрать великолепную брильянтовую булавку, обещанную им в качестве рождественского подарка, и просил этого молодого человека отложить ее для него до сегодня.

— Понимаю, — сказал друг, — он продал ее кому-то другому, к великому разочарованию вашего клиента.

— Вы, по-видимому, недостаточно хорошо знаете психологию женатых людей, — сказал

ювелир. — Этот идиот действительно сохранил отложенную булавку, и тому пришлось купить ее.

Оборотная сторона

Все газеты обошло одно утверждение, касающееся хорошо известного женского недостатка — любопытства. Оно гласит, что, если мужчина принесет домой номер газеты, из которого вырезан кусочек, жена его не успокоится до тех пор, пока не достанет другого экземпляра и не убедится, что именно было вырезано.

Один из хьюстонских жителей настолько заинтересовался этим утверждением, что решил проверить его на опыте. Как-то вечером на прошлой неделе он вырезал из утренней газеты объявление о новом средстве против катара — так, дюйма на два — и оставил искалеченный номер на столе, где жена не могла его не заметить.

Он взял книгу и сделал вид, что поглощен ею, в то же время наблюдая за женой, просматривавшей газету. Когда той попалось место, откуда была вырезана заметка, она нахмурилась, и серьезное раздумье отразилось на ее лице.

Однако она ни слова не сказала, и муж никак не мог решить наверняка, возбуждено в ней любопытство или нет.

На следующий день, когда он вернулся к обеду, жена встретила его с пылающими глазами и зловещим дрожанием губ.

— Жалкий, лживый негодяй! — вскричала она. — После стольких лет совместной жизни узнать, что ты низко обманывал меня, ведя двойную жизнь и навлекая позор и горе на твою ни в чем не повинную семью! Я всегда подозревала, что ты мерзавец и подлец, а теперь у меня в руках неоспоримое доказательство этого!

— Что-что-что ты имеешь в виду, Мария? — вырвалось у него. — Я ничего не сделал!

— Конечно, ты готов добавить и ложь к списку твоих пороков! Раз ты делаешь вид, что не понимаешь меня, — погляди на это!

Она держала перед ним неповрежденный экземпляр вчерашней утренней газеты.

— Ты рассчитывал скрыть от меня твои поступки, вырезав часть газеты, но я умнее, чем ты думал!

— Но это всего лишь шутка, Мария. Я не думал, что ты отнесешься к этому серьезно.

— Ты называешь это шуткой, бессовестный негодяй! — вскричала жена, развертывая перед ним газету.

Муж взглянул — и прочел в смущении и ужасе.

Вырезая объявление о катаре, он ни на минуту не подумал взглянуть, что стояло на оборотной стороне его, — и вот какая заметка должна была представиться глазам того, кто встретился с вырезкой, читая другую страницу листа:

«Один из жителей города, видный делец, весьма весело проводил вчера время в одном из ресторанов, ужиная вместе с двумя хористками из гастролирующей в настоящее время у нас комической оперы. Излишне громкий разговор и битье посуды привлекли внимание посторонних, но все было улажено благодаря видному положению, занимаемому упомянутым джентльменом».

— Ты называешь это шуткой, старая ты гадина? — визжала возбужденная дама. — Я уезжаю к маме сегодня же вечером и намерена остаться там. Думал надуть меня, вырезав заметку, да? Ты низкая, транжирящая деньги змея! Я уже упаковала свои сундуки и еду сию же минуту домой… не подходи ко мне!

— Мария! — пролепетал не находивший слов муж. — Клянусь, что я…

— Не прибавляйте кощунства к вашим преступлениям, сэр!

Муж сделал три-четыре тщетных попытки за-

ставить себя выслушать, а затем схватил шляпу и помчался в город. Через четверть часа он вернулся с двумя шелковыми платьями, четырьмя фунтами конфет, бухгалтером и тремя приказчиками, чтобы доказать, что в упомянутый вечер он был по горло занят у себя в магазине.

Дело в конце концов было улажено к удовлетворению обеих сторон, но зато один из хьюстонских жителей больше не испытывает любопытства по вопросу о женском любопытстве.

Спортивный интерес

На задах одной из крупнейших мануфактурных фабрик Хьюстона кипит оживленная работа. Целый ряд рабочих хлопочет, подымая тяжести с помощью блоков и талей. Каким-то образом канат перетирается, и подъемный кран летит вниз. Толпа с быстротой молнии рассеивается кто куда. Сильный, режущий уши грохот, туча пыли — и труп человека под тяжелыми лесами.

Остальные окружают его и геркулесовыми усилиями стаскивают балки с исковерканного тела. Из грубых, но добрых грудей вырывается хриплый ропот жалости, и вопрос обегает все уста:

— Кто скажет ей?

В маленьком аккуратном домике близ железной дороги, который они стоя видят отсюда, ясноглазая, каштанововолосая молодая женщина работает, напевая, и не знает, что смерть в мгновение ока вырвала ее мужа из числа живых.

Работает, счастливо напевая, в то время как рука, которую она выбрала для защиты и поддержки в течение всей ее жизни, лежит неподвижная и быстро холодеет холодом могилы!

Эти грубые люди, как дети, стараются уклонить-

ся от необходимости сообщить ей. Их страшит принести весть, которая сменит ее улыбку на горе и плач.

— Иди ты, Майк, — говорят одновременно трое или четверо из них. — Ты, брат, ученее, чем кто-либо из нас, и будешь чувствовать себя, после того как скажешь ей, как ни в чем не бывало. Пошел, пошел — и будь поласковее с женкой бедного Тима, пока мы попробуем привести его труп в порядок!

Майк — приятного вида мужчина, молодой и дюжий. Кинув последний взгляд на злополучного товарища, он медленно направляется вниз по улице к домику, где живет молодая жена — теперь, увы, вдова.

Прибыв на место, он не колеблется. Сердце у него нежное, но закаленное. Он поднимает щеколду калитки и твердым шагом идет к двери. Прежде чем он успевает произнести хоть одно слово, что-то в его лице говорит ей всю правду.

— Что это было? — спрашивает она. — Внезапный взрыв или укус змеи?

— Подъемный кран сорвался, — говорит Майк.

— В таком случае я проиграла пари, — говорит она. — Я не сомневалась, что это будет виски.

Жизнь, господа, полна разочарований.

Умение использовать

Сильный запах лука и того сорта виски, который рекомендуется в рекламах «для технических целей», проникли сквозь замочную скважину, а немедленно за ними появился индивидуум, неся под мышкой внушительную рукопись, напоминавшую величиной скатанный кусок обоев. Индивидуум принадлежал к типу, определяемому нашими английскими кузенами как «представитель низших классов», а демагогической прессой как «кости и нервы страны»; местом же его вторжения была святая святых великого техасского еженедельника.

Редактор сидел за письменным столом, вцепившись руками в свои скудные волосы и глядя с отчаянием на письмо, полученное от фирмы, у которой он брал в кредит бумагу.

Индивидуум пододвинул стул к самому креслу редактора и положил тяжелую рукопись на стол — так что последний даже затрещал под ее весом.

— Я работал над этим девятнадцать часов, — сказал он, — но наконец оно кончено.

— Что это такое? — спросил редактор. — Тра-

вокосилка?

— Это ответ, сэр, на послание президента: развенчание каждой и всех из его проклятых доктрин, полный и уничтожающий обзор каждого из утверждений и каждой из лживых и предательских теорий, им выдвинутых.

— Приблизительно сколько… гм… сколько фунтов оно содержит, по-вашему? — спросил в раздумье редактор.

— Пятьсот двадцать семь страниц, сэр, и…

— Написано карандашом на одной стороне листа? — спросил редактор со странным блеском в глазах.

— Да, и здесь затронуто…

— Можете оставить рукопись, — сказал редактор, вставая со своего кресла. — Полагаю, что мы сумеем использовать ее надлежащим образом.

Индивидуум отчаянным усилием перевел дух и удалился, чувствуя, что решительный удар уже нанесен — тем, наверху.

Не прошло и десяти минут, как были приобретены шесть лучших резинок и весь состав конторы приступил к работе над рукописью.

Великий еженедельник вышел вовремя, но редактор задумчиво взглянул на непогашенный с прошлого месяца счет за бумагу и сказал:

— Пока что хорошо. Но хотел бы я знать, на чем мы будем печатать следующий выпуск!

Примирение

Одноактная драма

Действующие лица: хьюстонская супружеская чета.

Место действия: будуар супруги.

Он. А теперь, Виола, раз мы понимаем друг друга, не станем повторять этого еще раз. Забудем горькие слова, сказанные нами друг другу, и решим жить всегда в любви и в мире. *(Берет ее за талию.)*

Она. Ах, Чарлз, ты не представляешь, как я счастлива! Разумеется, мы никогда больше не будем ссориться. Жизнь слишком коротка для того, чтобы изводить ее на мелкие дрязги и стычки. Будем идти по светлому пути любви и никогда больше не сойдем с него. Ах, какое блаженство сознавать, что ты любишь меня и что ничто никогда не встанет между нами! Как будто вернулись прежние дни наших встреч у сиреневой изгороди, не правда ли? *(Кладет голову ему на плечо.)*

Он. Да, и я еще срывал тогда гроздья, и вплетал в твои волосы, и называл тебя царицей Титанией.

Она. Ах, это было прелестно! Я помню. Царица

Титания? Ах, это одна из шекспировских героинь, которая еще полюбила человека с ослиной головой.

Он. Гм!

Она. Не надо. Я не имела в виду тебя. Ах, Чарлз, прислушайся к этим рождественским колоколам! Что за веселый день это будет для нас! Ты уверен, что любишь меня так же, как любил раньше?

Он. Больше! *(Чмок!)*

Она. Мои губки сладки?

Он. *(Чмок! Чмок!)*

Она. Ты хочешь их съесть?

Он. Все без остатка. Чья ты женушка?

Она. Моего собственного маленького мальчика.

Оба. *(Чмок!)*

Она. Слушай, колокола зазвонили опять. Мы должны быть вдвойне счастливы, любовь моя, потому что мы переплыли бурные моря сомнения и гнева. Но теперь близок рассвет: розовая заря любви вернулась!

Она. И вечно останется. Ах, Чарлз, ни словом, ни взглядом не причиним больше боли друг другу!

Он. Никогда! И ты не будешь больше бранить меня?

Она. Нет, любимый. Ты знаешь, я никогда не

браню тебя, если ты не даешь мне повода.

Он. Иногда ты злишься и говоришь неприятности без всякого повода.

Она. Может быть, ты так думаешь, но это не так. *(Отрывает голову от его плеча.)*

Он. Я знаю, о чем я говорю. *(Снимает руку с ее талии.)*

Она. Ты приходишь домой раздраженным, потому что не умеешь вести свои дела как следует, и срываешь зло на мне.

Он. Я устаю от тебя. Ты наступаешь сама себе на уши, потому что ты принадлежишь к такой уж бездумной широкоротой породе и не в силах не делать этого.

Она. Ты старый беспардонный лгун из лгуньего рода, и не смей разговаривать так со мной, или я выцарапаю твои глаза!

Он. Ты проклятая бешеная кошка! Жалею, что меня не убило молнией прежде, чем я встретил тебя.

Она *(хватая щетку).* Бах! Бах! Тр-рах!

Он *(после того, как выбрался на тротуар).* Интересно, прав ли полковник Ингерсоль, утверждая, что самоубийство не грех?

Занавес.

Перемудрил

Есть в Хьюстоне человек, идущий в ногу с веком. Он читает газеты, много путешествовал и хорошо изучил человеческую натуру. У него естественный дар разоблачать мистификации и подлоги, и нужно быть поистине гениальным актером, чтобы ввести его в какое-либо заблуждение.

Вчера ночью, когда он возвращался домой, темного вида личность с низко надвинутой на глаза шляпой шагнула из-за угла и сказала:

— Слушайте, хозяин, вот шикарное брильянтовое кольцо, которое я нашел в канаве. Не хочу наделать себе хлопот с ним. Дайте мне доллар и держите его.

Человек из Хьюстона с улыбкой взглянул на сверкающий камень кольца, которое личность протягивала ему.

— Хорошо придумано, паренек, — сказал он. — Но полиция наступает на самые пятки таким, как ты. Лучше выбирай покупателей на свои стекла с большей осторожностью. Спокойной ночи!

Добравшись до дому, человек нашел свою жену в слезах.

— О Джон! — сказала она. — Я отправилась за покупками нынче днем и потеряла свое кольцо с солитером! О, что мне теперь…

Джон повернулся, не сказав ни слова, и помчался по улице — но темной личности уже нигде не было видно.

Его жена часто размышляет на тему, отчего он никогда не бранит ее за потерю кольца.

Покупка фортепиано

Человек из Хьюстона решил несколько дней тому назад купить своей жене фортепиано в качестве рождественского подарка. Надо при этом сказать, что между агентами по распространению фортепиано больше соперничества, соревнования и обставливания друг друга, нежели между людьми всех остальных профессий. Страховое дело и разведение фруктовых садов — беззубые младенцы по сравнению с фортепианной промышленностью. Человек из Хьюстона — он видный адвокат — знал это и постарался посвятить в свои намерения самый ограниченный круг людей, опасаясь, что агенты станут досаждать ему. Он всего один раз справился в музыкальном магазине о ценах и т. п. и решил через неделю-другую сделать свой выбор.

Выйдя из магазина, он по пути в свою контору завернул на почту. Придя в контору, он нашел трех агентов, примостившихся в ожидании его в кресле и на письменном столе.

Один из них раскрыл рот первым и сказал:

— Слышал, что вы хотите купить фортепиано, сэр. «Стейнвей» славится своими нежностью

звука, прочностью, изяществом отделки, тоном, работой, стилем, качеством и…

— Чепуха! — сказал второй агент, проталкиваясь между ними и хватая адвоката за воротник. — Возьмите «Читтерлинг». Единственное фортепиано в мире. Нежностью звука, прочностью, изяществом отделки, тоном, работой…

— Виноват! — сказал третий агент. — Не могу стоять рядом и видеть, как человека обжуливают. Фортепиано «Кроник и Барк» нежностью звука, прочностью, изяществом отделки…

— Убирайтесь вон, все трое! — завопил адвокат. — Когда я хочу купить фортепиано, я покупаю то, которое мне нравится. Вон из комнаты!

Агенты удалились, и адвокат занялся выпиской из какого-то дела. В течение дня пятеро из его личных друзей заходили порекомендовать различные марки инструментов, и адвокат начал раздражаться.

Он вышел, чтобы дернуть стаканчик. Хозяин бара сказал ему:

— Послушайте, мистер, мой братан работает на фортепианной фабрике, и он сболтнул мне, что вы хотите купить одно из этих тамтамов. Братан говорит, что по нежности звука, прочности, изяществу от…

— Черт побери вашего братана! — сказал адвокат.

Он влез в вагон трамвая, направляясь домой, и там внутри уже было четверо агентов, поджидавших его. Он отпрянул назад прежде, чем они его заметили, и остался на площадке. В ту же минуту вагоновожатый наклонился к нему и шепнул:

— Дружище, эпперсоновские фортепианы, которые мой дядька распространяет в Южном Техасе, по нежности звука, прочности…

— Остановите вагон! — рявкнул адвокат.

Он слез и забился в темный подъезд, так что четверо агентов, также покинувших вагон, промчались, не заметив, мимо. Тогда он поднял с мостовой тяжелый булыжник, положил его в карман, задами пробрался к своему дому и, чувствуя себя в полной безопасности, направился к калитке.

Священник его прихода был сегодня с визитом у его семьи. В ту минуту, когда адвокат достиг калитки, он выходил из нее. Адвокат был гордым отцом новехонького, всего двух недель от роду, ребенка, и священник, только что восхищавшийся адвокатским отпрыском, захотел поздравить его.

— Дорогой брат мой! — сказал священник. —

Ваш дом скоро будет наполнен радостной музыкой. Это будет великое прибавление к вашей жизни. И вот — во всем мире нет ничего, что по нежности звука…

— Черт побери вас! И вы тоже будете бубнить мне про фортепиано! — завопил адвокат, извлекая булыжник из кармана.

Он швырнул камень и сбил высокую шляпу священника, так что она отлетела на другую сторону улицы, и пнул его в голень. Но священник верил в то, что церковь — Христов воин, и он двинул адвоката кулаком по носу, и они сцепились и покатились с тротуара на кучу сваленных кирпичей.

Соседи услышали шум, прибежали с фонарями и ружьями, и в конце концов недоразумение разъяснилось.

Адвокат был порядочно-таки избит, и пришлось послать за обслуживающим его семью врачом, чтобы малость починить его. Когда доктор наклонился к нему с липким пластырем в одной руке и свинцовой примочкой в другой, он сказал:

— Через день-два вы сможете выходить, и тогда я хотел бы, чтобы вы завернули насчет покупки фортепиано к моему брату. Те, представителем

коих он является, считаются лучшими по нежности звука, прочности, изяществу отделки, качеству и стилю — во всем мире.

Слишком поздно

Юный лейтенант Болдуин ворвался вне себя в комнату генерала и хрипло крикнул:

— Ради бога, генерал! Скорей, скорей — и в путь! Орлиное Перо увез вашу дочь Инессу!

Генерал Сплашер в ужасе вскочил на ноги.

— Как, — вскричал он, — Орлиное Перо, вождь киомов, самого мирного племени в округе?

— Он самый.

— Милосердное Небо! Вы знаете, что представляет из себя это племя, когда его затронут?

Лейтенант бросил на своего начальника понимающий взгляд.

— Это самое мстительное, кровожадное и вероломное племя из всех индейцев Запада, когда оно воюет, — ответил он. — Но в течение многих месяцев они были мирны, как никто.

— В путь, — сказал генерал. — Мы не можем терять ни минуты. Какие меры приняты?

— Пятьдесят кавалеристов готовы броситься в погоню, а Билл Острый Нож, знаменитый следопыт, готов указывать путь.

Десять минут спустя генерал и лейтенант, в сопровождении Билла Острого Ножа, помчались

галопом во главе кавалерийского эскадрона.

Билл Острый Нож с тренированным чутьем пограничной ищейки шел по следу лошади Орлиного Пера с безошибочной быстротой.

— Помоги Бог, чтобы мы не опоздали, — сказал генерал, пришпоривая своего задыхающегося скакуна. — Из всех вождей племени судьба выбрала именно Орлиное Перо! Он всегда казался нашим другом!

— Вперед! Вперед! — вопил лейтенант Болдуин. — Может быть, время еще не ушло!

Милю за милей оставляли за собой преследователи, не останавливаясь ни есть, ни пить, почти до самого заката солнца.

Билл Острый Нож показал на тоненькую струйку дыма вдали и сказал:

— Вот их лагерь!

Сердца всех людей готовы были выпрыгнуть от возбуждения по мере приближения к указанному месту.

«Поспели ли мы вовремя?» — был немой вопрос в каждой голове.

Они вынеслись на открытый простор прерии и натянули поводья перед палаткой Орлиного Пера. Завеса у входа была опущена. Солдаты соскочили с коней наземь.

— Если случится то, чего я боюсь, — хрипло прошептал генерал лейтенанту, — это будет означать войну с племенем киомов. О, почему он не выбрал кого-нибудь другого вместо моей дочери?

В это мгновение завеса над входом приподнялась и Инесса Сплашер, генеральская дочь, дева тридцати восьми весен, показалась, неся в руке окровавленный скальп Орлиного Пера.

— Слишком поздно! — вскричал генерал, без чувств падая с лошади.

— Я знал это, — сказал Билл Острый Нож, скрещивая на груди руки, со спокойной улыбкой. — Меня удивляет только, как он ухитрился добраться живым досюда.

Немного мокро – и только

Когда пароход вошел в Арканзасскую бухту, пассажир — родом из Гальвестона — упал за борт. Ему был брошен спасательный круг, но он отпихнул его с презрением. Была поспешно спущена шлюпка, которая и настигла утопающего, когда он во второй раз всплыл на поверхность. Десятки рук протянулись к нему, но он отверг их помощь. Он выплюнул с добрую пинту соленой воды и прокричал:

— Уходите и оставьте меня в покое! Я шагаю по дну. Ваша шлюпка сию минуту врежется в песок. Я достигну берега вброд и немедленно отправлюсь в парикмахерскую, чтобы из меня выбили пыль. Здесь немного мокро, но насморк меня не пугает!

Тут он окончательно пошел ко дну, и шлюпка повернула обратно. Житель Гальвестона обнаружил до конца свое презрение ко всем другим портам, которые тоже имели дерзость считать себя глубоководными!

Она убедилась

Хьюстон — то самое место, где живет некая молодая особа, забросанная по горло дарами богини Фортуны. Она прелестна с виду, блестяща и обладает тем грациозным очарованием — не поддающимся описанию, но совершенно неотразимым, — которое обычно называют личным магнетизмом.

Как ни одинока она в этом огромном мире и как ни преисполнена достоинств наружных и внутренних, однако она — не пустая, порхающая бабочка, и лесть бесчисленных вздыхателей не вскружила ей головы.

У ней есть близкий друг — молодая девушка, простая с виду, но наделенная тонким практическим умом, к которой она обычно и прибегает, как к мудрой советчице и наставнице, когда дело касается запутанных жизненных проблем.

Однажды она сказала Марианне — этой самой умной подруге:

— Как бы мне хотелось узнать, кто из моих льстивых поклонников честен и правдив в своих комплиментах! Мужчины ужасные обманщики, и они все расточают мне такие безоговорочные

похвалы и произносят такие сладкие речи, что я так и не знаю, кто из них говорит честно и искренно — и, вообще, говорит ли честно и искренно хоть один из них!

— Я укажу тебе путь, — сказала Марианна. — В следующий раз, когда у тебя будут гости, продекламируй что-нибудь драматическое и потом скажи мне, как отзовется об этой попытке каждый из них.

Юной леди очень понравилась эта идея, и в ближайшую пятницу, когда с полдюжины молодых людей собрались вечером в ее гостиной, она вызвалась что-нибудь продекламировать.

У нее не было ни малейшего драматического дарования. Но она встала и дочитала до самого конца длинную поэму с массой жестов, вращанием глаз и прижиманием рук к сердцу. Она проделала это очень скверно, обнаружив полное незнание правил дикции и экспрессии. Позже ее подруга Марианна справилась у нее, как была встречена ее попытка.

— Ах, — сказала та, — они все столпились вокруг меня и, казалось, были восхищены до последней степени. Том, и Генри, и Джим, и Чарли — все были в восторге. Они сказали, что Мэри Андерсен не может и сравниться со мной. Они

говорили, что никогда в жизни не слышали такой степени драматизма и чувства!

— Все до одного хвалили тебя? — спросила Марианна.

— За одним исключением. Мистер Джудсон откинулся в кресле и ни разу не аплодировал. Когда я кончила, он сказал мне, что боится, что мое драматическое дарование очень невелико.

— Теперь, — спросила Марианна, — ты знаешь, кто из них правдив и искренен?

— Еще бы! — сказала прекрасная девушка, и глаза ее блеснули энтузиазмом. — Испытание было как нельзя более удачным. Я ненавижу этого гадкого Джудсона и намерена немедленно начать готовиться к сцене!

Справедливая вспышка

Он источал запах джина, и его бакенбарды походили на цилиндрики музыкального ящичка. Он вошел вчера в игрушечный магазин на главной улице города и с убитым видом прислонился к прилавку.

— Что-нибудь прикажете? — холодно спросил владелец.

Он вытер глаза красным платком далеко не первой свежести и сказал:

— Ничего решительно, благодарю вас. Я просто зашел сюда пролить слезу. Я не люблю делать свидетелями моего горя случайных прохожих. У меня есть маленькая дочка, сэр, пяти лет от роду, с золотыми вьющимися волосиками. Ее зовут Лилиан. Она говорит мне нынче утром: «Папа, рождественский дед принесет мне на Рождество красный вагончик?» Это лишило меня последних сил, сэр, потому что, увы, я без работы и не имею ни гроша. Подумайте только, один красный вагончик сделает ее счастливой, а ведь есть дети, у которых сотни красных вагонов!

— Прежде чем вы покинете магазин, — сказал владелец, — а вы это сделаете через каких-нибудь

пятнадцать секунд, я считаю долгом довести до вашего сведения, что мой магазин имеет отделение на Трэйнс-стрит, в каковом отделении я вчера и находился. Вы вошли и сообщили то же самое о вашей маленькой девочке, которую вы назвали Дэйзи, и я дал вам вагон. По-видимому, вы плохо помните имя вашей маленькой девочки.

Человек с достоинством выпрямился и направился к двери. Достигнув ее, он повернулся и сказал:

— Ее имя Лилиан-Дэйзи, сэр, а в вагоне, который вы мне дали, одно колесо соскакивает и с ручки сцарапана краска. У меня есть друг, владелец бара на Виллоу-стрит, который хранит его для меня до Рождества, но мне будет стыдно за вас, сэр, когда Лилиан-Дэйзи увидит этот старый, исцарапанный, дребезжащий, из вторых рук, оставшийся с прошлого года вагон. Но, сэр, когда Лилиан-Дэйзи опустится вечером на колени перед своей маленькой кроваткой, я скажу ей, чтобы она помолилась за вас и попросила Небо смилостивиться над вами. Есть у вас под рукой карточка с названием и адресом фирмы, чтобы Лилиан-Дэйзи правильно указала ваше имя в своей молитве?

Факты, факты и факты

Было далеко за полдень, и дневной штат уже разошелся по домам. Ночной редактор только что вошел, снял пиджак, жилетку, воротничок и галстук, закатал рукава сорочки, спустил с плеч подтяжки и приготовился засесть за работу.

Кто-то робко постучался в дверь снаружи, и ночной редактор гаркнул:

— Войдите!

Красивая молодая леди с умоляющими голубыми глазами и прической Психеи вошла со скатанной в трубку рукописью в руке.

Ночной редактор молча взял трубку и раскатал ее. Это была поэма, и он стал читать ее вполголоса, судорожно кривя челюсть, так как его органы речи были частично закупорены доброй четвертью плитки жевательного табаку.

Поэма гласила:

РЕКВИЕМ

Рассвет в окна немую муть
Проник, развеяв тьму,
Где он лежит, закончив путь,

Назначенный ему.
О, сердце, рвись от тяжких мук,
Рыдая и стеня:
Мой alterego, ментор, друг —
Оторван от меня!
Когда в восторге он творил
В часы ночной тиши —
Он слишком много в масло лил
Огня своей души.
И взрыв пришел. И яркий свет
Погас: не вспыхнуть вновь.
И не проснется мой поэт
Принять мою любовь!

— Когда это случилось? — спросил ночной редактор.

— Я написала это вчера ночью, сэр, — сказала молодая леди. — Оно годится для печати?

— Вчера ночью? Гм… Материал немного лежалый, но все равно, в другие газеты он не попал. Теперь, мисс, — продолжал ночной редактор, улыбаясь и выпячивая грудь, — я намерен дать вам урок, как надо писать для газеты. Мы воспользуемся вашей заметкой, но не в такой форме.

Сядьте в это кресло, и я напишу ее заново, чтобы показать вам, в какую форму надо облекать факт для печати.

Юная писательница уселась, а ночной редактор сдвинул брови и два-три раза перечел стихотворение, чтобы схватить главные черты. Он написал затем несколько строк на листе бумаги и сказал:

— Вот, мисс, та форма, в какой ваша заметка появится в нашей газете:

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

В ночь на вчера мистер Альтер Эго из нашего города, обладающий недюжинным поэтическим дарованием, был убит взрывом керосиновой лампы во время работы у себя в комнате.

— Как видите, мисс, заметка содержит все существенное, и, однако…

— Сэр! — воскликнула с негодованием юная леди. — Ничего этого абсолютно нет в стихотворении! Сюжет его вымышлен, и целью стихотворения является изобразить горе друга поэта по поводу его безвременной смерти.

— Но, мисс, — сказал ночной редактор, — стихотворение ясно говорит о том, что в масло было подлито слишком много огня — или, вернее, в огонь слишком много масла — и что последовал взрыв, и что, когда свет погас, джентльмен остал-

ся в положении, после которого он никогда уже больше не проснется.

— Вы прямо ужасны! — сказала юная леди. — Отдайте мне мою рукопись. Я занесу ее, когда здесь будет редактор литературного отдела.

— Очень жаль, — возразил ночной редактор, возвращая ей свернутую в трубку рукопись. — У нас мало происшествий сегодня, и ваша заметка была бы весьма кстати. Может быть, вам пришлось слышать о каких-нибудь несчастных случаях по соседству: рождениях, увозах, грабежах, разорванных помолвках?

Но хлопнувшая дверь была единственным ответом юной поэтессы.

Роковая ошибка

— Что ты такой мрачный сегодня? — спросил один из жителей Хьюстона, завернув в сочельник в контору своего приятеля.

— Старая дурацкая штука с перепутанными письмами — и я боюсь теперь идти домой. Жена прислала мне час тому назад с посыльным записку, прося отправить ей десять долларов и подождать ее здесь в три часа, чтобы пойти вместе за покупками. В это же время я получил счет на десять долларов от торговца, которому я должен, с просьбой погасить его. Я нацарапал торговцу ответ: «Никак не могу выполнить просьбы. Десять долларов нужно для одной штучки, от которой не считаю возможным отказаться». Я сделал обычную ошибку: торговцу послал десять долларов, а жене — записку.

— Разве ты не можешь пойти домой и объяснить жене ошибку?

— Ты не знаешь моей жены. Я уже принял все меры, какие мог. Я застраховался на десять тысяч долларов от несчастного случая сроком на два часа и жду ее сюда в течение ближайших пятнадцати минут. Передай всем моим приятелям

мой прощальный привет, и если, когда будешь спускаться вниз, встретишь даму на лестнице — держись ближе к стенке!

Телеграмма

Место действия: телеграфная контора в Хьюстоне.

Входит очаровательное манто из черного велюра, отделанное шнурками и выпушками, с воротником из тибетской козы, заключающее в себе не менее очаровательную юную леди.

Юная леди. О, мне нужно немедленно послать телеграмму — будьте так добры, дайте мне, пожалуйста, бланков штук шесть. *(Пишет в течение 10 минут.)* Сколько это будет стоить? Пожалуйста!

Телеграфист *(подсчитывает слова).* Шестнадцать долларов девяносто пять центов, мэм.

Юная леди. Господи боже мой! У меня с собой только тридцать центов. *(Подозрительно.)* Каким образом вы берете так много, когда почтой это стоит всего два цента?

Телеграфист. Мы берем за то, что доставляем корреспонденцию быстрее, чем почта, мэм. Вы можете послать телеграмму в десять слов всего за двадцать пять центов.

Юная леди. Дайте мне еще один бланк, пожалуйста. Я думаю, одного хватит.

Через пять минут напряженной работы она представляет следующее: «Кольцо ужасно красиво. Приходите ко мне, как только сумеете. Ваша Мэми».

Телеграфист. Здесь одиннадцать слов. Это будет стоить тридцать центов.

Юная леди. Ах, какая жалость! Я как раз хотела на эти пять центов купить жевательную резинку.

Телеграфист. А вот посмотрим. Вы можете выбросить слово «ужасно» — и все будет в порядке.

Юная леди. Но я не могу его выбросить! Вам следовало бы посмотреть на это кольцо. Я лучше дам вам тридцать центов.

Телеграфист. Кому вы посылаете телеграмму?

Юная леди. Вы, кажется, слишком любопытны, сэр!

Телеграфист. Уверяю вас, мой вопрос не носит личного характера. Нам необходимы имя и адрес, чтобы знать, куда доставить телеграмму.

Юная леди. Ах да! Я не подумала об этом.

Она надписывает имя и адрес, платит тридцать центов и уходит. Через двадцать минут она появляется снова, задыхаясь от быстрой ходьбы.

— Ах, я совсем забыла… Вы уже отослали?

Телеграфист. Да. Десять минут тому назад.

Юная леди. Такая жалость! Я совсем не то хотела сказать. Вы не можете протелеграфировать, чтобы изменили?

Телеграфист. Что-нибудь очень важное?

Юная леди. Да, я хотела, чтобы вы подчеркнули слова: «ужасно красиво». Вы можете это сделать сейчас же?

Телеграфист. Конечно. И у нас есть прелестные духи: фиалка. Не прикажете ли спрыснуть телеграмму?

Юная леди. О да! Вы так любезны! Я непременно буду посылать все свои телеграммы через вашу контору — вы до такой степени обязательны! Всего хорошего.

Отклоненная возможность

Фермер, живущий приблизительно в четырех милях от Хьюстона, как-то на прошлой неделе заметил во дворе незнакомца, который вел себя не совсем обычным образом. На нем были парусиновые штаны, засунутые в сапоги, а нос у него был цвета прессованного кирпича. Он держал в руке заостренную палку фута в два длиной, втыкал ее в землю и, поглядев через нее в разных направлениях, переносил ее в другое место и повторял ту же процедуру.

Фермер вышел во двор и справился, что ему здесь нужно.

— А вот обождите минутку, — сказал незнакомец и, прищурившись, поглядел через палку на курятник. — Так. Это будет пункт Т. Видите ли, я принадлежу к разведывательному отряду инженеров, который проводит новую линию из Колумбуса, Огайо, до Хьюстона. Понимаете? Остальные парни там, за холмом, с обозом и багажом. Свыше миллиона основного капитала. Понимаете? Меня послали вперед, чтобы найти место для большого узлового вокзала стоимостью в двадцать семь тысяч долларов. Стройка

начнется как раз от вашего курятника. Я даю вам намек — соображаете? Требуйте основательно за этот участок. Тысяч пятьдесят они выложат. Почему? Потому, что деньги у них есть, и потому, что они должны строить вокзал в том самом месте, которое я укажу. Понимаете? Мне нужно ехать сейчас в Хьюстон оформить заявку, а я забыл взять пятьдесят центов у казначея. Казначей — низенький человек в светлых брюках. Вы можете дать мне пятьдесят центов, а когда парни подъедут попозже, скажете им, и они вам вернут доллар. Вы можете даже спросить с них пятьдесят пять тысяч, если…

— Брось эту палку через забор, возьми топор и наколи ровно половину этих вот дров — и я дам тебе четверть доллара и ужин, — сказал фермер. — Улыбается тебе это предложение?

— Вы хотите отклонить возможность отдать часть своей земли под вокзал и получить за нее?..

— Да. Эта часть земли мне нужна под курятник.

— Вы, значит, отказываетесь взять за нее пятьдесят тысяч долларов?

— Значит. Ты будешь колоть дрова или мне свистнуть собаку?

— Давайте ваш топор, мистер, и покажите, где дрова. Да велите вашей миссис поджарить лишнюю сковородку оладий к ужину. Когда эта железнодорожная линия Колумбус — Хьюстон пройдет перед самым вашим забором, вы пожалеете, что не воспользовались моим предложением. Да скажите ей, чтобы она не пожалела к оладьям патоки и топленого масла. Понимаете?

Нельзя терять ни минуты

Молодая мать из Хьюстона влетела на этих днях в страшном возбуждении к себе в квартиру и крикнула своей матери, чтобы та как можно скорее поставила на плиту утюг.

— Что случилось? — спросила та.

— Томми укусила собака, и я боюсь, что она бешеная. Ах, поторопись, мама! Не теряй ни минуты!

— Ты хочешь попробовать прижечь ранку?

— Нет, я хочу отутюжить голубую юбку, чтобы ее можно было надеть к доктору. Скорее, мама! Скорее!

Поразительный опыт чтения мыслей

Как ужасно было бы жить, если бы мы умели читать в мыслях друг друга! Можно с уверенностью сказать, что при таком положении вещей люди думали бы не иначе как шепотом!

В качестве примера этому можно привести случай, имевший место в Хьюстоне. Несколько месяцев тому назад очаровательная юная леди посетила наш город и дала ряд публичных сеансов чтения мыслей, проявив в этом отношении настоящие чудеса. Она легко разгадывала мысли любого из присутствовавших, находила спрятанный предмет после того, как брала за руку человека, его спрятавшего, и читала фразы, написанные на маленьких клочках бумаги людьми, отстоявшими от нее на значительном расстоянии.

Один из молодых людей Хьюстона влюбился в нее, и после продолжительного ухаживания дело кончилось браком. Они занялись домашним хозяйством и некоторое время были счастливейшими из смертных.

В один прекрасный вечер они сидели на веранде своего домика, держа друг друга за руки,

охваченные тем чувством близости и взаимного понимания, которое может дать только разделенная любовь. Вдруг она вскочила на ноги и сшибла его с веранды огромным цветочным горшком. Он поднялся в полнейшем изумлении, с чудовищной шишкой на голове, и попросил ее — если это ей нетрудно — дать объяснения.

— Тебе не удастся одурачить меня, — сказала она, сверкая глазами. — Ты думал сейчас о рыжеволосой девушке по имени Мод с золотой коронкой на одном из передних зубов, одетой в легкую розовую кофточку и черную шелковую юбку. Ты представлял ее стоящей на Руск-авеню под кедровым деревом, и жующей резинку, и называющей тебя «душечкой», и играющей твоей часовой цепочкой, и чувствующей, как твоя рука обвивает ее талию, и говорящей: «Ах, Джордж, дай же мне перевести дыхание!» — в то время как мать зовет не дозовется ее ужинать. Пожалуйста, не отрицай этого! И не являйся на порог дома прежде, чем заставишь себя думать о чем-нибудь лучшем!

Тут входная дверь захлопнулась, и Джордж остался наедине с разбитым цветочным горшком.

Его единственный шанс

На прошлой неделе труппа, делающая турне с пьесой «Громовержцы», дала в Хьюстоне два спектакля — дневной и вечерний. На последнем видный политический деятель Хьюстона занял одно из мест в самом первом ряду. В руках он держал блестящий шелковый цилиндр и казался страшно напряженным: так и ерзал в кресле, держа цилиндр перед собой обеими руками. Один из его приятелей, сидевший как раз сзади, наклонился к нему и справился о причинах такой возбужденности.

— Я скажу вам, Билли, — ответил политический деятель конфиденциальным шепотом, — в чем, собственно, дело.

Я уже десять лет принимаю участие в политической жизни, и меня за это время столько раз оклеветывали, обкладывали, смешивали с грязью и называли крепкими именами, что я подумал, что хорошо было бы, если бы ко мне хоть один раз прежде, чем я помру, обратились приличным образом — а нынче, кажется, представляется единственная возможность к этому. Сегодня в одном из антрактов состоится сеанс

престидижитатора, и профессор черной магии, конечно, спустится в публику и скажет: «Не будет ли кто-либо из джентльменов так любезен, что одолжит мне шляпу?» Тогда я встану и протяну ему свою — и после этого я буду чувствовать себя хорошо целую неделю. Меня уже столько лет никто не называл джентльменом! Боюсь только, что разрыдаюсь, пока он будет брать у меня цилиндр… А теперь извините, я должен быть наготове, чтобы кто-нибудь не опередил меня. Я отсюда вижу одного из гласных города со старым котелком в руке — и готов держать пари, что он здесь с этой же целью!

Будем знакомы

Пальто его порыжело, и шляпа давно уже вышла из моды, но пенсне на черной ленте придавало ему внушительный вид, а в манере держать себя были изысканность и непринужденность. Он вошел в новую бакалейную лавку, недавно открывшуюся в Хьюстоне, и сердечно приветствовал ее владельца.

— Я должен представиться, — сказал он. — Мое имя Смит, и я живу дверь в дверь с квартирой, куда вы только что переехали. Видел вас в церкви в это воскресенье. Наш священник также обратил на вас внимание и после службы сказал мне: «Брат Смит, вы должны обязательно узнать, кто этот незнакомец с таким интеллигентным лицом, что так внимательно слушал меня сегодня». Как вам понравилась проповедь?

— Очень хороша, — сказал торговец, извлекая из банки какие-то смешные (точно с крылышками) ягодки.

— Да, это богобоязненный и красноречивый человек. Вы недавно занялись коммерцией в Хьюстоне, не правда ли?

— Недели три, — сказал торговец, переклады-

вая нож для сыра из ящика на полку.

— Жители нашего города, — сказал порыжелый господин, — радушны и гостеприимны. К новоприезжим они относятся даже сердечнее, чем к своим согражданам. А члены нашей церкви особенно внимательны к тем, кто заходит разделить с нами служение Господу. У вас прекрасный подбор товаров.

— Так-так, — сказал торговец, поворачиваясь спиной и рассматривая жестянки с консервированными калифорнийскими фруктами.

— Всего лишь неделю назад у меня был целый спор с моим бакалейщиком из-за того, что он поставляет мне второсортные продукты. У вас, надо полагать, есть хорошие окорока и такие вещи, как кофе и сахар?

— Н-да, — сказал торговец.

— Моя жена заходила нынче утром навестить вашу и с большим удовольствием провела время. В какие часы ваша повозка объезжает нашу улицу?

— Послушайте, — сказал торговец. — Я скупил тут весь остаток одной из бакалейных лавок и дополнил его массой новых товаров. В одной из старых книг я вижу против вашего имени сумму долга в восемьдесят семь долларов десять центов.

Вам угодно еще что-нибудь взять сегодня?

— Нет, сэр, — сказал порыжелый субъект, выпрямляясь и сверкая глазами через пенсне. — Я просто зашел из чувства долга, присущего каждому христианину, чтобы приветствовать вас, но вижу, что вы не тот, за кого я вас принял. Мне не нужно вашей бакалеи. Черви в вашем сыре видны даже с той стороны улицы, а жена моя говорит, что ваша жена носит нижнюю юбку, сшитую из старой скатерти. Многие из наших прихожан заявляли, что от вас несло грогом в церкви и что вы немилосердно храпели во время службы. Моя жена вернет занятую сегодня утром у вашей жены чашку шпига, как только я получу продукты из лавки, которая мне их поставляет. Всего хорошего, сэр.

Торговец тихо напевал про себя: «Никто играть со мной не хочет!» — и машинально отколупывал свинец от одной из гирь, к вящему ущербу ее полновесности.

Опасности большого города

Иеремия К. Дилуорти живет в конце Сан-Джасинто-стрит. Он каждый вечер возвращается домой пешком. Первого января он пообещал жене, что в течение года ни разу не выпьет. Он тут же забыл свое обещание, и второго января мы сошлись веселой компанией, так что, когда он направился домой, он чувствовал себя несколько беззаботно.

Мистер Дилуорти — хьюстонский старожил и в дождливые ночи всегда ходит посередине улицы, где мостовая лучше всего.

Увы! Если б только мистер Дилуорти помнил обещание, данное им жене!

Он пустился в путь в полном порядке, но когда он шел уже по Сан-Джасинто-стрит, ноги отнесли его к одной из сторон улицы.

Полисмен, стоявший на углу, услышал громкий крик ужаса и, обернувшись, заметил, как какой-то человек судорожно взмахнул руками и затем исчез из виду. Прежде чем полисмен мог кликнуть кого-либо, кто добрался бы до несчастного вплавь, человек всплыл в третий, и последний, раз и исчез уже навсегда.

Мистер Иеремия К. Дилуорти утонул в тротуаре.

Вздох облегчения

Джентльмен из Хьюстона, стоящий сотни тысяч и живущий на одиннадцать долларов в неделю, спокойно сидел в своей конторе несколько дней тому назад, как вдруг вошел человек самого отчаянного вида и осторожно прикрыл за собой дверь. У посетителя было лицо типичного негодяя, а в руке он чрезвычайно бережно держал продолговатый четырехугольный сверток.

— Что вам угодно? — справился капиталист.

— Мне угодно денег, — прошипел незнакомец. — Я умираю с голода, в то время как вы катаетесь в миллионах. Видите этот пакетец? Знаете, что в нем?

Богач выскочил из-за стола, бледный от ужаса.

— Нет, нет! — вырвалось у него. — Не может быть, чтобы вы были так жестоки, так бессердечны!

— Этот пакет, — продолжал отчаянный человек, — содержит количество динамита, достаточное — если уронить его на пол, — чтобы превратить все здание в бесформенную груду развалин.

— Только и всего? — сказал капиталист, опус-

каясь в свое кресло и со вздохом облегчения подымая выпущенную им из рук газету. — Вы даже не представляете, как вы меня перепугали. Я думал, что это слиток золота и что вы хотите под него денег!

Низкий трюк

Когда актеру по ходу пьесы требуется написать письмо, он по установившемуся обычаю читает вслух слово за словом по мере занесения их на бумагу. Это необходимо для того, чтобы зрители знали его содержание, иначе фабула пьесы будет для них недостаточно ясна. Письмо, которое пишется на сцене, чаще всего имеет существенное значение для развития драматической интриги, и, конечно, пишущий должен читать вслух то, что он пишет, чтобы довести об этом до сведения аудитории.

Но во время представления пьесы «Монбарс» в Хьюстоне, несколько дней тому назад, джентльмен, играющий роль отъявленного негодяя, воспользовался упомянутой выше особенностью писания сценических писем самым недостойным образом.

В последнем акте мистер Мантель, в роли Монбарса, пишет имеющее решающее значение письмо и — по обычаю — читает его по мере писания, строка за строкой. Негодяй прячется за пологом алькова и прислушивается с низкой радостью к тому, что мистер Мантель сообщает

публике совершенно конфиденциально. Затем он пользуется полученными таким недостойным образом сведениями, чтобы привести в исполнение свои дьявольские планы.

Пусть мистер Мантель незамедлительно обратит на это свое внимание. Человек, принадлежащий к его труппе и получающий, несомненно, очень приличное содержание, должен стоять выше этого и не злоупотреблять выгодами обыкновенно сценического приема.

Пастель

Надо всем распростерла свои крылья черная ночь.

Он умоляет ее.

Его рука лежит на ее руке.

Они стоят в холодной торжественной тьме и смотрят в ослепительно освещенную комнату. Его лицо бледно от ужаса. На ее лице написаны желание и презрительный упрек, и оно бледно от волнения перед неизбежным.

В десяти милях, на Гаррисбургском шоссе, уже прокричал свое «кукареку» петух с выщипанным хвостом, но женщина непоколебима.

Он умоляет ее.

Она стряхивает его руку со своей жестом, ясно говорящим об отвращении, и делает шаг по направлению к освещенной комнате.

Он умоляет ее.

Хрустальные блики луны дрожат на ветвях деревьев над ними. Звездная пыль осыпала грань, за которой начинается Непостижимое. Что-бы-там-ни-было Абсолютного царит надо всем.

Грех — внизу. Наверху — мир.

Порыв норда хлестнул их резким ударом хлы-

ста. Мимо проносятся экипажи. Изморозь ползет по камням, ложится, хрустя, вдоль перил и отбрасывает, как северное сияние, назад к луне ее вызывающие лучи.

Он умоляет ее.

Наконец она поворачивается, убежденная.

Он настоял на своем отказе угостить ее устрицами.

Комната с предками

Пройдоха-репортер «Техасской почты» направлялся вчера ночью к себе домой, когда к нему подошел худой, голодного вида человек с дикими глазами и изнуренным лицом.

— Не можете ли сказать мне, сэр, — спросил он, — где мне найти в Хьюстоне семью самого что ни на есть низкого происхождения?

— Я вас не совсем понимаю, — сказал репортер.

— Позвольте объяснить вам, как обстоит дело, — сказал истощенный человек. — Я приехал в Хьюстон месяц тому назад и стал искать меблированную комнату с пансионом, так как гостиницы мне не по средствам. Мне попался прелестный аристократического вида особнячок, и я зашел туда. Хозяйка комнат вышла в гостиную: очень представительная дама с римским носом. Я справился о цене, и она назвала цифру:

— Восемьдесят долларов в месяц!

Я с таким глухим стуком ударился, отшатнувшись, о дверь, что она сказала:

— Вы, по-видимому, удивлены, сэр. Имейте, пожалуйста, в виду, что я вдова бывшего губер-

натора штата Виргиния.

У моей семьи очень высокие связи. Иметь в моем доме комнату с пансионом чрезвычайно лестно, сэр. Я не считаю никакие деньги достаточным эквивалентом пребыванию в моем обществе. Вы хотите комнату с отдельным входом?

— Я зайду еще раз, — сказал я и сам не помню, как выбрался оттуда и направился к другому красивому трехэтажному особнячку с вывеской: «Комнаты с пансионом и без».

У следующей дамы были седые кудри и нежные, как у газели, глаза. Она была кузиной генерала Магона из Виргинии и хотела пятнадцать долларов в неделю за маленькую боковую комнатку с розовой вышивкой и олеографией, изображающей битву при Чанселорсвилле на стене.

Я пошел дальше по меблированным комнатам.

Следующая дама сообщила, что она произошла от знаменитого проповедника Аарона Бэра, с одной стороны, и от знаменитого пирата капитана Кидда — с другой. В деловой жизни в ней проявлялись наследственные черты капитана Кидда. Она хотела получать с меня за помещение и пансион по шестьдесят центов в час. Я обошел весь Хьюстон и столкнулся: с девятью вдовами

судей Верховного суда, с двенадцатью отпрысками губернаторов и генералов, с двадцатью двумя развалинами, состоявшими в счастливом браке с полковниками, профессорами и мэрами, — и все они оценивали свое общество в огромные цифры, а комнату и стол давали, по-видимому, как бесплатное приложение.

Но я к этому времени буквально умирал с голода и потому снял на неделю комнату с пансионом в одном из красивых, стильных домов. Хозяйка была высокой представительной дамой. Одну руку она постоянно упирала в бок, а в другой держала молитвенник и крюк для льда. Она говорила, что она тетка Дэви Крокета и до сих пор носит по нем траур. Ее семья считалась одной из первых в Техасе. Когда я въехал, был как раз час ужина, и я сразу же отправился к столу. Ужин подавался между шестью часами пятьюдесятью минутами и семью и состоял из покупного хлеба, молитвы и холодной подошвы. Я так устал за день, что немедленно после ужина попросил показать мне мою комнату.

Я взял свечу, вошел в указанное помещение и быстро замкнул за собой дверь. Комната была меблирована в стиле поля битвы при Аламо. Стены и пол были голы как камень, а кровать была

как монумент — только жестче.

Около полуночи мне приснилось, будто я упал в куст шиповника, который страшно колется. Я вскочил и зажег свечу. Оглядев постель, я быстро оделся и воскликнул:

— Фермопилы имели одного вестника несчастья, но в Аламо таких вестников тысячи.

Я выскользнул за дверь и был таков.

Так вот, дорогой мой сэр, я недостаточно богат, чтобы платить за аристократическое происхождение и за предков содержателей пансионов. Я больше дорожу обыкновенными коронками своих зубов, чем геральдическими коронками своих хозяев. Я голоден, и в отчаянии, и ненавижу всякого, чья родословная восходит дальше отца с матерью. Я хочу найти комнату и стол у такой хозяйки, которая была в детстве подкинута сердобольным людям, чей отец имел пять судимостей и у которой вовсе не было никакого деда. Я хочу найти низкую по происхождению, вульгарную, нечистокровную, санкюлотную семью, в которой никогда не слышали о хорошем тоне, но которая может подать к обеду кусок жаркого по обычной рыночной цене. Есть хоть одна такая в Хьюстоне?

Репортер печально покачал головой в ответ.

— Ни разу не слыхал о такой, — сказал он. — Здешние содержательницы пансионов сплошь аристократичны и цены заламывают выше любой примадонны.

— В таком случае, — сказал худосочный господин в полном отчаянии, — угостите хоть стаканом грога!

Репортер надменно сунул руку в жилетный карман, но почему-то презрительно отвернулся и исчез во тьме плохо освещенной улицы.

Притча об х-луче

И случилось так, что Некто с Катодным Лучом обходил страну и показывал одним людям, за приличное вознаграждение, содержимое голов других людей и то, о чем они думают. И он ни разу не сделал ошибки.

И в одном из городов жил человек по имени Рюбен и дева по имени Руфь. И оба они любили друг друга и вскоре должны были стать мужем и женой.

И Рюбен пришел к Некоему и заказал у него за плату снимок с головы Руфи, чтобы узнать, кого в действительности она любит.

И позже пришла Руфь и также заказала Некоему, чтобы он узнал, кого в действительности любит Рюбен.

И Некто сделал так, как они просили, и получил два хороших негатива.

Тем временем Рюбен и Руфь признались друг другу в том, что они сделали, и на следующий день они пришли рука об руку, чтобы Некто дал им ответ. И он, увидев их, написал каждое из имен на отдельном клочке бумаги и дал им их в руки.

— На этих клочках бумаги, — сказал Некто, — вы найдете имена тех, кого каждый из вас любит в действительности, как это обнаружено моим чудесным Катодным Лучом.

И человек и дева взглянули на клочки бумаги и увидели, что на одном написано: «Рюбен», а на другом: «Руфь», и были они преисполнены радости и счастья, и ушли, обнимая друг друга.

Но Некто с Лучом забыл им сказать, что сделанные им снимки показывали, что голова Рюбена была полна глубокой и неувядающей любовью к Рюбену, а голова Руфи — глубокой и неувядающей любовью к Руфи.

Мораль этой притчи в том, что владелец Луча, по-видимому, хорошо знал свое дело.

Всеобщая любимица

Наиболее популярная и повсеместно любимая девушка в Соединенных Штатах — мисс Анни Вильямс из Филадельфии. Нет такого человека, который не имел бы хоть раз в жизни ее изображения. Его добиваются иметь больше, нежели фотографии самых выдающихся красавиц. На него больший спрос, чем на портреты всех знаменитейших мужчин и женщин мира, взятые вместе. И тем не менее это — скромная, милая и, пожалуй, даже предпочитающая одиночество молодая девушка с лицом далеко не чисто классического типа.

Мисс Вильямс скоро выйдет замуж, но полагаем, что борьба за обладание ее изображениями будет идти по-прежнему.

Она — та самая девушка, чей профиль послужил моделью для головы Свободы, выбитой на серебряной монете достоинством в один доллар.

Спорт и душа

— Литературный редактор принимает?

Редактор отдела спорта поднял глаза от газеты, которую он читал, и увидел перед собой воплощение женственной прелести, лет двадцати от роду, с нежными голубыми глазами и с тяжелой массой коричневато-золотистых волос, собранных в самую модную и как нельзя более идущую прическу.

— Ни-ни, — сказал спортивный редактор. — Можете поставить сто против одного, что его нет. Вы зашли насчет стихотвореньица или хотите, чтобы он спер для вас пару лишних купонов на получение в премию велосипеда?

— Ни то и ни другое, — сказала юная леди с достоинством. — Я секретарь Хьюстонской Лиги Этической Культуры для Молодых Девиц, и меня делегировали к редактору литературного отдела вашей газеты, чтобы он порекомендовал нам, как лучше и шире всего развить наши функции.

— Вот это хорошая штука, — сказал спортивный редактор. — Не улавливаю в точности, что такое этическая культура, но если это нечто похожее на физическую, то вы, барышня, попали как

раз на нужного человека. Я могу за одну минуту дать вам больше ценных сведений для развития ваших функций, чем литературный редактор за целый час. Он знает все решительно о происхождении пирамид, но он не сделает ни одного удара и не сумеет научить вас, как увеличить размеры вашей груди хотя бы на полдюйма. Сколько времени ваша лига занимается тренировкой?

— Мы организовались в прошлом месяце, — ответила посетительница, рассматривая жизнерадостное лицо редактора с некоторым сомнением.

— Ну-с, а как вы, девицы, дышите — легкими или диафрагмой?

— Сэр?!

— О, вы должны приниматься за дело немедленно, и вам надо знать, какой способ дыхания правильный и какой нет. Первое дело — держать грудь вперед, плечи назад и в течение нескольких дней проделывать упражнения с руками. Затем попробуйте вот что: выпрямите верхнюю часть туловища и, стоя на одной ноге, постарайтесь…

— Сэр! — сурово воскликнула юная леди. — Вы слишком самоуверенны. Я не понимаю, о чем вы говорите. Наше общество не имеет никакого отношения к гимнастике. Наша цель — поощрение

социальной этики.

— О! — разочарованно протянул спортивный редактор. — Так это все-таки общество — и чай в розовых чашечках… В таком случае это не по моей специальности. Полагал, что вы интересуетесь атлетикой. Вы смело могли бы! Послушайтесь моего совета и проделывайте это упражнение каждое утро в течение недели. Вы будете изумлены, когда увидите, насколько оно разовьет вашу мускулатуру. Как я уже говорил, станьте на одну ногу…

Бах! — хлопнула дверь, и голубоглазое видение исчезло.

— Ужасно жалко, — сказал спортивный редактор, — что наши девицы никак не хотят заниматься саморазвитием без… без этой самой этики!

Готовность на компромиссы

Подойдя к бару, он подтянул обеими руками воротник и выровнял старый красный галстук, который упорно хотел заползти ему за ухо.

Владелец бара взглянул на него и продолжал крошить в посудину лимонную корку.

— Послушайте, — сказал субъект с красным галстуком, — мне прямо-таки больно думать об этом.

— О чем? — спросил владелец. — О воде?

— Нет, сэр. Об индифферентизме, проявляемом населением штата в вопросе о поднесении достойного подарка дредноуту «Техас». Это позор для нашего патриотизма! Я беседовал с Вудро Вильсоном по этому поводу, и мы оба решили, что что-нибудь необходимо предпринять немедленно. Вы дадите два доллара в фонд на приобретение подарка дредноуту?

Владелец бара протянул руку назад и снял с полки стакан.

— Я, может быть, дам вам и десять долларов, — сказал он, — но вот стакан виски, в который я по ошибке капнул скипидаром нынче утром и забыл выплеснуть. Это может заменить?

— Может, — сказал субъект в красном галстуке, потянувшись к стакану, — и я также собираю пожертвования в пользу голодающего населения Кубы. Если вы хотите поддержать гуманное начинание, но не располагаете свободной наличностью, фужер пива со случайно попавшей мухой…

— Катись дальше, — сказал владелец бара. — В заднюю дверь заглядывает член евангелической конгрегации, а он не войдет, пока кто-нибудь здесь есть.

Испорченный рассказ

Недавно вечером в довольно грязный ресторанчик в небольшом городке на линии Центральной железной дороги вошел верзила самого отчаянного вида, имевший вообще малозавидную репутацию. Он подошел к бару и громко потребовал, чтобы все находившиеся в ресторанчике присоединились и выпили вместе с ним. Толпа быстро двинулась к бару при этом приглашении, так как субъект был почти вдребезги пьян и, несомненно, опасен в таком состоянии.

Лишь один человек не откликнулся на приглашение. Это был невысокого роста господин, чисто одетый, который спокойно сидел в кресле и лениво разглядывал толпу. Внимание физиономиста было бы привлечено выражением его лица, соединявшим в себе холодную решимость и силу воли. У него была плотная квадратная челюсть и пристальные серые глаза с тем своеобразным оттенком серого цвета, который больше говорит о таящейся за ним опасности, нежели какой-либо другой.

Хулиган обернулся и увидел, что нашелся один, который не откликнулся на его приглашение.

Он повторил его во всю силу своих легких.

Невысокий господин встал и спокойно подошел к пьяному верзиле.

— Виноват, — сказал он негромким, но решительным голосом. — Я несколько туг на ухо и не расслышал, что вы сказали в первый раз. Гоните сюда виски! Живо!

И еще один рассказ был испорчен для печати.

Никакого исхода

— Джон, — сказал на этих днях хьюстонский бакалейный торговец одному из своих приказчиков, — вы были мне верным и исполнительным служащим, и, чтобы показать вам свою признательность, я решил взять вас в дело компаньоном. С этого дня вы имеете часть в деле и являетесь участником фирмы.

— Но, сэр, — сказал обеспокоенный Джон, — у меня семья на плечах. Я ценю оказанную мне честь, но боюсь, что я слишком молод для столь ответственного положения. Я предпочел бы остаться в прежних условиях.

— Ничего не могу поделать, — сказал торговец. — Времена теперь тяжелые, и с целью сократить расходы я не остановлюсь даже перед тем, чтобы сделать всех своих приказчиков компаньонами!

Стреляный воробей

В прошлую субботу субъект без воротничка, в белом жилете и с дырявыми локтями, бодро вошел в бакалейную лавку на Конгресс-стрит с пакетом в руке и сказал:

— Вот, Фриц, я купил у вас сегодня две дюжины яиц, и, должно быть, ваш приказчик ошибся…

— Поди сюда, Эмиль, — закричал торговец, — ты надул этого джентльмена, подсунув ему гнилые яйца. Дай ему еще дюжину и…

— Вы меня не так поняли, — сказал покупатель с приятной улыбкой. — Ошибка не в этом. Яйца хороши — но вы положили их больше, чем нужно. Я уплатил всего за две дюжины, а дойдя до дому, обнаружил, что их в мешке тридцать шесть штук. Я хочу возвратить лишнюю дюжину и для этого вернулся назад. Я…

— Эмиль! — снова крикнул мальцу торговец. — Немедленно дай этому господину две дюжины яиц. Ты подсунул ему гнилые яйца. Не делай этого больше, или я уволю тебя.

— Но, сэр, — сказал человек в белом жилете с нотками беспокойства в голосе. — Вы дали мне больше яиц, чем следует на мои деньги, и я хочу

вам вернуть дюжину. Я слишком честен, чтобы…

— Эмиль, — сказал торговец, — дай этому господину три дюжины самых свежих яиц, и пусть он уходит. Если мы отпускаем плохие яйца, мы их заменяем хорошими. Поспеши, да положи на всякий случай три-четыре штуки лишних.

— Но выслушайте меня, сэр, — сказал человек. — Я хочу…

— Вот что, мой друг, — сказал тихо торговец, — вы лучше забирайте эти яйца и идите домой. Я знаю, для чего вы принесли яйца назад. Если я их возьму у вас, я скажу: ну, это очень хороший человек, он честно поступил с этими яйцами, не правда ли? А потом вы придете в понедельник и возьмете у меня на девять долларов муки, и ветчины, и консервов и скажете, что заплатите в субботу вечером. Я стреляный воробей, меня на мякине не проведешь. Вы лучше заберите эти три дюжины яиц и считайте, что сделали хорошее дело. Мы всегда исправляем мелкие ошибки, если нам случится их сделать. Эмиль, клади уж прямо три с половиной дюжины — да прибавь штук пять леденцов для ребят!

Военная хитрость

— Как я удерживаю Джона дома по вечерам? — сказала хьюстонская дама своей подруге. — Видишь ли, я однажды по вдохновению придумала способ — и он прекрасно действует до сих пор. Джон ежедневно уходил из дому после ужина и возвращался не раньше десяти-одиннадцати часов. В один прекрасный вечер он ушел как всегда, но, пройдя несколько кварталов, заметил, что забыл взять зонтик, и вернулся за ним. Я сидела и читала в гостиной, и он, подойдя сзади на цыпочках, закрыл мне руками глаза. Джон ожидал, вероятно, что я перепугаюсь, но я только спросила тихо: — «Это ты, Том?»

С тех пор Джон все вечера проводит дома.

Почему кондуктора необщительны

Трамвайных кондукторов бестактная публика часто выводит из себя; но им запрещено возражать и тем облегчать свою душу. Вот рассказ одного из кондукторов о случае, имевшем место несколько дней назад.

В числе пассажиров — а вагон был переполнен — находилась чрезвычайно изящно одетая дама с маленьким мальчиком.

— Кондуктор, — сказала она томно, — дайте мне знать, когда будет Роу-стрит.

Когда вагон поравнялся с этой улицей, кондуктор дернул веревку звонка и остановил вагон.

— Роу-стрит, мэм, — сказал он, проталкиваясь ближе, чтобы помочь даме выйти.

Дама поставила маленького мальчика на колени и указала ему в окно на дощечку с названием улицы, прикрепленную к забору.

— Посмотри, Фредди, — сказала она, — вот эта высокая прямая буква со смешной завитушкой вверху — «Р». Постарайся запомнить. Можете пускать вагон, кондуктор. Мы выходим на Грэй-стрит.

По вдохновению

Он сидел на перевернутом пустом ящике под холодным моросящим дождем. Это было вчера, поздно вечером, на главной улице Хьюстона. Одет он был бедно, и его толстое пальто с поднятым воротником было застегнуто доверху. На его лице застыло выражение горестного замешательства, и во всем его виде было что-то такое, что отличало его от обыкновенного бродяги, строящего свою жизнь на обманах и надувательствах.

Журналист из «Техасской почты» почувствовал к нему жалость и, подойдя, сказал:

— Сейчас же за углом есть место, где вы сможете найти еду и ночлег за сравнительно небольшую плату. Как давно вы попали в Хьюстон?

Человек посмотрел на репортера своими маленькими острыми глазками и спросил:

— Вы новый человек в газете, не так ли?

— Да, более или менее.

— Видите этот квартал, застроенный сплошь трехэтажными домами?

— Вижу!

— Так вот, все эти дома принадлежат мне, и я сижу здесь и размышляю, что мне делать.

— Что именно вас беспокоит?

— А видите ли, стены дают трещины и расползаются, и я боюсь, что мне придется всадить уйму денег в ремонт. У меня свыше ста квартиронанимателей во всех этих зданиях.

— Я вам скажу, что делать.

— Ну?

— Вы говорите, стены расползаются?

— Да.

— В таком случае жилая площадь квартир увеличивается. Повысьте на этом основании квартирную плату.

— Молодой человек, вы гений! Я завтра же увеличу ее на двадцать процентов.

И таким образом был спасен еще один капиталист.

Разгадка

В оранжерее одного из роскошнейших особняков Хьюстона стоял со сложенными на груди руками и улыбкой сфинкса на лице Роланд Пендергэст и глядел сверху вниз на сидевшую в кресле Габриэль Смитерс.

— Почему, — говорил он, — меня так влечет к вам? Вы не прекрасны, вам не хватает апломба, грации и Savoir faire[7]. Вы холодны, несимпатичны, и у вас кривые ноги. Я пытался проанализировать вашу власть надо мной — и не мог. Мы связаны друг с другом таинственной цепью телепатических явлений, но какова их природа? Мне противно думать, что я влюблен в женщину, у которой нет ни шика, ни передних зубов, но рок судил так. Все в вас отталкивает меня, но я не в силах вырвать вас из своего сердца. Днем вы наполняете мои мысли; ночью — кошмары. Вы сложены уродливо; но когда я прижимаю вас к своему сердцу, странный восторг наполняет его. Я не могу вам сказать, почему я люблю вас, как не могу сказать, почему парикмахер может

---

[7] Примечания: 7
Французское выражение, которое означает «знать, как делать».

скоблить бритвой чью-нибудь голову целых пятнадцать минут и не задеть воспаленного места. Говорите, Габриэль, скажите мне, в чем заключаются чары, которыми вы околдовали меня?

— Я скажу вам, — ответила Габриэль с мягкой улыбкой. — Я уже многих мужчин очаровывала этим. Когда я помогаю вам надеть пальто, я никогда не засовываю под него руку и не пытаюсь сдернуть вниз ваш пиджак.

Дорого как память

— Предложенная цена?

Аукционист высоко поднял детскую лошадь-качалку, поломанную и грязную. Она принадлежала кому-то из младших членов семьи человека, чья движимость продавалась с молотка.

Он был разорен вконец. Он отдал все, что у него было, своим кредиторам — дом, обстановку, лошадей, товары и землю. Он стоял в толпе и смотрел, как вещи, составлявшие его домашний очаг и доставшиеся ему от родителей, расходились по сотням незнакомых рук.

Женщина в густой вуали опиралась на его руку.

— Предложенная цена?

Аукционист высоко поднял игрушку, чтоб ее было видно всем. Детские ручонки оборвали и без того скудную гриву; уздечка была перекручена и потерта от прикосновений нежных пальчиков. Толпа молчала.

Женщина под густой вуалью зарыдала и протянула руки.

— Нет, нет, нет! — вырвалось у нее.

Мужчина был бледен от волнения. Маленькое

существо, когда-то скакавшее на этой лошадке, много лет назад ушло и потерялось в широком мире. Это было все, что осталось в воспоминании о счастливых днях детства. Аукционист со странным влажным блеском в глазах передал мужчине игрушку, не говоря ни слова. Тот схватил ее жадными руками и вместе с женщиной под густою вуалью поспешил прочь.

По толпе пробежал шепот сочувствия.

Мужчина и женщина вошли в одну из пустых комнат и поставили на пол лошадь-качалку. Он вынул перочинный нож, вспорол грудь лошади и извлек оттуда пачку кредиток. Он пересчитал их и сказал:

— Меня мороз подирает по коже при мысли, что кто-нибудь мог предложить за нее несколько центов! Восемь тысяч пятьсот долларов — но этот аукционист чуть не испортил всей штуки!

Никак не мог угадать

Субъект с длинным, острым носом и с огромным тюком на ремне поднялся по ступенькам на крыльцо мрачного кирпичного дома, скинул тюк, дернул звонок, а потом снял шляпу и вытер со лба пот.

Женщина открыла дверь, и он сказал:

— Мэм, я имею предложить целый ряд не только полезных, но прямо необходимых вещей, которые я хотел бы показать вам. Во-первых, попрошу вас взглянуть на эти изумительные жизнеописания великих людей и путешествий в разные страны в роскошных переплетах самых лучших авторов. Продаются исключительно по подписке. Переплет сделан…

— Мне нечего их смотреть. У нас ос…

— Особые вкусы, а? В таком случае, мэм, вот кубики для маленьких детей под названием «Юный строитель». Чрезвычайно полезно и занимательно. Нет? Тогда разрешите показать вам прелестные кружевные шторы для гостиной, ручной работы и совершенно даром. Могу…

— Не надо! Не надо! У нас ос…

— Осторожное отношение к торговцам в раз-

нос? Все, что я продаю, мэм, я продаю с гарантией. Вот, например, остроумнейшее приспособление, чтобы будить по утрам ленивых слуг. Стоит только нажать эту кнопку…

— Говорю вам, у нас ос…

— Острая нужда в деньгах? Пусть это не беспокоит вас, мэм. Я могу предоставить кредит до следующего посещения этого района или на любой указанный вами срок. Взгляните, мэм, на эту веревку для белья. Она не требует никаких прицепок и может быть прикреплена к чему угодно — забору, дереву, шесту. Ее можно снимать и натягивать в одну секунду, и для большой стирки это совершенно незаменимое…

— Я все пытаюсь сказать вам, — перебила женщина, — что у нас оспа в доме и мы…

Длинноносый субъект судорожно схватил свои товары и скатился со ступеней крыльца в две секунды. Женщина тихо закрыла за ним дверь, а подъехавший в эту минуту мужчина вылез из экипажа и прикрепил к дому желтый флаг.

Несмотря ни на какую науку

Человек, следящий за всеми новейшими открытиями и достижениями, — тот же «пророк в своем отечестве». Он знает все решительно о бациллах и микробах и обо всем многообразии вновь открытых врагов человечества. Он читает все газеты и наматывает на ус все предостережения, необходимые для долголетия и здоровья как физического, так и умственного. Он остановил вчера на Мэйн-стрит приятеля, который спешил на почту, и сказал вне себя от волнения:

— Минуточку, Браун. Вы когда-нибудь кусали ногти?

— Полагаю, что да — нет, впрочем, не знаю! Извините меня, пожалуйста, я должен вскочить в трамвай.

— Погодите вы! Боже милосердный, вы не представляете, какая вам грозит опасность! Если острая частица ногтя попадет к вам в легкие, начнется воспалительный процесс, который завершится поражением тканей, упадком сил, кровохарканьем, припадками, летаргией, туберкулезом и смертью. Подумайте об этом! И, между прочим, обнаружена очень опасная бацилла,

возникающая в воде, в которой стояли розы. Хочу предостеречь вас. Знаете ли вы, что…

— Послушайте, старина, премного вам обязан, но это письмо…

— Что значит письмо в сравнении с вашей жизнью! В ложке обыкновенной ключевой воды находится свыше десяти миллионов живых существ; науке известны две тысячи их разновидностей. Вы солите пиво, когда пьете?

— Не знаю. Право же, я должен идти. Я…

— Не делайте меня ответственным за вашу жизнь — я пытаюсь ее спасти. Да знаете ли вы, что всякий прожитый нами день есть уже чудо! В каждом стакане пива находится бесконечно малое количество хлористоводородной кислоты. Соединение ее с солью дает чистый хлор. Вы поглощаете хлористый газ каждый день вашей жизни. Остановитесь, пока не поздно!

— Я не пью пива!

— Но вы дышите через рот во время сна. Вы знаете, к чему это ведет? К грудной жабе и бронхиту. Или вы твердо решили, чтобы невежество привело вас к могиле? Подумайте о жене и детях! Известно ли вам, что обыкновенная комнатная муха носит на подушечках своих ног сорок тысяч микробов и служит распространителем холеры,

тифа, дифтерита, скарлатины и…

— К черту микробов! У меня ровно три минуты, чтобы успеть сдать письмо. Всего!

— Одну секундочку! Доктор Пастер говорит, что…

Но жертва исчезла.

Десять минут спустя живой каталог новейших открытий был сбит с ног трамваем в то время, как пересекал улицу, поглощенный чтением о вновь изобретенном фильтре, и сочувствующие друзья отнесли его домой на руках.

«Дурной» человек

Один смелый и «дурной» человек привлек на этих днях всеобщее внимание в одном из городов Техаса. По-видимому, он поглотил такое количество спиртных напитков, что им овладело желание во что бы то ни стало продемонстрировать свои особенности «дурного» человека. А когда полиция захотела арестовать его, он встал спиной к стене здания и предложил полиции «попробовать». Значительная толпа горожан — в том числе несколько коммивояжеров из находившейся неподалеку гостиницы — собралась поглазеть на происходящее.

«Дурной» человек был огромным, свирепого вида парнем с длинными курчавыми волосами, ниспадавшими на плечи, в широкополой шляпе, в плаще из лосины с бахромой внизу и с весьма образным лексиконом. Он играл громадным шестизарядным револьвером и клялся костьми Дэви Крокета, что продырявит каждого, кто попробует его схватить.

Шериф города вышел на середину улицы и стал было уговаривать его, но «дурной» человек гаркнул и поднялся на носки — и вся толпа очутилась

на противоположной стороне улицы. Полисмены устроили совещание, но ни один из них не хотел начинать военные действия первым.

В это время маленький, худосочный, чахоточного вида вояжерчик, разъезжавший от одной из обувных фабрик Коннектикута, протискался через толпу на противоположной стороне улицы, чтобы взглянуть на бандита. Он весил каких-нибудь девяносто фунтов и носил двойные очки в золотой оправе. В эту самую минуту бандит гаркнул еще раз и проорал:

— Черт вас передери, почему никто из вас не подойдет и не попробует взять меня? Я проглочу любых пятерых из вас, даже не разжевывая, хотя я совсем не голоден — га! га!

Толпа подалась назад еще на несколько ярдов, а полисмены побледнели еще больше. Но худосочный человечек поправил обеими руками очки, шагнул с тротуара на мостовую и внимательно оглядел «дурного» человека. Затем он спокойно направился через улицу смешной подпрыгивающей походкой — прямо туда, где стояло воплощение ужаса.

Толпа завопила, чтобы он вернулся, а бандит еще раз потряс своим револьвером, но маленький человечек подошел к нему вплотную и сказал

что-то. Зрители затрепетали, ожидая, что смельчак полетит наземь с пулей сорок пятого калибра в животе, — но он не полетел. Все с изумлением увидели, как бандит опустил револьвер, сунул руку в карман и передал что-то маленькому человечку.

После этого бандит робко поплелся по тротуару, а человечек пересек улицу и присоединился к толпе.

— «Дурной» человек? — сказал он. — Полагаю, что нет. Он неспособен обидеть и муху. Это Зеке Скиннер. Он вырос на ферме в Коннектикуте по соседству со мной. Он представитель какого-то дутого средства от печени, и это его обычный уличный трюк, чтобы привлечь внимание толпы. Я дал ему взаймы восемь долларов в Гартфорде лет девять тому назад и думал, что уж никогда больше его не увижу. Его голос показался мне знакомым. Уплатил? Надо думать, что уплатил. Я всегда получаю то, что мне следует.

После этого толпа рассеялась, а двенадцать полисменов перехватили Зеке на ближайшем углу и избивали его до самого участка.

Маленькая ошибка

Самого обыкновенного вида субъект в сорочке-неглиже, вышедшей из моды еще в прошлом году, вошел в контору газеты и развернул рукопись длиною в добрых три фута.

— Я хотел повидать вас относительно этой небольшой вещицы, которую я собираюсь поместить у вас в газете. Здесь пятнадцать четверостиший, помимо прозаического материала. Стихи трактуют о весне. Мой почерк немного неразборчив, и мне придется прочесть вам это самому. Благоволите прослушать.

ВЕСНА

Воздух полон нежных зефиров,
Трава в зеленые коврики вяжется.
Зима ушла из наших квартиров,
А весна пришла, как мне кажется.
Когда солнце заходит, туманы
Ползут из низких болот,
А когда звезды зажигаются, освещая заоблачные страны,

Холодный ветер дует, принося много хлопот.

— Отнесите эту ерунду в редакцию, — сказал заведующий конторой коротко.

— Я там уже был, — возразил обыкновенного вида субъект, — и они направили меня сюда. Это заполнит целый столбец. Я хочу поговорить с вами о цене. Последнее четверостишие читается так:

Весенняя томность, чему есть примеры,

Закупоривает нашу кровь в сердцах —

И мы должны немедленно принимать меры,

Чтобы не обратиться в то, чему имя «Прах».

За этим следует прозаический материал, который написан на машинке, как вы можете видеть, и вполне разборчив. Теперь я…

— К черту! — сказал заведующий конторой. — Нечего вам тут шляться и читать ваш старый весенний бред. Мне и так все утро досаждали представители фабрик, вырабатывающих бумагу и краску. Почему вам не заняться делом вместо

того, чтобы валять дурака таким образом?

— Я не имел в виду отнять у вас время, — сказал посетитель, скатывая в трубку рукопись. — В городе имеются еще другие газеты?

— Да. Несколько. Семья у вас есть?

— Есть, сэр.

— Тогда какого черта не займетесь вы приличным делом, вместо того чтобы кропать гнусные вирши и читать их занятым людям? Мужчина вы или нет?

— Очень извиняюсь за беспокойство, — сказал самого обыкновенного вида субъект, направляясь к выходу, — я вам сейчас объясню, как обстоит дело. Я заработал за прошлый год свыше восьмидесяти тысяч долларов на этих самых маленьких вещицах, которые я пишу. Я помещаю свои весенние и летние рекламки для фирмы, вырабатывающей патентованное средство «Сарсапарилла», одним из совладельцев коей я являюсь.

Я решил затратить около тысячи долларов на рекламу в этом городе. Я побываю в других газетах, о которых вы упомянули. Всего хорошего!

Заведующий конторой стал после этого случая настолько осторожен, что все начинающие поэты города читают ему теперь свои стихи и он

безропотно их выслушивает.

Выше сил журналиста

— Вы дали заметку о самоубийстве, как я вас просил вчера вечером? — спросил редактор у новичка-репортера, только что окончившего школу журнализма.

— Я видел труп, сэр, но не нашел возможным дать его описание.

— Почему?

— Каким бы образом мог я написать, что горло несчастного было перерезано от уха до уха, когда у него всего-то было одно ухо?

Чтобы избежать крика

Это был большой мистификатор, никогда не пропускавший случая подшутить над кем-нибудь.

Несколько дней тому назад он встретил приятеля на Мэйн-стрит и конфиденциально шепнул ему:

— Я никогда бы не поверил этому, но полагаю своим долгом сделать факт общеизвестным. Мистер Джонсон, гласный нашей части города, принял деньги с определенной целью избежать крика.

— Невозможно! — сказал приятель.

— Говорю вам, что это правда, так как я случайно подслушал разговор и своими глазами видел, как деньги были переданы ему и как он взял их и положил в карман.

Затем он продолжал свой путь, не сообщив никаких подробностей, и целых два дня город только об этом и говорил.

Он совсем забыл об этом и не вспоминал до того дня, когда столкнулся с мистером Джонсоном и понес ущерб в виде двух фонарей под глазами и разорванного сверху донизу пальто.

После чего ему пришлось обходить всех и объяснять, что под деньгами, данными гласному во избежание крика, он разумел десять центов, переданные последнему его женой, чтобы купить успокоительного для младенца.

Памятник сладкого детства

Он был стар и слаб, и песок в часах его жизни почти истек. Он двигался неверными шагами вдоль одной из самых фешенебельных улиц Хьюстона. Он оставил город двадцать лет тому назад, когда последний был немногим больше влачащей полунищее существование деревни, и теперь, устав странствовать по свету и полный мучительного желания поглядеть еще раз на места, где протекло его детство, он вернулся и нашел, что шумный деловой город вырос на месте дома его предков. Он тщетно искал какого-нибудь знакомого предмета, какого-нибудь привычного вида, могущего напомнить ему минувшие дни. Все изменилось. Там, где стояла хижина его отца, высились стены стройного небоскреба; пустырь, где он играл ребенком, был застроен современными зданиями. По обе стороны расстилались великолепные лужайки, подбегавшие к роскошным особнякам.

Внезапно, с радостным криком, он бросился вперед с удвоенной энергией. Он увидел перед собой — не тронутый рукой человека и не измененный временем — старый знакомый предмет,

вокруг которого он бегал и играл ребенком. Он простер руки и кинулся к нему с глубоким вздохом удовлетворенности.

Позже его нашли спящим с тихой улыбкой на лице на старой мусорной куче посередине улицы — единственном памятнике его сладкого детства!

Кое-что для ребеночка

Это всего только легкий диссонанс в радостной праздничной музыке. Минорная нотка под пальцами Рока, скользнувшими по клавишам, в то время как рождественские славословия и песни наполняют весельем святочные дни.

Журналист из «Техасской почты» стоял вчера в одном из крупнейших мануфактурных и галантерейных магазинов на Мэйн-стрит, наблюдая за толпой разодетых покупателей, главным образом дам, рывшихся в предпраздничных безделушках и предметах для подарков.

Но вот маленькая, тоненькая, бледненькая девочка робко пролезла к прилавку сквозь осадившую его толпу. Она была в слишком холодном для Рождества пальтишке, а ее сношенные башмачки были сплошь в заплатках.

Она оглядывалась с видом наполовину печальным, наполовину испуганным.

Приказчик заметил ее и подошел.

— Ну, чего тебе? — спросил он, пожалуй, слишком резко.

— Пожалуйста, сэр, — ответила тоненьким голоском девочка, — мама дала мне десять центов,

чтобы купить кое-что для ребеночка.

— Кое-что для ребеночка на десять центов? Рождественский подарок, а? А не находишь ли ты, что тебе лучше сбегать за угол, в игрушечный магазин? У нас этих вещей нету. Тебе нужно жестяную лошадку, или мячик, или Петрушку на веревочке, верно ведь?

— Пожалуйста, сэр, мама сказала, чтобы я зашла сюда. Ребеночка уже нет с нами, сэр. Мама велела мне купить — на… десять… центов… крепа, сэр, пожалуйста!

Сила репутации

В один из вечеров на прошлой неделе в Сан-Антонио высокий, торжественного вида господин в шелковом цилиндре вошел в бар при гостинице и остановился около камина, где уже сидели — куря и болтая — несколько человек. Толстяк, видевший, как он входил, справился у конторщика гостиницы, кто это такой. Конторщик назвал его имя, и толстяк последовал за незнакомцем в бар, бросая на него взгляды восторженного восхищения.

— Довольно холодная ночь, джентльмены, для теплого пояса, — сказал господин в шелковом цилиндре.

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха! — проревел толстяк, разражаясь оглушительным хохотом. — Это недурно!

Торжественного вида господин был сильно изумлен этим, но продолжал стоять и греться у камина.

Вскоре один из людей, сидевших подле огня, заметил:

— Старуха Турция там, в Европе, по-видимому, приутихла в настоящее время.

— Да, — сказал торжественный господин, — по-

хоже, что обязанность шуметь взяли на себя все другие нации.

Толстяк издал громкий вопль, и лег на пол, и начал кататься по нему.

— Вот умора! — вопил он. — Лучшее, что я слышал когда-либо! Ха-ха-ха-ха-ха-ха! Давайте, джентльмены, дернем по этому поводу!

Приглашение дернуть показалось всем достаточным удовлетворением за такую ничем не оправданную веселость, и они сгрудились у стойки. Пока смешивались напитки, толстяк успел шепнуть что-то на ухо каждому из присутствующих, за исключением господина в шелковом цилиндре. Когда он кончил, все лица растянулись в широкие улыбки.

— Ну-с, джентльмены, если в чем и заключается шутка, то в этом! — произнес торжественный господин, поднимая стакан.

Вся компания единодушно разразилась в буквальном смысле ревом от хохота, расплескав половину содержимого стаканов на стойку и на пол.

— Когда-нибудь слышали такой поток остроумия? — спросил один.

— Он битком набит шутками, разве ж нет?

— Такой же, каким он был всегда!

— Лучшее, что мы имели здесь за год!

— Джентльмены, — сказал торжественный господин, — вы, по-видимому, сговорились разыграть меня. Я сам не прочь от хорошей шутки, но мне хотелось бы знать, насчет чего вы проходитесь?

Трое лежали, вывалянные в опилках, на полу и взвизгивали, а остальные попадали в кресла или держались за стойку в пароксизмах хохота. Затем трое или четверо чуть не подрались за честь собрать всех снова у стойки. Торжественного вида господин держал себя подозрительно и осторожно — но пил каждый раз, когда кто-нибудь заказывал угощение. Стоило ему произнести слово, как вся орда выла от хохота, пока слезы не брызгали из глаз.

— Ну, — сказал торжественный господин, когда его собутыльники оплатили по крайней мере двадцать круговых, — даже лучшие друзья расстаются. Мне нужно спешить к моему жесткому ложу.

— Здорово! — проревел толстяк. — Ха-ха-ха-ха-ха! Жесткое ложе, это — здорово! Лучшее, что я когда-либо слышал. Вы так же неистощимы, черт подери, каким были всегда! Ни разу не слышал такого экспромтного острословия! Техас гордится

вами, старина!

— Спокойной ночи, джентльмены! — сказал торжественный господин. — Мне нужно встать очень рано и приняться за работу.

— Послушайте только! — взвыл толстяк. — Говорит, что ему надо приняться за работу. Ха-ха-ха-ха-ха!

Вся толпа разразилась прощальным ревом хохота вслед направлявшемуся к выходу торжественному господину. Последний остановился на минуту и сказал:

— Провел (ик!) чрезвычайно приятный вечер (ик!), джентльмены. Надеюсь увидеться еще с вами (ик!) утром. Вот моя карточка. Доброй ночи!

Толстяк схватил карточку и потряс торжественному господину руку. Когда тот исчез за дверью, толстяк взглянул на карточку, и лицо его вдруг стало серьезным.

— Джентльмены, — сказал он, — вы все знаете, кто такой наш друг, которого мы только что угощали?

— Еще бы! Вы сказали, что это Алекс Сладкий из «Техасского весельчака».

— Так я думал, — сказал толстяк. — Конторщик гостиницы сказал, что это Алекс Сладкий.

Он протянул им карточку и исчез через боковой

выход. Карточка гласила:

Л. Х. УИТТ
Канзас-Сити
Представитель фирмы
«СМИТ и ДЖОНС»
ГРОБЫ. ВЕНКИ. ПАМЯТНИКИ

Угощение стоило — всем по совокупности — тридцать два доллара. Толпа вооружилась чем попало и села в засаду в ожидании толстяка.

Когда теперь в Сан-Антонио незнакомцу приходит желание пошутить, он может вызвать улыбку не прежде, чем представит оформленные по всем правилам письменные данные.

Во исправление страшной несправедливости

Недавно было сделано открытие, которое не замедлит пробудить в каждом джентльмене нашей страны чувство живейшего раскаяния. В течение долгого времени мужчины полагали, что обыкновение дам надевать в театр высокие шляпы есть просто результат невнимания к тем несчастным, которым судьба предоставила места непосредственно сзади них.

Ныне выясняется, что такое предположение было по отношению к прекрасному полу глубочайшей несправедливостью. Известная женщина-врач раскрыла болезненное явление, от которого женская половина человечества уже давно и мучительно страдает, но которое ей удавалось сохранить до настоящего времени в полнейшей тайне. Обыкновение дам появляться в публичных местах в шляпах есть результат печальной необходимости — и следовательно, с них должно быть снято обвинение, столь часто против них выдвигавшееся, в эгоистическом невнимании к удобствам других.

Оказывается, дамы, перешагнувшие за тридцать пять лет, особливо чувствительны к действию световых лучей, падающих им на головы сверху. Женский череп существенно отличается от мужского, главным образом в верхней своей части, и, начиная с тридцатипятилетнего возраста, теменные ткани женского черепа утончаются. Лучи света — особенно электрического — производят, проникая, чрезвычайно раздражающее действие на мозговые центры.

Как ни странно, этот недостаток черепного устройства совершенно не замечается женщинами в молодости; но стоит им перешагнуть за грань юности, как он немедленно дает себя почувствовать. Сами женщины знают об этом и часто толкуют на эту тему, но они ревностно оберегали свой секрет даже от самых близких мужчин. Женщина-врач, разоблачившая его на столбцах научного журнала, первая представительница их пола, заговорившая об этом вопросе открыто.

Если кто-либо даст себе труд проделать опыт, он незамедлительно убедится в соответствии изложенного истине. Начните разговор с дамой, перешагнувшей средний возраст, стоя под ярко светящей лампой, и через несколько минут ей станет не по себе и вскоре боль, причиняемая

светом, заставит ее отодвинуться от его источника. На молодых здоровых девушек лучи света не оказывают никакого заметного действия. Таким образом, если мы видим в театре даму в высокой и громоздкой шляпе, мы можем смело сделать вывод, что ей больше тридцати пяти лет и что она просто предохраняет себя от болезненного явления, постигшего ее с годами. Напротив, где бы мы ни увидели даму, носящую небольшой и никому не мешающий головной убор, мы должны заключить, что она все еще молода и очаровательна и может сидеть под пронизывающими лучами света, не испытывая никаких неудобств.

Нет такого человека, на чьей совести лежит грех осуждения женщины за ее предполагаемое пренебрежение к удобству ее ближних, который бы теперь не высказал искреннейшего сожаления о своем заблуждении. Американцам присуще уважать старость — особенно женскую, — и когда изложенные здесь факты станут общеизвестными, терпимость и сочувствие заменят негодование и упреки. С этих пор впредь высокие шляпы с ниспадающими перьями и торчащими цветами и отделкой, встающие между нами и сценой, будут рассматриваться не с неудовольствием, но с уважением — коль скоро мы поймем,

что их носительницы уже не молоды и идут быстрыми шагами к могиле и что они вынуждены принимать предосторожности, необходимые в таком возрасте для их хрупких организмов.

Рассказ-загадка с премией для читателей

Наиболее распространенный и модный способ для увеличения тиража наших газет — помещение в них романов-загадок с премиями для читателей. Публика приглашается принять участие в разгадывании, чем все это закончится, — и, следовательно, вынуждается покупать или выписывать газету.

Нет ничего легче в мире, как написать загадочный рассказ, который устоял бы против изощренности самых гениальных отгадчиков страны.

В доказательство этого — вот рассказ, за расшифровку которого до прочтения последней главы мы предлагаем премию в 10 000 долларов любому мужчине и в 15 000 долларов любой женщине.

Мы даем только конспект рассказа, потому что литературный стиль нас не интересует — загадочность нам нужна, а не стиль!

Глава I

Судья Смит, высокочтимый житель города

Плунквилля, найден убитым в постели у себя дома. Его грудь пронзена парой ножниц, отравленных крысиным ядом. Его горло перерезано бритвой с ручкой из слоновой кости, артерия на одной из рук вскрыта, и в него всажен добрый фунт дроби из охотничьей двустволки.

Следователь вызван, и комната подвергнута осмотру. На потолке обнаружен кровавый след ноги, а на полу найдены: дамский кружевной платочек с инициалами «Д. Б.», пачка папирос и бутерброд с ветчиной. Следователь считает самоубийство доказанным.

Глава II

После судьи остается его дочь, Мэйбл, восемнадцати лет, необычайно красивая. Вечером накануне убийства она показывала в одном из лучших ресторанов города револьвер и топор и говорила о намерении «прикончить старикашку». Жизнь судьи была застрахована на 100 000 долларов в ее пользу. Никто не подозревает ее в преступлении.

Мэйбл обручена с молодым человеком по имени Чарли, которого в ночь убийства многие граждане видели вылезающим из окна судьи с окровавленной бритвой и ружьем в руках. Общество не обращает никакого внимания на Чарли.

Бродяга попадает под трамвай и прежде, чем умереть, сознается в совершении преступления. На похоронах судьи его брат, полковник Смит, не выдерживает и кается, что убил судью с целью завладеть его часами. Мэйбл посылает в Чикаго и нанимает для расследования дела искусного сыщика.

Глава III

Прелестная незнакомка в глубоком трауре приезжает в Плунквилль и называет администрации отеля свое имя: Джен Бумгартнер. (Инициалы на платке!)

На следующий день сыщик натыкается на китайца, отрицающего, что он убил судью, и арестовывает его. Незнакомка встречает на улице Чарли и, услышав запах его сигары, падает в обморок. Мэйбл порывает с Чарли и обручается с китайцем.

Глава IV

Во время следствия над китайцем Джен Бумгартнер показывает, что она видела, как сыщик убил судью Смита по наущению священника, руководившего похоронами, и что Мэйбл — мачеха Чарли. Китаец уже готов сознаться, как вдруг раздаются приближающиеся шаги. Следующая

глава — последняя, и можно с уверенностью сказать, что никому не удастся предугадать ее содержание. Чтобы показать, как это трудно, даем теперь последнюю главу.

Глава V

Шаги оказываются принадлежащими Томасу Р. Хеффлбомеру из Вашингтонского округа, который представляет исчерпывающие доказательства, что судью убил он в припадке временного помешательства, а Мэйбл выходит замуж за человека по имени Томпкинс, которого она встретила двумя годами ранее в Горячих Ключах.

Право на пенсию

— Кстати, о ста сорока миллионах долларов, выплачиваемых ежегодно правительством в виде пенсий, — сказал один видный деятель представителю «Техасской почты». — Мне рассказывали, что один человек из Индианы заявил месяц тому назад свое право на пенсию на основании операции, которой он подвергся в прошлую войну. И как вы думаете, о какой операции шла речь?

— Не имею ни малейшего представления!

— Ему отрезали отступление во время битвы при Геттисберге!

После ужина

Мистер Шарп. Мне кажется, дорогая моя, что каждый год, пролетающий над твоей головой, приносит тебе лишь новое очарование, выявляет скрытую красоту, увеличивает твою душевную грацию. В твоих глазах сегодня есть что-то пленительно-девическое — как в тот день, когда я впервые увидел тебя. Какое счастье, когда два сердца делаются лишь нежнее друг к другу по мере того, как годы проносятся над ними. Ты сейчас столь же прекрасна, как тогда…

Миссис Шарп. А я и забыла, что у тебя сегодня заседание в масонской ложе. Постарайся вернуться не позже двенадцати, пожалуйста!

Умение хранить секрет

Пора положить конец распространению старой шутки о том, что женщины не умеют хранить секрета. Ни в чем черная неблагодарность мужчин к прекрасному полу не проявилась так ярко, как в распространении этой клеветы. Где бы и когда бы человек, считающий себя наделенным чувством юмора, ни вернулся к этой более древней, чем сам мир, теме, которой его братья-мужчины считают своим священным долгом аплодировать, на лице женщины появляется странная, непостижимая, полная жалости усмешка, понятная лишь очень немногим из мужчин.

Правда в том, что только женщины и умеют хранить секреты. Одному Богу понятна та изумительная сила, с какой девяносто девять из ста замужних женщин ухитряются скрыть от всего прочего мира, что они связали себя с существом, недостойным их чистой и полной самопожертвования любви к нему. Женщина может шепнуть соседке, что миссис Джонс уже второй раз перелицовывает свое старое шелковое платье, но если в ее груди есть что-либо, касающееся любимого ею человека, сами боги не вырвут это оттуда.

Слабый мужчина заглядывает в чашу с вином — и смотрите: вот он уже выболтал свои сокровеннейшие мысли развесившему уши случайному встречному! Женщина может щебетать о погоде и глядеть своими детскими глазами в очи хитрейшего из дипломатов, без труда пряча в это время в своей груди важнейшие государственные тайны.

Адам был праотцем болтунов, первым из сплетников — и нам нечего им гордиться. Под грезящим, взывающим к нему взглядом Евы — той, что была создана для его удобства и удовольствия, — в ту самую минуту, когда она стояла рядом с ним, любящая, и юная, и прекрасная, как весенняя луна, он, жалкий приживальщик, сказал:

— Женщина дала мне, и я вкусил!

Этот отвратительный поступок нашего прародителя не может быть извинен ни одним джентльменом, знающим свой долг по отношению к леди!

Поведение Адама должно было бы повести к исключению его имени из списков каждого порядочного клуба страны. И тем не менее с того дня женщина идет рука об руку с мужчиной — верная, преданная и готовая на все жертвы ради

него. Она скрывает от света его жалкие пороки, она перетолковывает в обратную сторону его позорные проступки и — главное — она молчит… когда одного слова достаточно, чтобы пронзить его дутое величие и обратить его в скоробившуюся плоскую тряпку!

А мужчина говорит, что женщина не умеет хранить секретов!

Пусть он будет благодарен, что она умеет их хранить, — иначе бы все воробьи на крышах чирикали про его ничтожество!

Победитель

После того как в пятницу вечером была поставлена пьеса «В старом Кентукки», трое стариков-приятелей отправились в ресторанчик с непреклонным решением «вспрыснуть». «Вспрыснув» один раз, они «вспрыснули» и другой, и третий.

Когда они почувствовали, что доспели, они сели за стол и начали врать. Не со злой целью, а естественно, по-приятельски, о том, что им приходилось видеть и делать. Каждый из них приводил случаи из своей жизни, и так как небо было безоблачно, то никакого дневного повторения трагедии с Ананием не состоялось.

Наконец судья внес предложение заказать огромный бокал мятного грога — напитка, исключающего всякую необходимость в щипцах для завивки волос! — и тот, кто расскажет наиболее невероятную историю, получит возможность выдуть весь бокал через соломинку!

Мэр и судья выступили первыми с парой изумительных рассказов на тему о галстуках. Полковник облизнул губы, пересохшие при взгляде на огромный бокал, сверкавший алмазами и

янтарем и увенчанный благоуханной мятой, и начал свой рассказ:

— Случай, который я собираюсь вам поведать, не только изумителен, но и правдив. Он имел место в этом самом городе, в субботу после обеда. Я встал в этот день очень рано, ибо мне предстояло много работы. Жена закатила мне добрый стаканчик виски, так что я чувствовал себя довольно недурно. Когда я спускался по лестнице, она подала мне кредитку в пять долларов, выпавшую у меня из кармана, и сказала:

«Джон, тебе нужно найти горничную помиловиднее. Джен настолько буднична, что ты никогда не посмотришь на нее нежно. Попробуй, не найдешь ли ты служанки покрасивее — и, Джон, милый, ты уж слишком много работаешь! Тебе, право же, надо отдохнуть. Почему бы тебе не прокатиться сегодня после обеда с мисс Муггинс, твоей машинисткой? Ты бы, кстати, мог заехать в шляпный магазин и сказать там, чтобы мне не присылали шляпу, которую я отобрала, и…»

— Довольно, полковник! — сказал судья. — Можете приступать к этому мятному грогу сию же минуту. Вам нет надобности доканчивать ваш рассказ.

Голодный Генри и его прием

Голодный Генри. Мэм, я представитель новейших, на роликах, не рвущихся, двойных подтяжек. Разрешите показать?

Миссис Лоунстрит. Нет, у нас в доме мужчин.

Голодный Генри. В таком случае я имею предложить нечто единственное в своем роде — собачьи ошейники из русской кожи, с серебряными инкрустациями, с именем, которое мы вырезаем за ту же цену в виде премии. Быть может…

Миссис Лоунстрит. Не надо, не надо. У меня нет собаки.

Голодный Генри. Вот это мне и надо было знать. Подай-ка мне, тетка, самый лучший ужин, какой только можешь, да поворачивайся живее, не то это плохо отразится на твоем здоровье. Понятно?

Единственное утешение

Завтрак был кончен, и Адам вернулся к своей постоянной работе: наклеиванию ярлыков с именами на клетки, в которых сидели звери. Ева взяла на руку попугая и сказала ему:

— Дело было так. Он устроил целый скандал по поводу пирога, который был к завтраку…

— А что ты сказала? — спросил попугай.

— Я сказала, что у меня есть во всем этом одно утешение: он не может ткнуть мне в глаза, что у его матери пирог всегда выходил лучше!

Неудачный эксперимент

В Техасе есть старый проповедник-негр, большой поклонник его преподобия Сэма Джонса. В прошлое воскресенье он решил отказаться от обычного увещевания чернокожих братьев и кинуться очертя голову в самую гущу своей паствы по способу, столь успешно практикуемому знаменитым евангелистом Джорджии. Когда вступительный гимн был пропет и собрание прочло положенные молитвы, старый проповедник положил свои очки на Библию и сразу же бросился в атаку.

— Горячо любимые братья, — сказал он, — я проповедую вам уже больше пяти лет, а милосердие Божие так и не проникло в ваши беспокойные сердца. Я никогда еще не видел худшей банды, чем это горячо любимое собрание. Вот, например, Сэм Уоткинс на первой скамейке налево. Может кто-нибудь указать мне более низкого, жульнического, продувного, грязного негра во всей округе? Откуда те куриные перья, которые я видел у него на заднем дворе сегодня утром? Пусть брат Уоткинс встанет и ответит на это!

Брат Уоткинс сидел на скамье, вращал глазами

и тяжело дышал. Но он был застигнут врасплох и не мог дать ответа.

— А вот Эльдер Хоскинс, на правой стороне. Все знают, что это лживая, беспомощная, налитая пивом бочка. Его содержит жена, стирая белье. Что хорошего принесла ему кровь агнца? Он, должно быть, думает, что сможет околачиваться вокруг чужих кухонь и в Новом Иерусалиме!

Эльдер Хоскинс, пришпоренный этими обвинениями, поднялся с места и сказал:

— Это мне приводит на ум одну штуку. Не помню, чтобы я когда-нибудь работал тридцать дней на починке дорог в Бастропском графстве за кражу тюка хлопка.

— А кто работал? Кто работал? — возопил проповедник, вздевая очки и сверкая глазами на Эльдера. — Кто украл этот хлопок? Заткни свой рот, негр, не то я спущусь вниз и раскрою его так, что шире некуда. А вон сидит мисс Джинни Симпсон. Поглядите, как она разрядилась! Поглядите на ее желтые башмаки, да на страусовые перья, да на шелковую кофту, да на белые перчатки. Откуда она берет деньги на все это? Она нигде не работает. Но Господь видит эту суетную неряху, и он бросит ее в кипящую серу и в смердящий кладезь.

Мисс Симпсон поднялась, и каждое из ее страусовых перьев дрожало от негодования.

— Старая, лживая, черномазая морда — ты! — сказала она. — Ты, что ли, платишь за мои тряпки? Может, ты скажешь всему собранию, кто вчера утром передал через забор огромный букет и жбан с сидром Лиззи Джаксон, когда ее старик ушел на работу?

— Ты лжешь, ехидная, низкая, шпионская дщерь диавола! Я был у себя дома, погруженный в молитву за порочных братьев и сестер во Христе. Я сейчас спущусь вниз и лягну тебя в рот, если ты не заткнешь его! Вы все обречены геенне огненной! Вы все до единого — только грязные отбросы земли! Я вижу отсюда Билла Роджерса, который, как известно, налил свинцом кости для того, чтобы играть наверняка, и который не тратит ни единого цента на прокорм своей семьи. Господь скоро переломает ему все ребра! Праведный суд Духа Святого скоро притянет его к ответу!

Билл Роджерс поднялся с места и заложил большие пальцы рук за жилетку.

— Я мог бы назвать, — сказал он, — некоторых игроков, которых выгнали с фермы полковника Якси за игру краплеными картами, — если бы захотел.

— Вот это уж ложь! — сказал проповедник, захлопывая Библию и засучивая рукава. — Берегись, Билл Роджерс, я сейчас спущусь к тебе!

Проповедник слез с кафедры и направился к Биллу, но мисс Симпсон успела по дороге запустить пальцы в шерсть на его голове, а Сэм Уоткинс и Эльдер Хоскинс не замедлили прийти к ней на помощь. Затем вступили остальные братья и сестры. И летающие во все стороны книги гимнов вместе с треском разрываемых одежд красноречиво засвидетельствовали, что свойственный Сэму Джонсу стиль проповедей мало подходит именно этому приходу.

Сколько стоит правда

На одного из жителей Хьюстона, прослушавшего целый ряд проповедей Сэма Джонса, произвело особенное впечатление осуждение всяких сделок с совестью и ложью всех цветов и оттенков.

Так повлияло это на него и на такую плодородную почву упало зерно, брошенное великим евангелистом, что этот самый житель Хьюстона, неоднократно грешивший до тех пор против правдивости, решил в одно прекрасное утро начать жизнь сызнова и говорить правду во всех случаях, больших и малых, ни на йоту не отступая от голой неприкрашенной истины.

Во время завтрака жена спросила его:

— Как ты находишь бисквит, Генри?

— Тяжеловат, — ответил он, — и не выпечен.

Жена выскочила из столовой, и он доел завтрак наедине с детьми. Прежде Генри сказал бы:

— Бисквит очень хорош, душечка!

И все сошло бы хорошо.

Когда он позже выходил из калитки, к дому подъехала его богатая старуха тетка, любимчиком которой он всегда был. Она была завита, напудрена и в корсете, чтобы казаться как можно

моложе.

— О, Генри, — оскалила она зубы в глупейшей улыбке, — как поживают Элла и детки? Я бы зашла, но у меня такой ужасный вид сегодня, что мне совсем нельзя показываться!

— Это верно, — сказал Генри, — вид у вас ужаснейший. Хорошо, что ваша лошадь в шорах, а то она могла бы случайно увидеть вас, и понести, и сломать вам шею.

Тетка свирепо взглянула на него и, не говоря ни слова, взялась за вожжи. Генри перевел это впоследствии в цифры и рассчитал, что каждое слово, сказанное им тетке, обошлось ему в восемь тысяч долларов.

Еще одна жертва Сэма Джонса

Унылого вида человек, с отвисшими каштановыми баками, вошел вчера днем в участок и сказал дежурному:

— Хочу отдать себя в руки правосудия. Лучше наденьте на меня наручники и посадите в самую темную камеру, где будет побольше пауков и мышей. Я один из худших людей в мире и уклоняюсь от суда. Велите, пожалуйста, тюремщику дать мне заплесневевшего хлеба и воды из самой грязной лужи.

— Что именно вы сделали? — спросил дежурный.

— Я жалкий, опустившийся, изолгавшийся, ни на что не годный, на всех клевещущий, пьяный, вероломный, святотатственный мерзавец — и я не достоин даже умереть! Вы можете также велеть тюремщику приводить к моей камере маленьких детей, чтобы они глядели через решетку, как я буду скрежетать зубами и клясться в бесовском исступлении!

— Мы не вправе посадить вас в тюрьму, если вы не совершили никакого определенного преступления. Не можете ли вы выдвинуть против

себя более конкретное обвинение?

— Нет, я хочу отдаться в руки правосудия на принципиальных основаниях. Видите ли, я слушал вчера вечером Сэма Джонса, и он заметил меня в толпе и вынес мне приговор. Я думал, что я, на худший конец, старая кляча, но Сэм показал мне обратное изображение и убедил меня. Я старый, грязный, паршивый, блудливый пес — вы можете смело пнуть меня несколько раз, прежде чем посадите под замок, да пошлите сообщить моей жене, что старый негодяй, который в течение двадцати лет измывался над нею, получил наконец по заслугам.

— Чего там, бросьте это, — сказал дежурный. — Не верю, чтобы вы были так плохи, как вам кажется. Откуда вы знаете, что Сэм Джонс имел в виду именно вас? Он мог целить в кого-либо другого. Подтянитесь, и пусть это вас не трогает!

— Погодите-ка, — сказал унылого вида человек в раздумье. — Если подумать, то как раз сзади меня сидел один из соседей, гнуснее которого нет во всем Хьюстоне. Это шелудивый щенок — и никаких гвоздей! Он лупит свою жену и отказывал мне в трех долларах целых пять раз. Все, что Сэм говорил, подходит к нему точка в точку. Если подумать…

— Вот это правильный способ смотреть на вещи, — сказал дежурный. — Все шансы за то, что Сэм имел вовсе не вас в виду.

— Черт побери, если я сам так не думаю теперь, когда я вспомнил про этого соседа, — сказал кающийся, начиная оживляться. — Вы не представляете себе, какую тяжесть вы сняли с меня. Мне уже совсем казалось, что я самый худший грешник в мире. Держу пари на десять долларов, что он говорил как раз про того жалкого, презренного негодяя, что сидел сзади меня. Слушайте, пойдем и двинем по стаканчику по этому поводу, а?

Дежурный отклонил предложение, и унылого вида человек запустил палец за шею, извлек наружу воротничок и сказал:

— Никогда не забуду, сэр, как вы любезно помогли мне выбраться из этого. Я чувствовал себя не на месте с самого утра. Иду сию же минуту на ипподром и поставлю на фукса против фаворита. Всего хорошего, сэр, никогда не забуду вашей любезности!

Постепенно

— Вы не туда попали, — сказал Цербер. — Эти ворота ведут в глубины ада, а на паспорте, который вы предъявили, помечен рай.

— Я это знаю, — устало сказала тень, — но билет разрешает здесь остановку. Я, видите ли, из Гальвестона, и мне надо менять обстановку постепенно.

Еще хуже

Двое жителей Хьюстона пробирались домой в одну из дождливых ночей на прошлой неделе, и, когда они, спотыкаясь, переправлялись через лужи на одной из главных улиц, один сказал:

— Это и есть ад, не правда ли?

— Хуже, — сказал другой. — Даже ад вымощен благими намерениями.

Удар

Бледный как смерть человек, с шерстяным кашне вокруг шеи и тоненькой тростью в руке, вошел вчера, спотыкаясь, в один из аптекарских магазинов Хьюстона и прислонился к прилавку, крепко прижимая другую руку к груди.

Фармацевт взял стаканчик с делениями, быстро влил туда унцию spirit frumenti[8] и подал вошедшему. Человек выпил его залпом.

— Немного лучше? — спросил фармацевт.

— Чуть-чуть. Мне еще не приходилось испытывать подобного удара. Едва стою на ногах. Еще немножко, пожалуйста…

Фармацевт налил ему еще одну унцию виски.

— Кажется, пульс у меня возобновился, — сказал человек. — Но это было ужасно!

— Выпали из экипажа? — осведомился фармацевт.

— Нет, не совсем.

— Поскользнулись на банановой кожуре?

---

[8] Примечания: 8

Во времена «сухого закона» (период запрета на алкоголь в США) это название стало кодовым для медицинского виски, которое прописывалось как лекарство.

— Если бы это! Я, кажется, опять лишусь чувств, если вы…

Обязательный фармацевт подал третью дозу возбудительного напитка.

— Попали под трамвай? — спросил он.

— Нет, — сказал бледный человек. — Я расскажу вам, как было дело. Видите того краснорожего типа, что пляшет и изрыгает проклятия там на углу?

— Да.

— Это по его вине. Боюсь, что не смогу держаться дальше на ногах. Я… спасибо!

Посетитель хлопнул четвертую порцию и начал оправляться.

— Может быть, позвать доктора? — спросил фармацевт.

— Нет, пожалуй, не надо. Ваша любезность оживила меня. Я расскажу вам, в чем дело. У меня был привязан к трости игрушечный паук, и я увидел этого краснорожего типа, который сидел на пороге спиной ко мне, и я опустил паука прямо ему на нос. Я тогда еще не знал, кто он! Он упал от испуга на спину, и порезал ухо о скобу для чистки сапог, и сломал вставную челюсть, стоящую шестьдесят долларов. Этот тип — мой домовладелец, и я должен ему тридцать семь долларов, и у него

закладная в десять долларов на мою корову, и он уже однажды грозился переломать мне ребра. Я шмыгнул сюда, и он не заметил меня. Удар для моих чувств, когда я увидел, кто это такой, был прямо ужасен! Если у вас есть немного еще этого возбудителя, я…

Циник

Младший компаньон. Вот честная фирма «Шарп и Симон» посылает нам чек на пятьдесят долларов в добавление к расчету за этот месяц, чтобы возместить разницу в цене, ввиду того, что им в прошлом месяце были по ошибке посланы товары высшего качества!

Старший компаньон. Они делают при этом новый заказ?

Младший. Да! Больший, чем когда-либо.

Старший. Отправить его наложенным платежом!

Говоря о циклонах

Человек с бронзовым лицом и импонирующей осанкой был великим путешественником и только что вернулся из кругосветного плавания. Он сидел у камина в Ламлоре, а несколько заезжих коммивояжеров да зашедших в гостиницу горожан слушали с большим интересом его рассказы.

Он говорил о жестоких бурях, бывающих в Южной Америке, когда длинные стебли травы в пампасах сначала переплетаются, а потом с такой силой прибиваются к земле порывами ветра, что их режут квадратами и продают как соломенные циновки высшего качества.

Он также рассказывал о чудесном инстинкте дикого скота, который, говорил он, хотя его бросает во все стороны жестоким ураганом и хотя ему преграждают путь раздувшиеся от дождей потоки — никогда, ни ночью ни днем, не теряет верного направления.

— У них есть какой-нибудь орган, приспособленный для этого? — спросил представитель мукомольной компании из Топеки.

— Конечно. Вымя, — сказал путешественник.

— Не вижу, над чем тут смеяться, — заговорил человек из Канзаса. — Но если говорить о страшных ветрах, мы имеем нечто в этом роде у нас в штате. Вы все слыхали о канзасских циклонах, но весьма немногие из вас знают, что это такое. У нас они нередки, и выдаются между ними очень сильные, но большинство рассказов, которые вам приходилось читать, преувеличены. Однако хороший, зрелого возраста циклон может иногда поднимать вещи на изрядную высоту. Единственное, обо что их ярость разбивается безрезультатно, это агенты по продаже земельных участков. Я знаю некоего парня, Боба Лонга, который работает в качестве земельного агента с незапамятных времен. Боб скупил огромное пространство степи и перепродает его небольшими участками под фермы. Однажды он повез в своей тележке человека, чтобы показать ему землю.

«Только поглядите на нее, — говорил он. — Это лучший, богатейший кусок земли в Канзасе. Стоит он много больше, но для почину, да принимая во внимание необходимые улучшения, я уступлю вам сто шестьдесят акров по сорок долларов за...»

Прежде чем Боб успел сказать «акр», налетел циклон и унес Боба вверх. Его увлекало все выше

и выше, и он превратился наконец в еле заметное пятнышко, а покупатель стоял и следил до тех пор, пока Боб не исчез совсем из виду.

Земля покупателю понравилась, так что он купил ее у наследников Боба, и вскоре через нее прошла железная дорога, и на этом месте вырос и стал процветать прекрасный город.

Ну-с, этот самый человек стоял однажды на тротуаре и размышлял о том, как ему повезло и — кстати — как не повезло Бобу, как вдруг он поднял глаза и увидел, что что-то падает. Оно делалось все больше и больше, и вскоре оказалось, что это человек.

Он свалился вниз, ударился о тротуар со звуком, который был слышен на четыре квартала в окружности, подскочил вверх по крайней мере на десять футов, встал на ноги и крикнул:

«Ногу вперед!»

Это был Боб Лонг. Борода у него стала седее и длиннее, но он остался таким же дельцом, как и был. Он заметил перемены, происшедшие за то время, пока он летел вниз, и, когда он заканчивал фразу, прерванную циклоном, он соответственно изменил ее содержание. Боб был спекулянтом. Вскоре после этого он…

— Погодите, — сказал путешественник. — По-

дойдем к стойке и спрыснем это происшествие. Я требую законной передышки перед началом второго раунда.

Цифры

Джентльмен с большой шевелюрой и с выражением на лице, свидетельствующим об отрешении от всего земного, сошел с двенадцатичасового поезда на Центральном вокзале. Он нес в руках кипу брошюр о воздержании и, почуяв острый запах, пошел в его направлении и уперся в красноносого субъекта, прислонившегося к сундуку близ багажного отделения.

— Друг мой, — сказал длинноволосый джентльмен, — знаете ли вы, что, если бы вы поместили стоимость трех стаканчиков виски под сложные проценты в год сооружения Соломонова храма, у вас был бы сейчас капиталец в 47 998 645 долларов 22 цента?

— Знаю, — сказал красноносый субъект. — Я сам немного математик. Я также вычислил — за тот промежуток времени, пока доктор мазал мне йодом нос, чтобы вылечить эту болячку, — что первый криворотый, гнилокостный, резиновошеий собачий сын из ханжеской округи Меддльсомского графства, который позволит себе замечание по этому поводу, должен будет сделать прыжок на семнадцать футов в девять

секунд или получить тринадцать пинков под брюхо. У вас осталось ровно четыре секунды.

Длинноволосый джентльмен совершил блестящее отступление, не превысив данного ему срока, и насел со своими брошюрами о воздержании на показавшегося ему подозрительным жителя Хьюстона, который нес домой завернутую в газету бутылку минеральной воды для тещи.

Оригинальная идея

Есть одна леди в Хьюстоне, которой вечно приходят в голову оригинальные идеи.

Для женщины это — очень большой недостаток, заслуживающий всяческого порицания. Женщина должна узнать, как смотрит на вещи ее муж, и построить свое мировоззрение соответственно. Конечно, неплохо, если у нее есть и свой взгляд на вещи, который она держит про себя, но кому приходилось встречать женщину, которая поступала бы таким образом?

Эта леди, в частности, имела обыкновение применять свои оригинальные идеи на практике, и не только ее семья, но и соседи вечно были настороже против каких-нибудь ошарашивающих сюрпризов с ее стороны.

В один прекрасный день она прочла в газете статью, не замедлившую внушить ей оригинальную идею. Статья указывала на то хорошо известное обстоятельство, что, если бы мужчины могли найти у себя дома удовлетворение своих нужд и прихотей, у них не являлось бы потребности покидать домашний очаг и шляться по кабакам. Это утверждение показалось нашей

леди разительнейшей истиной, и она смело позаимствовала идею и решила немедленно применить ее на практике как свое собственное изобретение.

Когда в этот вечер ее муж вернулся домой, он заметил, что один конец гостиной отделен занавеской, но он уже так привык ко всякого рода новшествам, что даже побоялся расспрашивать, в чем тут дело.

Здесь будет кстати упомянуть, что у мужа нашей леди была слабость к пиву. Он не только любил — он обожал пиво. Пиво смело могло никогда ни к чему не ревновать этого джентльмена.

После ужина леди сказала:

— А теперь, Роберт, у меня есть маленький сюрприз для тебя. Тебе не нужно уходить в город сегодня. Я приспособила наш дом к тому, чтобы доставлять тебе все удовольствия, которых ты ищешь на стороне.

С этими словами она отдернула занавеску, и Роберт увидел, что один конец гостиной превращен в бар — или, вернее, в представление его жены о баре.

Несколько дорожек, из числа составлявших ковер, были сняты, и пол посыпан опилками. Кухонный стол был поставлен наискось в одном из

углов. Сзади на полке красовалась внушительная батарея бутылок всех размеров и форм, а в центре было артистически приспособлено лучшее из туалетных зеркал его жены.

На козлах помещался непочатый бочонок пива, и жена его, надев кокетливую наколку и передничек, грациозно прыгнула за стойку и, смущенно протягивая ему кружку пива, сказала:

— Вот идея, пришедшая мне в голову, Роберт. Мне казалось, что будет гораздо лучше, если ты станешь тратить деньги дома и в то же время иметь все удовольствия и развлечения, которые ты получаешь в городе. Что прикажете, сэр? — продолжала она с милой деловой вежливостью.

Роберт прислонился к стойке и тщетно двинул три или четыре раза носком сапога, пытаясь найти перекладину для ног. Он был до некоторой степени ошеломлен, как всегда, оригинальной идеей своей жены. Затем он взял себя в руки и изобразил на лице мрачное подобие улыбки.

— Мне пива, пожалуйста, — сказал он.

Его жена нацедила пива, положила пятицентовик на полку и, облокотившись о бар, стала непринужденно болтать на темы дня, как это делают все рестораторы.

— Вы должны сегодня много пить, — сказала

она лукаво, — так как сегодня вы мой единственный посетитель.

Настроение у Роберта было подавленное, но он пытался не обнаруживать этого. Если не считать пива — действительно первоклассного, — мало что напоминало ему здесь те места, где он имел обыкновение тратить деньги.

Яркого света, блеска хрусталя, стука игральных костей, смешных анекдотов Брауна, Джонса и Робинзона, оживленного движения и специфически ресторанного колорита — ничего из того, что он находил там, здесь не было. Некоторое время Роберт был задумчив — и вдруг оригинальная идея пришла ему в голову.

Он вытащил из кармана пригоршню мелочи и начал заказывать пиво кружку за кружкой. Леди за стойкой вся так и сияла от успеха своей идеи. Обычно она устраивала целую бучу, если от ее супруга несло по возвращении домой пивом, но теперь, когда прибыль шла ей в руки, она и не думала жаловаться.

Неизвестно, сколько в точности кружек подала она своему мужу, но на полке уже красовалась целая стопка пяти- и десятицентовиков и даже две или три монетки в двадцать пять центов.

Роберт почти уже лежал на стойке, время от

времени выбрасывая ногу, чтобы попасть на перекладину, которой там не было, но говорил очень мало. Его жене следовало бы не допустить до этого, но прибыльность предприятия вскружила ей голову.

Наконец Роберт выговорил чрезвычайно повышенным тоном:

— Ч-черт п-по-одери, г-гоните с-сюда еще п-пару с-склянок и з-запишите их на м-мой с-счет!

Жена посмотрела на него с удивлением.

— Конечно же, я не сделаю этого, Роберт, — сказала она. — Ты должен платить за все, что берешь. Я думала, что ты это понял.

Роберт посмотрел в зеркало так прямо, как только мог, пересчитал отражения и затем гаркнул голосом, который можно было услышать за квартал:

— К-к ч-черту вс-се эт-то, г-гони сюда ш-шесть к-кружек п-пива, д-да п-поставь их на л-лед, С-сюзи, к-красавица моя, или я с-сброшу к ч-черту всю т-твою м-музыку. Га-га!

— Роберт! — сказала его жена тоном, обнаруживающим растущее подозрение. — Ты пил сегодня!

— Эт-то н-наглая лложь! — возразил Роберт, запуская пивной кружкой в зеркало. — Б-был в

к-конторе, п-помогал п-приятелю отправлять к-книги и оп-поздал на т-трамвай. Слушай, С-сюзи, к-красавица, ты д-должна мне две кр-ружки с прош-шлого р-раза. Г-гони их с-сюда, или я с-сброшу к ч-черту всю с-стойку!

Жену Роберта звали Генриеттой. В ответ на последнее замечание она вышла из-за стойки и двинула его в глаз штукой для выжимания лимона. Тогда Роберт пнул стол, перебил половину бутылок, пролил пиво и заговорил языком, не пригодным для печатного издания.

Десять минут спустя жена связала его бельевой веревкой и, мерно нанося ему удары теркой для картофеля, обдумывала в промежутках способ ликвидации своей последней блестящей, оригинальной идеи.

Ее недостаток

То были две хьюстонские барышни, совершающие прогулку на велосипедах. Они встретили третью барышню, не признающую велосипеда, которая катила с молодым человеком в шарабане.

Конечно, они должны сделать какое-нибудь замечание о ней — потому что это рассказ из жизни и потому что они настоящие живые барышни! — и вот одна из них сказала:

— Мне никогда не нравилась эта особа.

— Почему?

— О, она слишком женственна!

Разногласие

— Этот мистер Бергман, оперный антрепренер, — сказал один из хьюстонских граждан, — он поступил со мной несправедливо. Когда я недавно пошел брать билет на оперетту «Паук и муха», я просил его взять с меня полцены, потому что я глух на одно ухо и могу услышать только половину спектакля, а он сказал мне, что я должен заплатить вдвойне, так как мне, чтобы прослушать пьесу, требуется вдвое больше времени, чем кому-либо другому!

Причина беспокойства

Во время гастролей оркестра Суза в Хьюстоне на прошлой неделе профессор Суза был приглашен отобедать у одного из выдающихся жителей города, с которым он встречался раньше на Севере.

Джентльмен этот — хотя он занимал видное положение и имел высокую репутацию — составил свое состояние благодаря чрезвычайной бережливости. Его мелочная экономия была предметом вечных разговоров среди соседей, и один-двое из его знакомых доходили даже до того, что называли его скаредом.

После обеда профессора попросили сыграть на рояле — он владел этим инструментом мастерски, — и Суза сел и сыграл несколько очаровательных бетховенских сонат и других вещиц лучших композиторов.

Во время исполнения прекраснейшего адажио в миноре профессор заметил, что хозяин дома бросает в окно беспокойные взгляды и вообще имеет тревожный и удрученный вид. Вскоре джентльмен из Хьюстона подошел к роялю и тронул профессора за плечо.

— Послушайте, — сказал он, — сыграйте, пожа-

луйста, что-нибудь поживее. Дайте нам джигу или квикстеп — что-нибудь быстрое и веселое!

— Ах, — сказал профессор, — эта печальная музыка, очевидно, действует на вас удручающе?

— Не то, — сказал хозяин. — У меня на заднем дворе человек пилит дрова поденно, и он вот уже полчаса держит темп вашей музыки.

Что это было

Во вторник вечером что-то случилось с электричеством, и в Хьюстоне царил такой же мрак, как в Египте, когда Моисей выключил газ. Они находились в это время на Руск-авеню, сидели на травке в сквере и извлекали все выгоды из создавшегося положения.

Вдруг она сказала:

— Джордж, я знаю, что вы меня любите, и уверена, что ничто на свете не изменит вашего расположения ко мне, но я чувствую все-таки, что что-то есть между нами, и это что-то, хотя я долго колебалась сказать вам, — причиняет мне боль!

— Что именно, драгоценная? — спросил Джордж в агонии ожидания. — Скажите, любимая, что такое находится между вами и мной?

— Мне кажется, Джордж, — нежно вздохнула она, — это ваши часы.

И Джордж ослабил на секунду объятия и переложил свой хронометр из жилетного кармана в задний карман брюк.

Торжественные мысли

Золотой рог молодого месяца висел над городом, и ночь была холодная, но прекрасная, как ночи ранней весны.

Пять или шесть человек сидели перед гостиницей Хутчинса, и они до тех пор придвигали, переговариваясь, свои стулья, что составили наконец тесную группу.

То были люди из разных концов страны, некоторые из городов, отстоявших на тысячи миль отсюда. Судьба побренчала ими, как игральными костями в чашечке, и швырнула в случайной комбинации в гостеприимные ворота города Магнолии.

Они курили и болтали, связанные тем чувством товарищества, которое с особенной силой проявляется в людях, встречающихся в чужом месте далеко от родных очагов.

Они пересказали все анекдоты и поделились случаями из личного опыта, и затем наступило непродолжительное молчание. И пока висевшие в воздухе струйки голубого дыма делались толще, их мысли стали обращаться к прошлому — подобно тому, как скот тянется к вечеру домой, — к

иным сценам и лицам.

Всплыть спешит над волнами заката
Молодого месяца ладья,
И тускнеют, отпылав богато,
Неба беспредельные края, —

процитировал коммивояжер из Нью-Йорка. — А-ха-ха! Хотел бы я быть сейчас у себя дома!

— То же со мной, — сказал маленький человечек из Сент-Луиса. — Я так и вижу, как мои чертенята катаются по полу и выделывают штуки, пока Лаура еще не уложила их спать. Хорошо хоть, что я попаду домой к празднику!

— Я получил нынче письмо из дому, — сказал седобородый филадельфиец, — и мне захотелось к своим. Я не отдам и одного фута корявой мостовой на Спрюс-стрит за все это благорастворение воздухов и рулады пересмешников на Юге. Я двину прямиком к своим квакерам, чтобы попасть как раз к праздничной индейке, и мне все равно, что скажет моя фирма.

— Вы только прислушайтесь к этому оркестру! — вставил толстый джентльмен с сильным немецким акцентом. — Мне почти кажется, что я у себя в Цинциннати, «у берегов Рейна», рядом с очаровательной девчоночкой с шляпной

фабрики. По-моему, вот эти вот дивные ночи и заставляют нас вспоминать про «дом, милый дом»!

— Что тут толковать! — сказал представитель железного и медного товара из Чикаго. — Я хотел бы сидеть сейчас в ресторане француза Петэ за большой бутылкой пива, да порцией кишок, да лимонным пирогом. Я сам нынче вечером что-то обсантименталился!

— Хуже всего то, — сказал человек в золотом пенсне и зеленом галстуке, — что наших близких отделяет от нас много длинных и унылых миль и что мы ничего не знаем о тех преградах, которые, в виде бурь, наводнений, крушений, предстоят нам на пути. Если б можно было хоть на пять минут уничтожить время и пространство, многие из нас могли бы прижать сейчас к сердцу тех, кого они любят. Я тоже — муж и отец.

— Этот ветерок, — сказал человек из Нью-Йорка, — в точности такой же, как те, что дули над старой фермой в графстве Монтгомери, и все эти «сад, и луг, и сумрак бора» и прочее так и вертятся у меня в памяти нынче вечером.

— Многие ли из нас, — сказал человек в золотом пенсне, — отдают себе отчет в том, сколько волчьих ям рок вырыл на нашем пути? Самый ничтожный случай может перервать нить,

привязывающую нас к жизни. Сегодня — здесь, завтра — навсегда ушел из этого мира…

— Более чем верно! — сказал человек из Филадельфии, вытирая стекла очков.

— …и покинул тех, кого любил! — закончил тот. — Привязанности, длившиеся всю жизнь, любовь самых крепких сердец обрывались в мгновение ока! Объятия, которые удержали бы вас, размыкаются, и вы уходите в печальный, неизвестный, иной мир, оставляя за собой израненные сердца, чтобы неутешно оплакивать вас. Жизнь кажется сплошной трагедией!

— Черт подери, если вы не попали в самую точку! — сказал вояжер из Чикаго. — Наши чувства хуже, чем свиньи на бойне: бац — и нету! Лопнули!

Остальные с неудовольствием покосились на вояжера из Чикаго, потому что человек в золотом пенсне собирался продолжать.

— Мы утверждаем, — заговорил тот снова, — что любовь живет вечно, и однако, когда мы исчезаем, наши места занимают другие, а раны, причиненные нашей смертью, заживают. Тем не менее у смерти есть еще одно жало, которое наиболее умные из нас могут обезвредить. Есть возможность уменьшить удар, наносимый смер-

тью, умалить победу разверстой могилы. Когда мы узнаём, что наши часы сочтены, и когда дыхание слабеет и делается реже, и когда начинает проникать в уши, тронутые смертью, трепетанье райских крыл, в очи, тронутые смертью, блеск раскрывшихся светил, — есть сладкое утешение в сознании, что те, кого мы оставляем в этом мире, защищены от нужды. Джентльмены! Мы все — далеко от своих очагов, и вы знаете опасности путешествий. Я представитель лучшей в мире страховой компании от несчастных случаев, и я хочу занести в ее списки каждого из вас. Я предлагаю вам на случай смерти, потери трудоспособности, утраты пальца на ноге или руке, нервного потрясения, острого заболевания…

Но человек в золотом пенсне обращался к пяти пустым стульям, и луна с саркастической усмешкой скользнула за черный контур здания.

Сомнение

Они жили в чистеньком маленьком домике на Прэри-авеню и были женаты около года. Она была молода и сентиментальна, а он был клерком на жалованье в пятьдесят долларов в месяц. Она сидела, качая колыбель и не отрывая глаз от чего-то завернутого в розовое и белое, что крепко спало, а он читал газету.

— Чарли, — вдруг сказала она, — ты должен подумать о необходимости начать экономить и откладывать понемногу каждый месяц на будущее. Ты должен понять, что следует позаботиться о прибавлении к нашему дому, которое принесет с собой радость и удовольствие и зазвенит веселой музыкой у нашего очага. Ты должен приготовиться к обязательствам, которые падут на тебя, и помнить, что не о нас одних придется подумать. И в то время, как наши пальцы будут прикасаться к струнам, из которых по желанию могут быть извлечены чудные мелодии или диссонансы, и в то время, как звуки будут расти выше и громче, мы должны не забывать о долге, нами на себя принятом. Ты представляешь всю ответственность?

Чарли сказал:

— Да.

А потом пошел в сарайчик для дров, бормоча себе под нос:

— Интересно: она болтала о младенце или имеет в виду купить фортепиано в рассрочку?

Удостоверение личности

Незнакомый человек вошел на днях в хьюстонский банк и предъявил кассиру к оплате именной чек.

— Кто-нибудь должен удостоверить, — сказал кассир, — что ваше имя действительно Генри Б. Саундерс.

— Но я никого в Хьюстоне не знаю, — сказал незнакомец. — Вот целая пачка писем, ко мне адресованных, и телеграмма от моей фирмы, и мои визитные карточки. Разве они не могут служить достаточным доказательством?

— Сожалею, — сказал кассир, — но хотя я нисколько не сомневаюсь, что вы именно нужное лицо, однако наши правила требуют лучших доказательств.

Человек расстегнул жилет и показал инициалы «Г. Б.С.» на сорочке.

— Это сойдет? — спросил он.

Кассир покачал головой.

— У вас могут быть письма Генри Б. Саундерса, и его бумаги, и даже его сорочка, и все-таки вы можете не быть им. Нам приходится проявлять максимальную осторожность.

Незнакомец распахнул сорочку и показал огромный горчичник, покрывающий почти всю его грудь.

— Вот, — вскричал он, — если бы я не был Генри Б. Саундерсом, я, по-вашему, носил бы по всему телу его горчичники? По-вашему, я согласился бы покрывать себя всего волдырями, чтобы изображать какое-либо лицо? Гоните сюда монету, мне некогда валять дольше дурака!

Кассир поколебался, но потом выложил деньги. Когда незнакомец ушел, чиновник мягко потер себе подбородок и пробормотал:

— Эти горчичники могли быть, в конце концов, и чужими, но, без всякого сомнения, все в порядке. Он — он.

Яблоко

Юноша держал в руке круглое, румяное, до приторности сладкое яблоко.

— Съешь его, — сказал Дух. — Это — яблоко Жизни.

— Я не хочу его, — сказал юноша и отбросил яблоко далеко от себя. — Я хочу успеха. Я хочу славы, богатства, власти и знания.

— Тогда идем, — сказал Дух.

Они пошли рука об руку по крутым каменистым тропинкам. Солнце жгло, мочил дождь, окутывали горные туманы, и снег падал, такой прекрасный и предательски мягкий, скрывая тропу, по которой они карабкались вверх. Быстро летело время, и золотые кудри юноши приняли белую окраску снега. Его стан согнулся от вечного карабканья вверх, рука его ослабела, и голос стал высоким и дрожащим.

Дух не изменился, и на его лице была непроницаемая улыбка мудрости.

Они достигли наконец высочайшей вершины. Старик, который некогда был юношей, сказал, обращаясь к Духу:

— Дай мне яблоко Успеха. Я взошел на верши-

ны, на которых оно растет, и оно принадлежит мне. Но поторопись, потому что странная мгла заволакивает мои глаза.

Дух протянул ему яблоко — круглое, румяное, прекрасное на вид. Старик откусил от него и увидел, что оно сгнило внутри и обратилось в пыль.

— Что это? — спросил он.

— Это было когда-то яблоком Жизни, — сказал Дух. — Теперь это яблоко Успеха.

Откуда это пошло

— Вы бы лучше подвинули кресло немного назад, — сказал старожил. — Я видел, как один из Джудкинсов только что вошел в редакцию газеты с ружьем в руке, и возможно, что будет маленькая перестрелка.

Репортер, собиравший в это время в городе кое-какие сведения для большого издания, быстро укрылся вместе со своим креслом за колонной и спросил о причинах такого возбуждения страстей.

— Это старая война, длящаяся уже несколько лет, — сказал старожил, — между редактором и семейством Джудкинс. Приблизительно раз в два месяца они палят друг в дружку. Нет человека в окрестности, который не знал бы этой истории. Вот откуда это пошло. Джудкинсы живут в другом городе, и однажды хорошенькая барышня из их семейства приехала сюда погостить у некой миссис Браун. Миссис Браун дала бал — как в самом высшем свете! — чтобы показать свою гостью молодым людям города. Один из них влюбился в барышню и послал маленькое стихотвореньице в нашу газету «Наблюдатель». Вот как оно

читалось:

ПОСВЯЩЕНИЕ МИСС ДЖУДКИНС
(Гостящей у миссис Т. Монткальм Браун)

В ту ночь ты на себе имела
Манто на царственных плечах,
Лишь розу, воткнутую смело,
Являя в черных волосах.
Вся – воплощение экстаза,
В румянце робкого стыда
Под яркими лучами газа
Стояла в зале ты тогда!

Это-то стихотвореньице и послужило поводом к войне!

— Не вижу ничего плохого в этом стихотворении, — сказал репортер. — Оно довольно коряво, но не содержит в себе ничего оскорбительного!

— Ну, — сказал старожил, — само по себе стихотвореньице в том виде, как его написал автор, было в полном порядке. Беда началась в редакции. После того как его получили, первой, кому оно попалось на глаза, была заведующая отделом «В городе и в свете». Это старая дева, и она нашла «царственные плечи» нескромностью и

вычеркнула всю вторую строку, затем заведующий объявлениями перенюхал, по обыкновению, всю корреспонденцию, полученную на имя редактора, и увидел это стихотвореньице. В номере должно было как раз идти объявление о том, что каждая дама может легко и навсегда стать блондинкой, и он нашел, что одобрительный отзыв о шевелюре иного цвета едва ли уместен. И он выбросил четвертую строку.

Затем заявилась жена редактора, чтобы проверить, нет ли среди его писем квадратных надушенных конвертов, и пробежала стихотворение. Она сама была на балу у миссис Браун, и когда она прочла строку, где мисс Джудкинс определялась как «вся — воплощение экстаза», то вздернула нос и выцарапала строку прочь.

Наконец взял стихотворение в руки сам редактор. Он лично заинтересован в нашей новой электрической сети, и его синий карандаш быстро вцепился в строку: «Под яркими лучами газа». Позже зашел человек из типографии, схватил груду материала, в том числе и это стихотвореньице. Вы знаете, на что способна типография, если только ей представится случай, так что вот в каком виде стихотворение появилось в газете:

ПОСВЯЩЕНИЕ МИСС ДЖУДКИНС

(Гостящей у миссис Т. Монткальм Браун)

В ту ночь ты на себе имела
Лишь розу, воткнутую смело,
В румянце робкого стыда
Стояла в зале ты тогда.

— Ну и, — закончил старожил, — Джудкинсы взбесились!

Красноречие Реда Конлина

Они говорили о силе убеждения великих ораторов, и каждый имел что сказать в защиту своего фаворита.

Вояжер готов был выставить мировым чемпионом в ораторском искусстве Бурка Кокрэна, молодой адвокат полагал самым убедительным говоруном сладкого Ингерсолла, а страховой агент поддерживал кандидатуру магнетического В. К. П. Брекенбриджа.

— Они все болтают немного, — сказал старый скотопромышленник, пыхтевший своей трубкой и прислушивавшийся к разговору, — но ни один из них и в подметки не годится Реду Конлину, который орудовал скотом под Сэнтоном в восьмидесятом. Знали когда-нибудь Реда?

Никто из присутствующих не имел этой чести.

— Ред Конлин был прирожденный оратор. Он не был перегружен науками, но слова из него текли так же легко и свободно, как виски из полного бочонка через новый кран. Он был вечно в прекрасном настроении, улыбался до ушей, и если просил передать ему хлеба, так делал это, как будто защищал свою жизнь. Он был-таки

человеком с даром речи, и этот дар никогда не изменял ему.

Помню, одно время в округе Атаскоза на нас здорово наседали конокрады. Их была целая шайка, и они угоняли по жеребцу почти каждую неделю. Несколько человек собрались вместе, составили компанию и решили покончить с этим. Главарем шайки был парень по имени Мулленс — и кряжистый же пес он был! Готовый драться — и при этом когда угодно.

Двадцать человек из нас оседлали коней и стали лагерем, нагруженные шестизарядниками и винчестерами. У этого Мулленса хватило дерзости попытаться угнать наших верховых коней в первую же ночь, но мы услыхали, вскочили в седла и бросились по горячему следу. Вместе с Мулленсом было еще человек пять-шесть.

Ночь была — зги не видать, и скоро мы настигли одного из них. Лошадь под ним была хромая, — и мы узнали в нем Мулленса по огромной белой шляпе и черной бороде. Мы до такой степени были обозлены, что не дали ему сказать ни слова, и через две минуты у него на шее была веревка, и вот уже Мулленс вздернут, наконец! Мы подождали минут десять, пока он перестал дрыгать ногами, и тогда один парень зажигает из

любопытства спичку и вдруг ка-ак взвизгнет:

— Боже праведный, ребята, мы повесили не того, кого надо!

И так оно и было.

Мы отменили приговор, и провели процесс еще раз, и оправдали его — но это уже не могло ему помочь. Он был мертв, как Дэви Крокет.

То был Сэнди Мак-Нэй, один из спокойнейших, честнейших и самых уважаемых людей в округе, и — что всего хуже — он всего три месяца, как женился.

— Что нам теперь делать? — говорю я, и действительно тут было над чем подумать.

— Мы, должно быть, где-нибудь поблизости от дома Сэнди, — говорит один из парней, пробуя вглядеться во тьму и вроде как определить место нашего блестящего — как это принято говорить — куп-детата.

В эту минуту мы видим освещенный четырехугольник открывшейся двери, и оказывается, что дом всего в двухстах ярдах, и женщина, в которой мы не могли не узнать жену Сэнди, стоит на пороге и высматривает его.

— Кто-нибудь должен пойти и сказать ей, — говорю я. Я вроде как был предводителем. — Кто это сделает?

Ни один не спешил отозваться.

— Ред Конлин, — говорю я, — ты этот человек. Ты единственный из всех, кто сможет раскрыть рот перед несчастной женщиной. Иди, как подобает мужчине, и пусть Господь научит тебя, что сказать, потому что будь я проклят, если я могу.

Малый ни одной минуты не колебался. Я видел в темноте, что он вроде как плюнул на руку и пригладил назад свои рыжие кудри, и я подметил, как блеснули его зубы, когда он сказал:

— Я пойду, ребята. Подождите меня.

Он ушел, и мы видели, как дверь открылась и закрылась за ним.

— Да поможет Бог несчастной вдове, — говорили мы друг дружке, — и черт побери всех нас — слепых кровожадных мясников, которые не имеют даже права называть себя людьми!

Прошло, должно быть, минут пятнадцать, прежде чем Ред вернулся.

— Ну как? — прошептали мы, почти боясь, что он заговорит.

— Все улажено, — сказал Ред, — вдова и я просим вас на свадьбу в следующий вторник вечером.

Этот Ред Конлин умел-таки говорить!

Почему он колебался

Человек с усталым, исхудавшим лицом, которое ясно обнаруживало следы глубокого горя и страданий, взбежал в волнении по лестнице, ведшей в редакцию «Техасской почты».

Редактор литературного отдела сидел один у себя в углу, и посетитель бросился в кресло рядом и заговорил:

— Извините, сэр, что я навязываю вам свое горе, но я должен раскрыть душу перед кем-нибудь. Я несчастнейший из людей. Два месяца тому назад в маленьком тихом городке Восточного Техаса жила в мире и довольстве одна семья. Хезекия Скиннер был главой этой семьи, и он почти боготворил свою жену, которая, по-видимому, платила ему тем же. Увы, сэр, она обманывала его. Ее уверения в любви были лишь позлащенной ложью с целью запутать и ослепить его. Она влюбилась в Уильяма Вагстафа, соседа, который вероломно задумал пленить ее. Она вняла мольбам Вагстафа и сбежала с ним, оставив своего мужа с разбитым сердцем у разрушенного очага. Чувствуете ли вы ужас всего этого, сэр?

— Помилуйте, еще бы! — сказал редактор. — Я

ясно представляю себе агонию, горе, глубокие страдания, которые вы должны были испытывать!

— Целых два месяца, — продолжал посетитель, — дом Хезекии Скиннера пустовал, а эта женщина и Вагстаф метались, спасаясь от его гнева.

— Что вы намерены делать? — спросил круто литературный редактор.

— Я совершенно теряюсь. Я не люблю больше этой женщины, но я не могу избежать мучений, которым я подвергаюсь все больше день ото дня.

В эту минуту в соседней комнате раздался резкий женский голос, о чем-то спрашивающий редакционного мальчика.

— Боже правый, ее голос! — вскричал посетитель, в волнении вскакивая на ноги. — Я должен скрыться куда-нибудь. Скорее! Разве нет выхода отсюда? Через окно, через боковую дверь, через что угодно, пока она еще не нашла меня.

Литературный редактор встал с негодованием на лице.

— Стыдитесь, сэр, — сказал он. — Не играйте такой недостойной вас роли. Встретьте лицом к лицу вашу неверную жену, мистер Скиннер, и обвините ее в разрушении вашего дома и вашей

жизни. Почему вы колеблетесь встать на защиту своих прав и чести?

— Вы меня не поняли, — сказал посетитель, вылезая, с бледным от страха лицом, через окно на крышу прилегающего сарайчика. — Я — Уильям Вагстаф.

Изумительное

Мы знаем человека, который является, пожалуй, самым остроумным из всех мыслителей, когда-либо рождавшихся в нашей стране. Его способ логически разрешать задачу почти граничит с вдохновением.

Как-то на прошлой неделе жена просила его сделать кое-какие покупки и, ввиду того, что при всей мощности логического мышления он довольно-таки забывчив на житейские мелочи, завязала ему на платке узелок. Часов около девяти вечера, спеша домой, он случайно вынул платок, заметил узелок и остановился как вкопанный. Он — хоть убейте! — не мог вспомнить, с какой целью завязан этот узел.

— Посмотрим, — сказал он. — Узелок был сделан для того, чтобы я не забыл. Стало быть, он — незабудка. Незабудка — цветок. Ага! Есть! Я должен купить цветов для гостиной.

Могучий интеллект сделал свое дело.

Призыв незнакомца

Он был высок, угловат, с острыми серыми глазами и торжественно-серьезным лицом. Темное пальто на нем было застегнуто на все пуговицы и имело в своем покрое что-то священническое. Его грязно-рыжеватые брюки болтались, не закрывая даже верхушек башмаков, но зато его высокая шляпа была чрезвычайно внушительна, и вообще можно было подумать, что это деревенский проповедник на воскресной прогулке.

Он правил, сидя в небольшой тележке, и, когда поравнялся с группой в пять-шесть человек, расположившейся на крыльце почтовой конторы маленького техасского городка, остановил лошадь и вылез.

— Друзья мои, — сказал он, — у вас всех вид интеллигентных людей, и я считаю своим долгом сказать несколько слов касательно ужасного и позорного положения вещей, которое наблюдается в этой части страны. Я имею в виду кошмарное варварство, проявившееся недавно в некоторых из самых культурных городов Техаса, когда человеческие существа, созданные по образу и подобию Творца, были подвергнуты жестокой

пытке, а затем зверски сожжены заживо на самых людных улицах. Что-нибудь нужно предпринять, чтобы стереть это пятно с чистого имени вашего штата. Разве вы не согласны со мной?

— Вы из Гальвестона, незнакомец? — спросил один из людей.

— Нет, сэр. Я из Массачусетса, колыбели свободы несчастных негров и питомника их пламеннейших защитников. Эти костры из людей заставляют нас плакать кровавыми слезами, и я здесь для того, чтобы попытаться пробудить в ваших сердцах сострадание к чернокожим братьям.

— Полагаю, вы можете смело ехать дальше, — сказал один из группы. — У нас на этот счет свой взгляд на вещи, и до тех пор, пока негры будут совершать свои гнусные преступления, мы будем их наказывать.

— И вы не будете раскаиваться в том, что призвали огонь для мучительного отправления правосудия?

— Нисколько.

— И вы будете продолжать подвергать негров ужасной смерти на кострах?

— Если обстоятельства заставят.

— В таком случае, джентльмены, раз ваша ре-

шимость непоколебима, я хочу предложить вам несколько гроссов спичек, дешевле которых вам еще не приходилось встречать. Взгляните и убедитесь. Полная гарантия. Не гаснут ни при каком ветре и воспламеняются обо все что угодно: дерево, кирпич, стекло, чугун, железо и подметки. Сколько ящиков прикажете, джентльмены?

Роман полковника

Они сидели у камина с трубками. Их мысли стали обращаться к далекому прошлому.

Разговор коснулся мест, где они провели свою юность, и перемен, которые принесли с собой промелькнувшие годы. Все они уже давно жили в Хьюстоне, но только один из них был уроженцем Техаса.

Полковник явился из Алабамы, судья родился на болотистых берегах Миссисипи, бакалейный торговец увидел впервые божий свет в замерзшем Мэйне, а мэр гордо заявлял, что его родина — Теннесси.

— Кто-нибудь из вас, ребята, ездил на побывку домой, с тех пор как вы поселились здесь? — спросил полковник.

Оказалось, что судья побывал дома дважды за двадцать лет, мэр — один раз, бакалейщик — ни разу.

— Это забавное ощущение, — сказал полковник, — посетить места, где вы выросли, после пятнадцатилетнего отсутствия. Увидеть людей, которых вы столько времени не видели, все равно что увидеть привидения. Что касается меня,

то я побывал в Кросстри, в Алабаме, ровно через пятнадцать лет со дня своего отъезда оттуда. Я никогда не забуду впечатления, которое на меня произвел этот визит.

В Кросстри жила некогда девушка, которую я любил больше, чем кого-либо на свете. В один прекрасный день я ускользнул от приятелей и направился в рощу, где когда-то часто гулял с ней. Я прошел по тропинкам, по которым ступали наши ноги. Дубы по обеим сторонам почти не изменились. Голубенькие цветочки могли быть теми же самыми, которые она вплетала себе в волосы, выходя ко мне навстречу.

Особенно мы любили гулять вдоль ряда густых лавров, за которыми журчал крохотный ручеек. Все было точно таким же. Никакая перемена не терзала мне сердца. Надо мной высились те же огромные сикоморы и тополя; бежала та же речушка; мои ноги ступали по той же тропе, по которой мы часто гуляли с ней. Похоже было, что, если я подожду, она обязательно придет, легко ступая во мраке, со своими глазами-звездами и каштановыми кудрями, такая же любящая, как и прежде. Мне казалось тогда, что ничто не могло бы нас разлучить — никакое сомнение, никакое непонимание, никакая ложь. Но — кто может

знать?

Я дошел до конца тропинки. Там стояло большое дуплистое дерево, в котором мы оставляли записки друг другу. Сколько сладких вещей могло бы рассказать это дерево, если б только оно умело! Я считал, что после щелчков и ударов жизни мое сердце огрубело — но оказалось, что это не так.

Я заглянул в дупло дерева и увидел что-то белевшее в глубине его. То был сложенный листок бумаги, желтый и запыленный от времени. Я развернул и с трудом прочел его.

«Любимый мой Ричард! Ты знаешь, что я выйду за тебя замуж, если ты хочешь этого. Приходи пораньше сегодня вечером, и я дам тебе ответ лучше, чем в письме.

Твоя собственная Нелли».

Джентльмены, я стоял там, держа в руке этот маленький клочок бумаги, как во сне. Я писал ей, прося стать моей женой, и предлагал положить ответ в дупло старого дерева. Она, очевидно, так и сделала, но я не нашел его в темноте, и вот все эти годы промчались с тех пор над этим деревом и этим листком…

Слушатели молчали. Мэр вытер глаза, а судья забавно хрюкнул. Они были пожилыми людьми

теперь, но и они знали любовь в молодости.

— Вот тогда-то, — сказал бакалейный торговец, — вы и отправились в Техас и никогда больше не встречались с ней?

— Нет, — сказал полковник, — когда я не пришел к ним в ту ночь, она послала ко мне отца, и через два месяца мы поженились. Она и пятеро ребят сейчас у меня дома. Передайте табак, пожалуйста.

На волосок от смерти

Кроткого вида человек с одним глазом и робкой виляющей походкой вошел в один из хьюстонских баров в то время, когда там никого не было, кроме владельца, и сказал:

— Прошу прощения, сэр, не позволите ли вы мне зайти на одну секунду за стойку? Вы можете не спускать с меня глаз. Я хочу взглянуть на одну вещь там.

Содержателю бара делать было нечего, и он из любопытства удовлетворил просьбу посетителя.

Кроткого вида человек зашел за стойку и подошел к одной из полок.

— Не будете ли вы любезны снять на минутку эту бутылку с вином и стаканы?

Владелец сделал это и обнаружил расщепленную часть задней доски и в ней маленькую дырку, довольно глубоко идущую внутрь.

— Спасибо, больше ничего, — сказал кроткий человек, выходя из-за стойки.

Он в раздумье прислонился к ней и сказал:

— Я прострелил эту дырку в полке девять лет тому назад. Я пришел сюда со страшной жаждой и без единого цента в кармане. Хозяин отказал

мне в выпивке, и я начал палить. Эта пуля пробила ему ухо и пять бутылок шампанского, прежде чем попасть в полку. Я так громко гаркнул после этого, что двое людей сломали себе руки, пытаясь выбраться за дверь, а хозяин так дрожал, когда смешивал для меня виски с содовой, что можно было подумать, что он наливает лекарство, которое надо взбалтывать перед употреблением.

— Да? — сказал владелец.

— Да, сэр, мне сегодня что-то не по себе, а такое самочувствие всегда делает меня резким и вспыльчивым. Немного джина и английской горькой хорошо помогает в этих случаях. Раз шесть, помнится, я выпалил в тот день, про который я вам рассказываю. Виски без всяких примесей вполне годится, если нет джина.

— Если бы у меня была липкая бумага для мух, — сказал владелец бара нежным голосом, — я бы посадил вас на нее и повесил в заднем окне. Но она у меня вся вышла, и, следовательно, я вынужден принять более крутые меры. Я завяжу узел на конце этого полотенца, потом сосчитаю до десяти и только после этого выйду из-за стойки. Таким образом, у вас будет достаточно времени, чтобы начать пальбу, да смотрите не забудьте гаркнуть так, как вы тогда гаркнули!

— Обождите минутку, — сказал кроткого вида человек. — Я припоминаю, что доктор запретил мне употреблять горячительные напитки в течение шести недель. Но все одно — вы были на волосок от смерти. Я, пожалуй, дойду до ближайшего аптекарского магазина и упаду в припадке на тротуар. Это даст немного мятной эссенции и ароматической настойки, во всяком случае.

Хватит на год

Он был одним из богатейших граждан города, но он не любил тыкать в глаза своим богатством. Маленькая, худенькая, плохо одетая девочка стояла, глядя в окно магазина, где было выставлено столько вкусных вещей.

— Как тебя зовут, крошка? — спросил он.

— Сюзи Томпкинс, сэр, — отвечала она, взглядывая на него большими преследующими голубыми глазами.

В ее невинном, умоляющем голоске было что-то пробудившее в сердце старого миллионера странное чувство. Впрочем, это мог быть результат несварения желудка.

— У тебя есть отец? — спросил он.

— Ах, нет, сэр, только я одна поддерживаю свою маму.

— Разве твоя мать так бедна?

— О да, сэр.

— Как зовут твою мать?

— Сюзанной, сэр. Как и меня.

— Скажи мне, дитя, — сказал богач, хватая ее руку в агонии напряжения, — у твоей матери бородавка на носу и от нее вечно пахнет луком?

— Да, сэр.

Миллионер на мгновение закрыл руками лицо и затем сказал дрожащим голосом:

— Дитя мое, твоя мать и я некогда знали друг друга. У тебя ее голос, ее волосы и ее глаза. Если бы не недоразумение, то, может быть… Впрочем, это уже все прошло и не вернется!

Человек расстегнул пальто и вынул из кармана пиджака сверток.

— Возьми это, — сказал он. — У меня их больше, чем нужно. Тебе и твоей матери этого хватит на год.

Маленькая девочка схватила сверток и радостно побежала домой.

— Посмотри, мама! — вскричала она. — Мне дал это один джентльмен. Он сказал, что этого нам хватит на целый год.

Бледная женщина вскрыла сверток дрожащими руками.

То был прелестный новый отрывной календарь.

Легкая смесь

Некий хьюстонский житель, любитель рысистого спорта, женился несколько месяцев тому назад. Он является также гордым собственником прелестной кобылы-двухлетки, которая сделала 51,2 стадия в 1,09 минуты и от которой он ждет еще большей резвости в следующем сезоне. Он назвал кобылу по имени своей жены, и обе они дороги его сердцу. Представитель «Техасской почты», завернувший к нему вчера, нашел его очень разговорчивым.

— Да, — сказал он, — я счастливейший человек в Техасе. Бесси и я живем теперь своим домком и устраиваемся довольно недурно. Эта моя кобылка еще покажет чудеса! Бесси так же интересуется ею, как и я. Вы знаете, я назвал ее как жену. Она чистокровка. Говорю вам, глаза радуются, когда видишь, как Бесси трусит ко мне навстречу…

— Вы имеете в виду кобылу?

— Нет, жену. Она собирается держать пари на двенадцать дюжин лайковых перчаток на Бесси следующий раз. У меня только одно возражение против нее. Она держит голову набок, и заплетает ноги на ходу, и вечно рвет чулки.

— Ваша ж… жена?

— Нет, что с вами такое? Кобыла. Мне очень приятно, когда мои друзья справляются о Бесси. Она делается всеобщей любимицей. Мне такого труда стоило добыть ее. Я готов окружить ее царственным уходом…

— Вашу кобылу?

— Нет, жену. Мы с Бесси отправились на днях проездить кобылу. Бесси — очарование. У нее одно плечо чуть-чуть выше другого и небольшое затвердение в одной из ног, но зато как развита грудь! А что вы скажете о ее заде?

— Я… я… я, право, не имел чести встречаться с вашей супругой, но я не сомневаюсь…

— О чем вы толкуете? Я имею в виду кобылу. Бега состоятся как раз в годовщину нашей свадьбы. Это будет целое празднество! Вы знаете, мы ровно год как женаты. Я считаю, что Бесси скоро покажет себя! Мы ждем одного новенького, которым мы все заранее очень интересуемся. Вы, право же, должны завернуть и присутствовать при этом событии!

— Я… я… право, это будет неделикатно… вы должны извинить меня! Я ни при чем таком ни разу не присутствовал. Я… я…

— О, бега — это такое невинное зрелище! Пре-

красный вид спорта! Ну, пока. Мне нужно выйти и проветрить Бесси немного.

Верный способ

Редактор сидел в своем роскошно меблированном святилище, склонившись над грудой рукописей и опираясь на руку высоким челом. До сдачи полос в машину оставалось не более часа, а надо еще было написать передовую по вопросу о революции в Венесуэле.

Бледный, одухотворенный юноша приблизился, держа в руке свернутую в трубку рукопись, перевязанную розовой ленточкой.

— Вот небольшая вещица, — сказал юноша, — которую я набросал в минуты досуга.

Редактор развернул рукопись и взглянул на бесконечные строчки стихов. Затем он вынул из кармана бумажку в двадцать долларов и протянул ее поэту. Послышался глухой стук падения, и в ответ на звонок редактора вбежали курьеры и вынесли из кабинета безжизненное тело поэта.

— Третий за сегодня, — пробормотал великий публицист, кладя обратно в карман кредитный билет. — Действует лучше пули и дубины, и следователь всегда выносит приговор: смерть от разрыва сердца.

Из сборника «Еще раз О. Генри» /1939/

Субботний вечер Симмонса[9]

Как деревенский простак осматривал достопримечательности Хьюстона

Однажды в ясный субботний вечер на станции Хьюстон с поезда, прибывшего в 21.10, сошел молодой человек и, остановившись, стал весьма растерянно оглядываться по сторонам. Вид у него был идиллический, точь-в-точь молодой поселянин, как их изображают на сцене наши прославленные актеры. На нем был длинный черный сюртук того знаменитого покроя, который увековечил имя покойного принца Альберта, — такие сюртуки можно увидеть в деревенской церкви по воскресеньям, — клетчатые панталоны, несколько коротковатые для его длинных ног, и завязанный изумительным бантом ярко-пунцовый с зеленым горошком шарф. Он был гладко выбрит, и на лице его было написано глубокое изумление, почти граничащее с испугом, когда он озирался по сторонам, тараща свои голубые глаза. Он держал в руках большой саквояж до-

[9] Примечания: 9

© Перевод. М. Богословская, наследники, 2011.

потопного вида из какого-то блестящего черного материала, похожего на клеенку.

Описанный нами молодой джентльмен с судорожной поспешностью вскочил в трамвай, направлявшийся, как ему сказали, в центр города, уселся, положил к себе на колени свой саквояж и обхватил его обеими руками, словно опасаясь сидящих с ним рядом пассажиров.

Когда трамвай тронулся с громким лязгом, разбрасывая снопы искр, он с таким испуганным видом ухватился за ручку сиденья, что кондуктор невольно улыбнулся.

Когда с него спросили плату за проезд, он открыл свой саквояж, вытащил кучу носков и носовых платков и, порывшись на дне, извлек старомодный бисерный кошель, вынул из него пятицентовую монету и протянул кондуктору.

Как только трамвай выехал на Мэйн-стрит, молодой человек попросил сделать остановку и слез. Он медленно пошел по тротуару, останавливаясь в благоговейном восхищении перед витринами ювелирных магазинов, и высокие голенища его сапог и неуклюжая заплетающаяся походка доставляли немалое удовольствие прохожим.

Но вот какой-то изящно одетый джентльмен

в прекрасном светлом пальто, проходя мимо, случайно задел своей пальмовой тростью с золотым набалдашником простоватого молодого человека.

— Тысячу извинений, — сказал изящно одетый джентльмен.

— Пустяки, дружище, — ответил, дружески улыбаясь, молодой человек. — Меня от этого не убудет. Техасскому ковбою такие мелочи нипочем. Можете не беспокоиться.

Изящно одетый джентльмен поклонился и, не торопясь, пошел своей дорогой. Молодой человек зашагал дальше по Мэйн-стрит, дошел до угла, постоял, наугад повернул направо и прошел еще квартал. Тут он увидел перед собой освещенные часы на рыночной башне и, остановившись, вытащил из жилетного кармана громадные серебряные часы, размером по меньшей мере с блюдечко, завел их и поставил стрелки по башенным часам. Пока он был поглощен этим занятием, изящно одетый джентльмен с пальмовой тростью, украшенной золотым набалдашником, незаметно проскользнул мимо, прошел несколько шагов по теневой стороне улицы и остановился неподалеку в тени, словно поджидая кого-то.

Спустя четверть часа молодой человек вошел в ресторан на Конгресс-стрит и робко присел к столику. Он пододвинул вплотную к своему столу другой стул и бережно положил на него свой саквояж. Минут через пять вошел торопливым шагом изящно одетый джентльмен с пальмовой тростью, украшенной золотым набалдашником, и, повесив свой цилиндр, уселся, едва переводя дух, за тот же столик. Взглянув напротив и узнав молодого человека, которого он видел перед витриной ювелира, он приветливо улыбнулся и сказал:

— А, мы опять встречаемся, сэр. Я сейчас сломя голову летел на поезд. Я, видите ли, кассир Акционерного общества Южной Тихоокеанской железной дороги и сейчас объезжаю участки и выплачиваю жалованье железнодорожным рабочим. И, представьте себе, опоздал на поезд на три минуты. Ужасно неприятно, подумайте, у меня при себе около двух тысяч долларов, и я тут первый раз и ни души не знаю в этом Хьюстоне.

— И не говорите, полковник, — сказал молодой человек, — я сам попал в такой переплет. Сейчас вот возвращаюсь из Канзас-Сити, продал там гурт двухлеток, а деньги не успел еще никуда пристроить. Но насчет суммы вы меня обскакали.

У меня всего девятьсот.

Изящно одетый джентльмен вытащил из кармана толстую пачку банкнот, отделил одну бумажку, чтобы заплатить за ужин, и бережно запрятал остальное во внутренний карман своего пиджака.

— Действительно, мы с вами как будто в одинаковом положении. Ужасно неприятно — таскать при себе такую кучу денег, а ведь еще целая ночь впереди. Давайте мы с вами организуем общество взаимной охраны, а пока что пойдем прогуляемся, посмотрим, что тут можно увидеть в этом городе.

Сначала молодой человек отнесся к этому предложению довольно подозрительно и сразу стал холоднее и сдержаннее. Но мало-помалу он оттаял под действием искренней и непритворной любезности изящно одетого джентльмена, а когда этот последний настоял на том, чтобы заплатить за оба ужина, то сомнения молодого человека, по-видимому, совершенно улетучились и он сделался не только доверчивым, но даже болтливым. Он рассказал изящно одетому джентльмену, что его зовут Симмонс, что у него недурное маленькое ранчо в графстве Энсинал и что он в первый раз выбрался из Техаса. Изящно

одетый джентльмен сообщил в свою очередь, что его фамилия Клэнси, что друзья зовут его Капитаном, что живет он в Далласе и состоит членом Христианского союза молодых людей. Он протянул мистеру Симмонсу визитную карточку, где было напечатано: «Капитан Ричард Сэксон Клэнси», а внизу наспех нацарапано карандашом: «агент Акционерного общества Ю. Т. ж. д.».

— А теперь, — сказал мистер Симмонс, когда они кончили ужинать, — я хоть и стесняюсь предложить вам, потому как мы с вами мало знакомы, но я за то, чтобы выпить кружку пива. Если вам это дело не подходит, ну что ж, извините и не обижайтесь.

Капитан Клэнси снисходительно улыбнулся.

— Берегитесь, — сказал он шутливо. — Не забывайте, что нам с вами нужно смотреть в оба сегодня ночью. Я отвечаю перед Акционерным обществом за вверенные мне деньги, а кроме того, я вообще-то редко притрагиваюсь к пиву, но, я думаю, от одного стаканчика вреда не будет.

Мистер Симмонс открыл свой саквояж и, порывшись, извлек бисерный кошель, из которого он вытащил десятицентовую монету и предложил немедленно пустить ее в оборот. Капитан Клэнси припомнил, что он слышал от кого-то из

приятелей, что здесь где-то есть тихий приличный бар — «вот только не знаю, на какой же это улице?».

После некоторых блужданий и поисков они подошли к зданию с вертящимися входными дверями, перед которым снаружи висел фонарь, и капитан сказал, что, вероятно, здесь можно выпить пива. Они вошли и очутились перед нарядной стойкой, сверкающей огнями и зеркалами, у которой стояло пять-шесть человек довольно свирепого и осоловелого вида.

Мистер Симмонс заказал две кружки пива, и, когда они выпили его, он положил на прилавок свою десятицентовую монету.

— Что это вы дурака валяете? — сказал бармен. — Тут только половина. Гоните еще монету, да поживей.

— Послушайте, — сказал мистер Симмонс, — пиво везде стоит пять центов кружка. Не думайте, что вы напали на простофилю.

Тут капитан Клэнси шепнул ему, что лучше уж заплатить то, что с них спрашивают, чтобы не вышло какой-нибудь неприятности.

— По-видимому, это какое-то подозрительное место, — сказал он, — и вы не должны забывать, что нам нужно держаться поосторожней, пока

у нас при себе эти деньги. Позвольте мне доплатить десять центов.

— Нет, — сказал мистер Симмонс. — Уж коли я взялся угощать, я и уплачу сполна. — Он снова полез в свой саквояж и достал еще две монеты по пять центов.

В эту минуту где-то рядом заиграл оркестр, и мистер Симмонс повернулся посмотреть, откуда доносятся эти веселые звуки. Бармен подмигнул капитану Клэнси и сказал тихонько:

— С хорошей поживой, а, Джимми, подвезло, старина?

— Да, похоже, клюнуло, — так же тихо шепнул капитан, выразительно прищурившись на бармена левым глазом.

— Скажите, — сказал мистер Симмонс, тыча пальцем в том направлении, откуда неслась музыка, — что это у вас там такое?

— Высокохудожественная первоклассная музыкально-драматическая программа, лучшая во всех Южных штатах, — ответил бармен. — Самые изысканные и возвышенные выступления выдающихся знаменитостей. Заходите, джентльмены.

— А ведь там, верно, на сцене представляют, — сказал мистер Симмонс. — Не зайти ли нам?

— Не очень мне нравится это место, — сказал капитан Клэнси. — Но можно зайти посмотреть, чтобы убить время; сейчас только половина одиннадцатого; ну что ж, посидим немножко, а потом отправимся в гостиницу и в половине двенадцатого ляжем спать. Разрешите, уж я возьму билеты.

— Идет, — сказал мистер Симмонс, — я платил за пиво.

Бармен показал им, куда пройти. В небольшом холле какой-то очень развязный господин уговорил их взять билеты наверх. Они поднялись по лестнице и очутились в уютной семейной обстановке маленького театра. В полупустом зале сидело человек двадцать — тридцать мужчин и подростков, и представление уже, по-видимому, было в полном разгаре. На сцене весьма пародийный ирландец гонялся с топором за еще более пародийным негром, а бойкая молодая леди, в короткой юбочке и голубом трико, стояла на бочке и что-то вопила пронзительным срывающимся голосом.

— Неприятно, если в зале случайно окажется кто-нибудь из знакомых и увидит меня, — сказал капитан. — Не взять ли нам ложу? — Они вошли в маленькую кабинку, отгороженную дешевень-

кой грязной кружевной занавеской; там было четыре или пять стульев и маленький столик, весь покрытый мокрыми круглыми следами от пивных кружек.

Мистер Симмонс был в восторге от представления. Он громко хохотал над остротами юмориста, а когда сестры Де Вир выступили со своими песенками и танцами, он чуть ли не до пояса высунулся из ложи, аплодируя им.

Капитан Клэнси сидел, откинувшись на спинку стула, и почти не смотрел на сцену, но на лице его было написано величайшее удовлетворение, и на губах играла спокойная улыбка. Все это время мистер Симмонс ни на минуту не расставался со своим саквояжем. И вот, когда он с нескрываемым восхищением слушал злободневные куплеты мадемуазель Фаншон, парижского соловья, он почувствовал чью-то руку на своем плече. Он обернулся, и глазам его предстало виденье, от которого у него захватило дух. Два сияющих существа в белых платьях с голубыми лентами, с соблазнительно мелькающими полосками черных чулок, порхали в ложе. Мистер Симмонс, прижав к груди свой саквояж, вскочил в неописуемом смущении.

— Не конфузься, милашка, — сказала одна из

них. — Садись-ка и угости нас пивом.

Сначала мистер Симмонс только краснел и заикался, не зная, куда себя девать, но капитан Клэнси держался так спокойно и непринужденно, так приветливо болтал с дамами, что, глядя на него, и он мало-помалу осмелел, и через какие-нибудь десять минут все четверо уже сидели за маленьким столиком и негр-официант шмыгал взад и вперед с подносом, принося из бара бутылки с пивом и унося пустые. Мистер Симмонс разошелся вовсю. Он рассказывал смешные истории из жизни на ранчо и хвастливо намекал на свои веселые похождения в Канзасе за те три дня, что он побыл там.

— Ах, какой же вы, однако, нахал, — сказала ему одна из леди, по имени Вайолет. — Не будь здесь Лилли и Джимми — я хочу сказать, вашего приятеля, — я бы просто боялась оставаться с вами.

— Вот уж это вы зря клевещете, — сказал мистер Симмонс, — не такого я сорта человек. А ну-ка, давай еще пива сюда, ты, черномазый.

Маленькая компания, по-видимому, веселилась от души. Но вот Вайолет перегнулась через барьер и подозвала к себе мистера Симмонса, послушать певицу, которая только что вышла на сцену. Мистер Симмонс повернулся спиной к сто-

лу, и в эту самую минуту капитан Клэнси быстро вытащил из кармана маленький пузырек и вылил содержимое его в кружку с пивом, стоявшую на подносе против стула мистера Симмонса.

— Ну, что же вы там, — крикнула леди, которую звали Лилли, — пиво выдохнется! — Мистер Симмонс и Вайолет подошли к столу, но по дороге мистер Симмонс споткнулся о свой саквояж, который он перед этим на минутку поставил на пол, и, не удержавшись на ногах, повалился на стол, зацепил край подноса, чуть не свернул со стула капитана Клэнси, но каким-то чудом не расплескал пива.

— Прошу прощенья, — сказал он, поднимаясь, весь красный, — оступился. Мы, ковбои, народ неуклюжий. Ну, за ваше здоровье.

Они выпили, и Лилли начала напевать какую-то песенку. Не прошло и минуты, как Вайолет зашаталась на стуле и грохнулась на пол — безжизненная груда белого муслина, белокурых волос и черных чулок.

Капитан Клэнси почему-то очень рассердился. Он метнул разъяренный взгляд в сторону Лилли и пробормотал себе под нос что-то очень похожее на «черт побери».

— Силы небесные, — вскричал мистер Сим-

монс, — бедная леди упала в обморок! Пошлите за доктором, спрысните ее водой или дайте чего-нибудь, бога ради.

— Да вы не волнуйтесь, — сказала Лилли, закуривая папироску. — Она проспится. Вы лучше пойдите прогуляйтесь немножко. А вы, Джи… мистер, скажите бармену внизу, чтобы он прислал сюда Сэма. Покойной ночи.

— Действительно, нам лучше уйти, — сказал капитан.

И, несмотря на все протесты мистера Симмонса, который горячо выражал свое сочувствие и беспокойство, капитан Клэнси увел его из ложи; они спустились вниз, где капитан выполнил поручение Лилли, и затем вышли на улицу.

Мистер Симмонс находился под сильным воздействием выпитого им пива и тяжело опирался на руку капитана Клэнси. Дорогой капитан всячески успокаивал его, говоря, что молодая леди очень быстро придет в себя, что она просто выпила лишнего; в конце концов ему удалось вернуть мистеру Симмонсу его прежнее веселое настроение.

— Сейчас еще нет половины двенадцатого, — сказал капитан, — что, если нам зайти куда-нибудь посмотреть, как играют в карты? Это

очень любопытное зрелище.

— Есть такое дело, — сказал мистер Симмонс. — Игорные дома — это для меня не новость. Был я в таком доме два раза, когда ездил в Сан-Антонио. При мне там какой-то парень за один вечер огреб восемнадцать долларов, знаете, такая игра есть с шариками и карточками, вроде лото.

— Кено, должно быть, — сказал капитан.

— Да, да, она самая — кено.

Я не берусь описывать окрестности того заведения, куда направились наши путешественники. Игорные дома — явление, почти небывалое в городе Хьюстоне, а так как это рассказ о подлинном событии, то попытка с определенностью указать местоположение подобного заведения в городе, всем известном строгостью своих нравов, разумеется, будет встречена с недоверием. Неясно также, каким образом им удалось разыскать такое место, когда оба они были чужими в этом городе, но, как бы то ни было, капитан Клэнси по ярко освещенной и устланной ковром лестнице привел мистера Симмонса в просторное помещение, где довольно многочисленное сборище мужчин пытало счастья во всевозможных играх, какими обычно располагает любой прилично оборудованный игорный дом.

Дверь в это помещение находилась в дальнем конце коридора, ближе, у самой лестницы, была другая комната, где стояло два-три круглых столика и стулья; там в это время никого не было.

Капитан Клэнси с мистером Симмонсом потолкались сначала в большой комнате, останавливаясь около игроков, которые то выигрывали, то проигрывали, в зависимости от превратностей судьбы. Мужчины, находившиеся в комнате, разглядывали мистера Симмонса с нескрываемым восхищением. Его саквояж вызывал, по-видимому, всеобщий восторг, но, потешаясь на его счет, они в то же время следили за ним жадным и голодным взором, словно это был лакомый кусочек, от которого всякому хотелось отщипнуть.

Какой-то толстяк с крашеными усами толкнул капитана Клэнси в бок и сказал.

— Э! Джимми, ты бы взял и меня в компанию.

Капитан нахмурился, и толстяк, вздохнув, отошел в сторону. Мистер Симмонс смотрел на все с величайшим интересом и вдруг сказал:

— Послушайте, капитан, вы, верно, удивитесь, а только я вам скажу, во мне, видно, есть что-то азартное: конечно, я не игрок, но нет человека во всем Южном Техасе, которого я бы не обставил в шашки. Пойдем-ка в ту комнату, хотите, сыграем

несколько партий; кто проиграет, ставит пиво.

— Не забудьте, мистер Симмонс, — сказал капитан, улыбаясь и грозя пальцем, — ведь мы с вами условились охранять друг друга. Сказать вам по правде, не нравится мне это место. Я думаю, лучше бы нам убраться отсюда. Но, должен признаться, когда-то я был лучшим игроком в шашки и в крокет в нашем Христианском союзе молодых людей; пожалуй, сразимся разок-другой.

Они сыграли партию-другую, а потом еще с полдюжины. Капитан все время выигрывал. Мистер Симмонс ужасно огорчался. Физиономия его приобретала багровый оттенок по мере того, как его репутация шашечного игрока терпела фиаско.

— Черт побери, — сказал он, — я уже проиграл семьдесят центов. Неужели вы не дадите мне отыграться? Я бы вам дал, ей-богу, если бы вам так не повезло.

— Ну, ясное дело, — сказал капитан, — только что это за игра — шашки. Сразимся во что-нибудь другое. Хотите попытать счастья в картишки?

— Во что угодно, — сказал мистер Симмонс. Шляпа его съехала на затылок, светло-голубые глаза тупо блуждали по сторонам, красный с зеленым горошком бант сполз набок и торчал под самым ухом, клетчатые штаны задрались, а

на коленях лежал его черный саквояж.

«Чем заслужил я, о Господи, — мысленно вопрошал капитан, — эту манну небесную, которая спустилась ко мне в пустыню, эту жирную дичь, которая сама идет мне в руки, этот роскошный сдобный лакомый кусок, который так и просится мне в рот? Даже как-то не верится такому счастью».

Капитан позвонил в маленький колокольчик, и официант принес им колоду карт.

— Попробуем в покер, — сказал капитан.

Мистер Симмонс вскочил с места.

— Это азартная игра, — строго сказал он. — Я, знаете ли, не игрок.

— Я тоже не игрок, мистер Симмонс, — сказал капитан с достоинством и чуть-чуть обиженно. — Партия в покер по маленькой между джентльменами — вещь вполне допустимая в тех кругах, где я вращался, и никаким законам…

— Ну, ну, ладно, — сказал мистер Симмонс. — Я ничего такого не хотел сказать. Сам, бывало, на ранчо с ребятами на бобы играл, когда приходилось ночь в степи коротать… Сдавайте, чего там.

Старая сказка про ястреба и голубя рассказывалась так часто, что подробности ее уже приелись. От десяти центов они подняли ставку до пя-

тидесяти, потом до доллара. Мистер Симмонс, разумеется, выигрывал. Он вытащил из саквояжа свой бисерный кошель и извлек из него сначала несколько долларов серебром, а потом еще двадцать пять бумажками. Один раз он вытащил из саквояжа краешек толстой пачки, перевязанной бечевкой, и подмигнул капитану.

— Вот они, девятьсот, — сказал он.

Капитан изредка снимал котел, но большей частью денежки шли к мистеру Симмонсу. Тот хоть и ликовал, но выражал сочувствие.

— Не везет вам, — говорил он самодовольно и в то же время участливо. Он был, по всем признакам, под сильным воздействием выпитого им изрядного количества пива.

У капитана был озабоченный и расстроенный вид.

— У меня уж почти ничего не осталось из того, что я отложил на расход, — угрюмо сказал он. — Послушайте, Симмонс, давайте без лимита, дайте мне возможность отыграться.

— А как это? — спросил Симмонс. — Делать любую ставку, что ли?

— Да.

— Идет, — сказал мистер Симмонс. — Признаться, с этого, пи-ик, пива меня как будто мутит.

Мистер Симмонс стал играть очень неосторожно, и счастье, по-видимому, повернулось к нему спиной. Он отдал значительную часть своего выигрыша, понадеявшись на фуль с тремя тузами, и несколько раз проигрывал при отличных картах. В короткое время от его маленького капитала не осталось ничего. Физиономия его стала совсем багровой, а круглые светлые глаза лихорадочно блестели. Он еще раз открыл свой черный саквояж и, вынув перочинный нож, зарылся в саквояж обеими руками. Капитан услышал звук лопнувшей бечевки, и руки мистера Симмонса вынырнули на стол с грудой пяти-, десяти- и двадцатидолларовых бумажек. Саквояж по-прежнему остался лежать на коленях.

— Гони-ка еще пива! — крикнул мистер Симмонс. — Хороший вы па-парень, капитан. Давайте всю ночь играть в карты. Я, признаться, выпил немножко, но я покажу вам, что я лучший игрок в шашки и в покер во всем графстве Энсинал. Сдавайте.

Капитан Ричард Сэксон Клэнси, кассир (?) Акционерного общества Тихоокеанской железной дороги, подтянулся и призвал на помощь все свое хладнокровие. Решительная минута настала. Манна вот-вот готова была посыпаться с неба. Го-

лубок уже трепыхался в когтях хищника. Жертва была в самом что ни на есть градусе, то есть ее готовность рисковать беспредельно повысилась, тогда как способность наблюдать сильно ослабела, однако не настолько, чтобы помешать ей вести игру.

Капитан громко кашлянул. Два-три человека появились из соседней комнаты, подошли и молча стали наблюдать. Капитан снова кашлянул. Бледный молодой человек с угрюмым взглядом и не предвещающей ничего доброго физиономией вырос за стулом мистера Симмонса и равнодушно уставился ему в карты. Всякий раз, как мистер Симмонс разбирал сданные карты или брал прикуп, он почесывал себе ухо, или трогал себя за нос, или подкручивал усы, или теребил пуговицу на своем пиджаке. И удивительно, с каким вниманием капитан следил за этим молодым человеком, который, разумеется, не имел никакого отношения к игре.

И капитан по-прежнему выигрывал. Если мистеру Симмонсу случалось взять котел, то можно было с уверенностью сказать, что пожива была небольшая.

Наконец капитан решил, что настал момент

для coupde grace[10]. Он позвонил, и к столу подошел официант.

— Принеси-ка свежую колоду, Майк, — сказал он, — а то эта уже истрепалась.

Мистер Симмонс был слишком возбужден, чтобы заметить, что капитан, который ни души не знал в этом чужом городе, назвал официанта запросто по имени.

Капитан стасовал карты, и мистер Симмонс неумело и неуклюже снял колоду. И вот роковые карты были сданы. Это был излюбленный прием капитана. Четыре короля и семерка пик партнеру, четыре туза и двойку бубен себе. Вместо пик и бубен можно было с таким же успехом сдать любую масть, но у капитана была слабость к этим двум картам.

Он заметил, как на лице мистера Симмонса отразилась плохо скрываемая радость, когда он заглянул в свои карты. Мистер Симмонс объявил «без прикупа»; капитан прикупил одну карту. Молодой человек, стоявший за стулом мистера Симмонса, отошел. Ему уже незачем было больше скрести себя за ухом или дергать за пуговицу. Он знал coup de grace капитана не хуже, чем сам

---

[10] Примечания: 10
Последний удар, которым из жалости добивают жертву *(фр.).*

капитан.

Мистер Симмонс зажал карты в руке и напрасно пытался скрыть свое ликование. Капитан поглядел на прикупленную им карту с преувеличенным волнением и перевел дух, из чего мистеру Симмонсу следовало умозаключить, что прикуп был удачный.

Начали торговаться. Мистер Симмонс бросал деньги с лихорадочной торопливостью, капитан следил за каждой ставкой и поднимал не иначе, как после подчеркнуто длительного раздумья. Мистер Симмонс отвечал с пьяной и бесшабашной уверенностью. Когда в котле набралось около двухсот долларов, брови капитана сдвинулись, две тонкие морщинки пролегли у него от ноздрей к углам рта и он поднял ставку на сто. Мистер Симмонс бережно опустил свои карты на стол и снова полез в саквояж.

На этот раз он вытащил две кредитки по пятьсот долларов и положил их поверх котла.

— С такими-то картами да не рискнуть на все, — сказал мистер Симмонс, — да меня наши парни в Энсинале со свету бы сжили. Валяйте, капитан.

— Пошли-ка сюда Чарли, — сказал капитан одному из зрителей. Подошел толстяк с крашеными усами и о чем-то пошептался с капитаном.

Затем он ушел и через некоторое время вернулся с пригоршней золотых монет и пачкой кредиток, из которых он отсчитал тысячу долларов, чтобы ответить на ставку мистера Симмонса.

— Отвечаю, — сказал капитан.

И тут произошла странная вещь.

Мистер Симмонс быстро вскочил, бросил карты на стол и одним махом сгреб всю кучу денег в свой вместительный саквояж.

Выпучив глаза и сыпля проклятиями, капитан тщетно пытался узреть четырех королей и семерку пик, которые он сдал мистеру Симмонсу. Перед ним лежал червонный флеш-ройяль.

Капитан вскочил, а два бледнолицых джентльмена, стоявших позади, оба одновременно, мягко, как хищник перед прыжком, шагнули к мистеру Симмонсу — и остановились. Едва деньги исчезли в недрах саквояжа, оттуда высунулся синеватый ствол шестизарядного револьвера и зловеще сверкнул в руке мистера Симмонса.

Мистер Симмонс бросил молниеносный взгляд через плечо и стал пятиться к выходу.

— Не надо ошибаться, господа, — сказал он, и глаза его сверкнули тем же синеватым отливом, что и блестящий ствол его оружия. — Когда вам придется быть в Нью-Йорке, милости просим ко

мне, Брауэри, две тысячи пятьсот восемь. Спросите Бубнового Джо — это я. Сейчас я еду в Мексику, на две недели, обследовать свои рудники, а потом меня в любое время можно будет застать дома. Второй этаж, Брауэри, две тысячи пятьсот восемь — не забудьте номер. Я взял себе за правило оправдывать по дороге свои путевые расходы. Покойной ночи.

Мистер Симмонс сделал еще шаг назад и исчез.

Пять минут спустя капитан Ричард Сэксон Клэнси, кассир (?) Акционерного общества Южной Тихоокеанской железной дороги, член (?) Христианского союза молодых людей в Далласе, он же Джимми, вошел в ближайший бар на углу и сказал:

— Виски, дружище, да нет ли побольше стаканчика? Необходимо подкрепиться.

Джек – победитель великанов[11]

На днях в редакцию «Пост» пришла женщина — агент по продаже книг. Ее провели в кабинет главного редактора, а ее маленькая четырехлетняя дочка, пришедшая вместе с ней, осталась в общей комнате, по-видимому привлеченная необычайно приятным видом сотрудников, которые, развалясь, сидели за своими столами и наслаждались отнюдь не случайным досугом.

Это была хорошенькая кудрявая девочка, бойкая и общительная; недолго думая, она повела наступление на редактора литературного отдела, который, несомненно, произвел на нее впечатление своей аристократической наружностью и в особенности тем, что писал, не снимая перчаток.

— Расскажи мне сказку, — потребовала она, тряхнув кудрями и повелительно глядя на него снизу вверх.

— Сказку, милочка? — спросил редактор литературного отдела, умиленно улыбаясь и поглаживая ее блестящие кудри. — С удовольствием. Какую тебе сказку?

---

[11] Примечания: 11

© Перевод. В. Топер, наследники, 2011.

— Про Джека — победителя великанов.

— Джек — победитель великанов? Сейчас, крошка моя, с превеликой радостью.

Редактор литературного отдела усадил девочку на стул и начал:

— Давным-давно в ближайшем соседстве с первобытным лесом, в скромном обиталище, где радости буколического существования разумно чередовались с весьма ответственными сельскохозяйственными трудами, жил да был Джек, герой моей повести, со своей вдовствующей родительницей. Бедной вдове, не столько по прирожденной скупости, сколько по вынужденной бережливости, приходилось применять чрезвычайные меры для поддержания жизни, своей и сына. Она являлась обладательницей млекопитающей самки из подотряда жвачных, отличавшейся превосходными качествами. Обильный запас молочной эмульсии, приветливый и миролюбивый нрав и деликатное обращение снискали ей любовь как Джека, так и его матери. Но, увы, создавшаяся ситуация вскоре потребовала от них разлуки с четвероногим другом, и на долю Джека выпала печальная обязанность доставить рогатую благодетельницу на рынок с целью обмена на предметы первой необ-

ходимости, что он и исполнил с истерзанным сердцем и громкими сетованиями. Итак, Джек…

— Дядя, — сказала кудрявая девочка, — а когда же будет сказка?

— Стойте, — сказал редактор спортивного отдела, вставая из-за стола и подходя к ним, — нельзя же пускать ребятенка по такой тяжелой дорожке. Ваша болтовня под силу разве дербисту, а эту четырехлетку вы, конечно, оставили за флагом. А какой приз разыгрывается?

— Ты мне расскажешь сказку про Джека — победителя великанов? — спросила девочка, доверчиво глядя на добродушно улыбающегося редактора спортивного отдела.

— Ставь на меня, как в банк, пузырь, — весело сказал тот, сажая девочку к себе на колени. — Заезд пройдет без заминки, и никаких литературных заворотов.

— Понимаешь, — начал редактор спортивного отдела, — Джек с мамашей сели на мель, и старушенция надоумила его зацепить старую дохлятину чалкой и держать курс на какого-нибудь парня, который согласился бы выложить деньги за молочную ферму на ходу. Итак, в одно прекрасное утро Джек, взяв корову на буксир, стартовал до рассвета, и, когда спустили флаг, он

уже вывернул на прямую к городу. Вскоре ему навстречу попался какой-то тип, который предложил Джеку обменять корову на мешок бобов. Сперва Джек хотел угостить его апперкотом, но потом подозвал его, и тот сорвал приз, не моргнув глазом. Джек был просто находкой для любого жучка, это как пить дать. После этого Джек вернулся на базу, и, когда он рассказал старушенции о своем подвиге, она в две секунды нокаутировала его, и он…

— А когда же сказка? — спросила девочка, с недоумением глядя на него.

— Вот те на! — сказал редактор спортивного отдела. — Я думал, она уже началась, а выходит, я промазал.

— Как не стыдно, что вы дразните ребенка? — сказал редактор транспортного отдела, входя в комнату и вешая свои манжеты над газовой печкой.

— Она хочет сказку про Джека — победителя великанов, — ответил редактор спортивного отдела, — но наши жалкие попытки, по-видимому, не встречают одобрения. Вы умеете говорить по-человечески или только по-железнодорожному?

— Неудивительно, что она буксует, слушая ваш кулачный жаргон, — презрительно сказал редак-

тор транспортного отдела. — Дайте задний ход, и я покажу вам, как привлекают юношеские умы.

— Ты мне расскажешь сказку? — спросила девочка с вспыхнувшей надеждой во взоре.

— Расскажу, — сказал редактор транспортного отдела, усаживаясь на пачку корректур. — Вы, ребята, все пары выпускаете, еще не отойдя от платформы. Нужно сразу начинать с самого занимательного.

— Ну, слушай, малюточка, — начал редактор транспортного отдела. — Однажды утром Джек проснулся, поглядел в окошко и увидел высокий гороховый стебель, который этакой воздушной магистралью уходил далеко-далеко, неизвестным маршрутом. Джек набрал уголь и воду и, даже не справившись, свободен ли путь, развел пары и пошел на подъем и даже свистка не давал на остановках. Когда кончился перегон, он увидел замок, большой-большой, как центральное депо. Тогда Джек затормозил и…

— Ты расскажешь сказку про Джека — победителя великанов? — спросила девочка.

Но тут из кабинета главного редактора вышла мать, и девочка, спрыгнув со стула, подбежала к ней. Они о чем-то пошептались, и сотрудники редакции услышали, как женщина сказала,

выходя:

— Ах ты, моя косецка, вот пойдем домой, маму-ся уз тебе лассказет сказоцку пло Дзека.

Легенда Сан-Хасинто[12]

Отшельник поля битвы рассказывает старинное предание сотруднику «Пост»

Поле битвы при Сан-Хасинто — историческое место и очень дорого всем, кто близко принимает к сердцу былую славу Техаса. Техасец, остающийся равнодушным при упоминании о поле, где генерал Сэм Хьюстон и другие джентльмены, названные по различным округам Техаса, захватили в плен Санта-Анну вместе с его походным баром и всеми видами холодного оружия, — такой техасец не более как презренный раб.

Несколько дней назад один репортер «Пост», у которого есть знакомый, плавающий рулевым на буксире «Злосчастная Джейн», отправился вниз по реке к полю битвы с намерением собрать среди старожилов хотя бы часть из множества преданий и легенд, связанных с событиями, которые произошли на этом достопамятном куске земли.

Репортер сошел со «Злосчастной Джейн» у самого поля битвы, расположенного на берегу реки,

---

[12] Примечания: 12

© Перевод. М. Лорие, наследники, 2011.

и, пройдя немного вперед в густой тени деревьев, вышел на широкую равнину, где, по преданию, и разыгралась знаменитая битва. Невдалеке, в платановой рощице, стояла хижина, и репортер направился к ней в надежде обнаружить там старожила.

Из хижины вышел почтенный старец лет семидесяти пяти — восьмидесяти, с длинными седыми волосами и белоснежной бородой.

— Подойди ко мне, юноша, — сказал он. — Ты хочешь знать легенду этих мест? Тогда положи мне на ладонь немного серебра, и я расскажу ее тебе.

— Добрый отец, — сказал репортер, — исполать тебе, я клянусь Небом, и Бог мне свидетель, если ты меня любишь — не проси у меня серебра, а валяй выкладывай свою старую легенду.

— Тогда садись сюда, — сказал отшельник, — и я расскажу тебе легенду про поле битвы при Сан-Хасинто. Много, много лет тому назад, когда мои серебристые кудри были черны как смоль и поступь у меня была такая же легкая и веселая, как у тебя, мне рассказала ее моя мать. Как ясно я помню этот день. Наступили сумерки, и от деревьев протянулись вечерние тени. Она положила руку мне на голову и сказала:

— Сын мой, я расскажу тебе легенду Сан-Хасинто. Это прекрасная повесть, я слышала ее от своего отца, одного из первых поселенцев в нашем штате. Ах, что это был за человек — шести футов ростом, крепкий как дуб и храбрый как лев. Однажды, помню, он воротился домой после долгой, жестокой схватки с индейцами. Он, мой огромный, сильный отец, посадил меня к себе на колени осторожно, как женщина, и сказал:

— Слушай, моя звездочка, я расскажу тебе славную старую повесть о Сан-Хасинто. Мало кто знает эту легенду. Она поразит тебя так, что твои ясные глазки запляшут от любопытства. Я слышал ее от дяди. Это был странный человек, вселявший страх во всех, кто знал его. Однажды ночью, когда луна заходила на западе и большие совы жалобно ухали в лесах, он указал мне на ту вон рощу на берегу и, взяв меня под руку, прошептал: «Ты видишь их, мальчик, видишь?» Мы стояли одни в высокой траве, и было почти совсем темно, и ветер странно шумел, пролетая над полем.

— Я никому и словом не обмолвился об этом, мальчик, — сказал мой дядя, — но теперь я не могу молчать. Слушай: когда я был ребенком, моя бабка рассказала мне легенду Сан-Хасинто. На

следующий день она скончалась. Она рассказала ее мне в полночь, на этом самом месте. Настигнутые страшной бурей, мы укрылись вот здесь, под старым дубом. Глаза моей бабки, обычно такие тусклые и слабые, сверкали, как звезды. Она словно помолодела на пятьдесят лет, когда, подняв дрожащую руку, указала на старое поле битвы и начала:

— Дитя мое, сейчас впервые за много лет человеческий язык поведает тайну, которую хранит в своей вековечной груди это безмолвное место. Я расскажу тебе легенду Сан-Хасинто, как мне рассказал ее сводный брат моего отца. Это был молчаливый, угрюмый человек, он любил чтение и одинокие прогулки. Однажды я застала его в слезах. Увидев меня, он смахнул слезы и ласково сказал:

— Это ты, моя маленькая? Поди сюда, я расскажу тебе то, что много лет хранил в тайниках своего сердца. Есть печальная легенда, связанная с этим местом. Садись рядом со мной, и я расскажу ее тебе. Я узнал ее от моей двоюродной бабки, известной в свое время красавицы. Как ясно я помню ее слова. Это была добрая, чудесная женщина, и от ее нежного певучего голоса прекрасная диковинная легенда становилась еще

увлекательнее.

— Однажды, — сказала она, — очень, очень давно я ехала по этой долине верхом с отчимом моего дяди, и вдруг он взглянул на эту рощу и сказал: «Слышала ты когда-нибудь легенду Сан-Хасинто?» — «Нет», — сказала я. «Так слушай, — сказал он. — Много лет назад, когда я еще был мальчишкой, мы с отцом остановились там в тени отдохнуть. Солнце садилось, и он указал на это поле и молвил: «Сын мой, я уже стар, и жить мне осталось недолго. С этим местом связана одна старинная легенда, и я чувствую, что должен рассказать ее тебе. Очень давно, когда тебя еще не было на свете, мой дед…»

— Послушай-ка, ты, старый болтун, — сказал репортер «Пост», — ты уже плетешь мне что-то из времен лет за шестьсот до Понтия Пилата. Ты что, не знаешь разницы между заметкой в хронике и надписью на пирамиде? Старых клише наша газета не помещает. С этими анекдотиками ступай, пожалуйста, в календари — там все берут.

Тут престарелый отшельник нахмурился и потянулся к заднему карману, а репортер быстро, но не теряя достоинства, побежал к «Злосчастной Джейн» и скрылся в каюте.

И все-таки где-то в округе живет легенда о поле

битвы при Сан-Хасинто; если б только знать, как до нее добраться!

Приключения парикмахера[13]

Когда репортер «Пост» вошел вчера в парикмахерскую, все стулья были заняты ожидающими, и на одно короткое мгновение у него блеснула надежда, что он сможет избежать пытки. Но взгляд парикмахера, мрачный и зловещий, устремился прямо на него.

— Ваша очередь следующая, — сказал он с сатанински-злобной усмешкой, и репортер в безнадежном отчаянии опустился на жесткий табурет, привинченный к стене.

Через несколько секунд раздался треск и грохот, и клиент, над которым парикмахер закончил операцию, вылетел из кресла и бросился вон из парикмахерской, преследуемый негром, злобно тыкавшим в него облезлой платяной щеткой, из которой предательски торчали деревянные шпеньки и гвозди.

Репортер кинул последний долгий взгляд на солнечный свет, булавкой пришпилил к галстуку записку со своим адресом на случай, если свершится худшее, и уселся в кресло.

---

[13] Примечания: 13

© Перевод. М. Богословская, наследники, 2011.

Он сообщил парикмахеру в ответ на его суровый вопрос, что он не собирается стричься, но его слова были встречены взглядом холодного недоверия и презрения.

Кресло взметнулось и застыло в наклонном положении; парикмахер приготовил мыльную пену, и, по мере того как смертоносная кисть последовательно лишала репортера чувств зрения, обоняния и слуха, он погружался в состояние оцепенения; из этого состояния его вывел громкий лязг стального инструмента, которым парикмахер соскребал с него пену, тут же вытирая лезвие об его рукав.

— Нынче все у нас разъезжают на велосипедах, — сказал парикмахер, — и не так-то легко будет нашим светским модникам бахвалиться этим, как будто такой вид спорта только им одним и доступен. Ну, вы сами подумайте, ведь вы же никому не можете запретить кататься на велосипеде, а улицы — они для всех. Я вот и сам считаю, что это вполне невинное занятие, и оно с каждым днем прививается всё больше и больше. Пройдет еще немного времени, и езда на велосипеде станет таким обычным делом, что какая-нибудь дамочка верхом на такой штуке будет обращать на себя не больше внимания, чем

когда она просто прогуливается.

И это хорошая гимнастика для дам, можно даже примириться с тем, что они, сидя на велосипеде, выглядят точь-в-точь как мешок, набитый дерущимися котами и перекинутый через бельевую веревку.

А каким только пыткам они себя не подвергают, чтобы стать похожими на мужчин! Почему это, если женщина хочет заниматься спортом, она непременно должна придать себе залихватский вид? Если бы я вам только рассказал, какую штуку со мной выкинула одна девчонка, вы бы просто не поверили!

Тут парикмахер бросил такой свирепый взгляд на репортера, что тот, с нечеловеческим усилием вынырнув из мыльной пены, поспешил убедить маэстро, что готов верить безоговорочно всему, что бы он ни сказал.

— Как-то прислали за мной, — продолжал парикмахер, — чтобы я пришел на Мак-Кини-авеню и захватил с собой бритву и прибор. Пошел я. Подхожу к дому. Вижу — красивая молодая леди катается около ворот на велосипеде. На ней короткая юбка, гетры и куртка мужского покроя.

Я подошел к подъезду, постучал. Меня провели в комнату. Через несколько минут входит эта

самая леди и усаживается на стул, а за ней следом входит пожилая дама, должно быть ее мамаша.

— Побрейте меня, — говорит молодая леди, — два раза, начисто. Да поторопитесь, у меня свидание…

Я просто обомлел от изумления. Но все же разложил свой прибор. Ясно было, что эта молодая леди командует всем домом. Старушка мне потом сказала шепотом, что ее дочка верховодит девицами, которые стоят за эмансипацию женщин, и что она решила отпустить усы и таким образом заткнуть за пояс всех своих подруг.

Так вот, она прислонилась к спинке стула, закрыла глаза. Я окунул кисточку в мыльную пену и провел по верхней губе. Не успел я это сделать, она как вскочит со стула, да как уставится на меня.

— Как вы смеете оскорблять меня! — закричала она, а сама так и ест меня глазами. — Вон из моего дома, немедленно.

Я прямо остолбенел. Потом подумал, что, может быть, она немного не в себе, собрал свои инструменты и к двери. Но когда я уже переступил порог, ко мне все-таки вернулось присутствие духа и я говорю:

— Уверяю вас, мисс, я ничего такого не сделал,

что могло бы вас обидеть. Я всегда стараюсь вести себя как джентльмен, когда это уместно. Чем же я вас, позвольте спросить, оскорбил?

— Убирайтесь вон, — отвечает она. — Что, я не могу распознать, когда меня целует мужчина?

— Так я и ушел. Ну, что вы на это скажете? — спросил парикмахер, большим пальцем старательно засовывая в рот репортера унцию мыльной пены.

— Да, такой истории трудно поверить, — сказал репортер, призвав на помощь все свое мужество.

Парикмахер прекратил бритье и вперил в свою жертву такой свирепый и злобный взор, что репортер поспешно добавил:

— Но, разумеется, так оно и было, как вы рассказываете.

— Так и было, — сказал парикмахер. — Я вовсе не прошу вас верить мне на слово. Я могу доказать это. Видите вы эту голубую чашку на полке — третью справа? Так вот, это та самая, которую я брал с собой в тот день. Надеюсь, теперь вы мне верите?

— Кстати, о плешивых, — продолжал парикмахер, хотя никто ни словом не обмолвился о плешивых. — Мне вспоминается, какую шутку сыграл со мной один субъект, вот здесь, в Хью-

стоне. Вы знаете, что ничем на свете нельзя заставить расти волосы на лысой голове. Масса всяких средств продается для этого, но уж раз корни омертвели, их ничем не оживишь. Как-то прошлой осенью заходит ко мне в парикмахерскую один человек и просит побрить его. Голова у него была совершенно лысая и гладкая, как тарелка. Все средства в мире не вырастили бы ни единого волоска на этой голове. Я этого человека видел в первый раз, но он сказал мне, что он держит огород на краю города. Так он приходил ко мне раза три бриться, а потом как-то попросил меня порекомендовать ему что-нибудь для ращения волос.

Парикмахер потянулся рукой к полке и достал кусочек липкого пластыря. Потом резнул репортера по подбородку и наклеил ему пластырь.

— Когда в парикмахерской просят средство для ращения волос, — продолжал он, — отказа в этом не бывает. Всегда можно приготовить смесь, которую человек будет втирать себе в голову, пока не обнаружит, что никакой пользы от нее нет. А тем временем он будет ходить к вам бриться.

Я сказал моему клиенту, что я изобрел такой эликсир, который может заставить расти волосы на самой плешивой голове, если только запастись

терпением и употреблять его продолжительное время.

Я сел, написал рецепт и сказал ему, что это средство он может заказать в аптеке, но рецепта никому не должен показывать, так как я собираюсь запатентовать эликсир и пустить в продажу оптом. Рецепт заключал в себе массу всякой безвредной дряни — виннокаменная соль, миндальное масло, лавровишневые капли, розовая вода, тинктура мирра и прочая ерунда. Я писал все это наугад, как в голову приходило, и через каких-нибудь полчаса уже не мог бы сказать, чего я там насочинил. Он взял рецепт, заплатил мне за него доллар и отправился заказывать его в аптеку.

В течение этой недели он два раза приходил ко мне бриться и говорил, что употребляет мой эликсир самым добросовестным образом. Потом он куда-то пропал недели на две. И вдруг как-то вечером является, снимает шляпу, и я прямо остолбенел, увидев у него на голове роскошную свежую поросль. Вся лысина была покрыта густо пробивающейся растительностью, а каких-нибудь две недели тому назад голова у него была совсем голая, как набалдашник у трости. Он сказал мне, что страшно доволен этим эликсиром, да

еще бы ему не быть довольным! Я стал его брить, а сам все стараюсь вспомнить, что это за рецепт я ему тогда сочинил, но не мог вспомнить и половины основных частей и дозировок. Я только одно знал — что я случайно наткнулся на средство, которое выращивает волосы, а еще я знал, что этот рецепт стоит миллионы долларов, если только пустить его в дело. Выращивать волосы на лысых головах, если это действительно возможно, это почище, чем разрабатывать какие-нибудь золотые прииски. Я во что бы то ни стало решил заполучить обратно свой рецепт. Когда он собрался уходить, я говорю ему так, между прочим:

— Ах да, мистер Плэнкет, я потерял свою записную книжку, в которой у меня был рецепт этого моего эликсира, а мне нужно приготовить на утро один-два пузыречка. Если он у вас с собой — дайте, я спишу его, пока вы здесь.

Но, наверное, вид у меня был очень озабоченный, потому что он поглядел на меня молча, а потом расхохотался.

— Черта с два, — сказал он. — Так я вам и поверю, что у вас вообще есть этот рецепт. Я просто думаю, что вы наткнулись на это случайно и сам не помните, что вы такое прописали. Но я не такой дурак, как вам кажется. Это средство

для ращения волос — целый капитал. И немаленький. Я намерен сохранить этот рецепт и, как только найду компаньона с деньгами, пустить его в оборот.

Он повернулся, чтобы уйти, но я позвал его в заднюю комнату и добрых полчаса всячески уламывал.

Наконец мы договорились, что он вернет мне обратно мой рецепт за двести пятьдесят долларов наличными. Я пошел в банк, взял деньги, которые откладывал на постройку дома. Он возвратил мне рецепт и подписал бумажку, по которой отказывался от всяких прав на него. Кроме того, он согласился дать свидетельство, что с помощью этого средства он за две недели отрастил себе волосы.

Тут лицо парикмахера приобрело весьма зловещее выражение, он засунул пальцы репортеру за шиворот и так дернул его воротничок, что разорвал петлю; запонка полетела на пол и покатилась за дверь на тротуар и дальше — в канаву.

— На другой же день я принялся за дело, — продолжал парикмахер, — и представил мой эликсир к патенту в Вашингтоне, договорившись с большой аптекарской фирмой в Хьюстоне, что она пустит его в продажу. Я уже видел себя

миллионером. Я снял комнату и там приготовлял свою смесь сам — я не хотел посвящать в это дело ни фармацевтов и никого другого, — а затем передавал ее в аптеку, где ее разливали по пузырькам и наклеивали этикетки. Я бросил работу в парикмахерской и все время только и занимался эликсиром.

Мистер Плэнкет заходил ко мне еще раза два, и волосы у него по-прежнему великолепно росли. Вскоре я заготовил эликсира примерно на двести долларов, и мистер Плэнкет обещался приехать в город в субботу и дать мне аттестат, чтобы я мог отпечатать его и выпустить афишки и проспекты, которыми я собирался наводнить страну.

В одиннадцать часов, в субботу, я поджидал его у себя в комнате, где я приготовлял эликсир. И вот открывается дверь и входит мистер Плэнкет в совершенном неистовстве и ярости.

— Полюбуйтесь-ка, — кричит он, — что наделал ваш проклятый эликсир! — Он снимает шляпу, и я вижу — голова у него блестит, совершенно гладкая и голая, как фарфоровое яичко. — Все выпали, — говорит он мрачно. — До самого вчерашнего утра они росли так, что любо было смотреть, а потом вдруг начали выпадать, и сегодня утром я проснулся без единого волоска.

Я исследовал его голову и не обнаружил на ней ни малейшего признака волос.

— Какой прок от этого вашего средства, — возмущался он, — если от него волосы только начинают расти, а потом сразу же выпадают?

— Ради бога, мистер Плэнкет, — говорю я, — не рассказывайте никому об этом, умоляю вас. Или вы меня пустите по миру. Я вложил все до последнего цента в этот эликсир, и я должен вернуть свои деньги. Ведь все-таки у вас от него стали расти волосы. Дайте мне аттестат, чтоб я хоть мог продать то, что заготовил. Вы же заработали на мне двести пятьдесят долларов и должны мне помочь.

Он рвал и метал, кричал, что его одурачили, грозился заявить, что это средство мошенническое, и прочее, и прочее. Наконец мы договорились, что я заплачу ему еще сто долларов, а он даст мне аттестат, что мой эликсир обладает свойством выращивать волосы, и ни словом не заикнется о том, что они после выпадают. Если бы мне удалось продать то, что я заготовил, по доллару за пузырек, я бы вывернулся.

Я пошел, занял денег, заплатил ему, а он дал мне аттестат и ушел.

— Ну и что ж, вам удалось продать ваш элик-

сир? — спросил репортер, стараясь говорить как можно более безобидным тоном.

Парикмахер посмотрел на него с презрительной усмешкой и сказал тоном величайшего сарказма:

— О да, мне удалось продать. Мне удалось продать ровно пять бутылок, и покупатели, после того как они в течение месяца прилежно употребляли это средство, явились ко мне и потребовали деньги обратно. Ни у кого из них не выросло ни единого волоска.

— Как же вы объясняете то, что у мистера Плэнкета отросли волосы? — спросил репортер.

— Как я это объясняю? — переспросил парикмахер таким грозным тоном, что репортер содрогнулся. — Как я это объясняю? Я вам скажу, как я это объясняю. Однажды я пошел на окраину, в тот дом, где жил мистер Плэнкет, и спросил, дома ли он.

— Какой мистер Плэнкет? — спросил меня человек, который вышел к воротам.

— Что за разговор, — отвечаю я, — Плэнкет, который здесь проживает.

— Они оба уехали, — говорит тот.

— Что это значит — оба? — говорю я, а сам уж начинаю догадываться и спрашиваю: — А ска-

жите мне, как они выглядят, каковы они из себя, эти Плэнкеты?

— Похожи друг на друга, ну прямо как две капли воды, — отвечает тот. — Они, знаете, близнецы, и никто, бывало, их друг от друга не отличал, ни по виду, ни по разговору. Одна только разница, что у одного голова лысая, точь-в-точь как куриное яйцо, а у другого шапка волос.

— Вот, — сказал парикмахер, плеснув розовой воды на манишку репортера. — Вот как я это объясняю. Сначала ко мне в парикмахерскую являлся лысый Плэнкет, а потом — тот, что с волосами. А я и не заметил подвоха.

Когда парикмахер закончил свою операцию, репортер увидел негра, подстерегавшего его у выходной двери со своей щеткой. Он потихоньку вышел через черный ход, перелез через кирпичную ограду и скрылся в переулке.

Ночной рыцарь[14]

Одна из величайших книг — повседневная жизнь. Всё, что сумеет постичь человеческий ум, всё, что в состоянии почувствовать человеческое сердце и могут сказать губы, заключено в маленьком мирке вокруг нас. Тот, кто наделен чутким взором, способен разглядеть сквозь тонкий покров заурядности романтику, трагедию и балаганную комедию, которые разыгрывают на подмостках мироздания большие и малые актеры, ступающие по половицам Театра Вселенной.

Жизнь не бывает чистой трагедией или комедией — в ней всего понемногу. Высоко над нами всесильные руки тянут за нитки, которые душат наш смех рыданиями и заставляют странные звуки, означающие веселье, прорываться сквозь глубочайшее горе. Мы марионетки, которые пляшут и плачут, лишенные собственной воли, а в конце, когда гаснут газовые светильники, нас укладывают отдыхать в деревянные ящики и опускают темный полог ночи, закрывая сцену нашего недолгого триумфа.

---

[14] Примечания: 14

© Перевод. О. Мышакова, 2025.

На улицах мы расталкиваем локтями героев не хуже воспетых поэтами; на лицах безвестных женщин и прозаических мужчин пытливый взгляд способен угадать отпечаток всех страстей — как добродетельных, так и дурных, — чей отблеск лежит на страницах повести любого человека.

Добро есть в каждом, и ни один не состоит сплошь из одного добра. Школяр в библиотеке, дровосек в лесу, миледи в своем будуаре, пестрый народец проселочных дорог с тяжелым взглядом — все мы слеплены из одной глины.

И руки судьбы тянут за ниточки, и мы выделываем коленца и пируэты, и кто-то возносится, а другие катятся по наклонной, и в ту и другую сторону нас толкает случайно выпавший шанс или же неузнанная рука Провидения, и где мы оказываемся в итоге, слепые и дрожащие? На краю непознаваемой Вечности. Мы происходим от одного корня. Король и каменщик равны, если не смотреть на окружение; королева в короне и молочница с подойником могут сидеть бок о бок на краю последней пропасти судьбы; человеческое сердце одинаково во всем мире, когда судия разбирает деяния своих марионеток, разве одна из них одолеет другую?

Человек из «Пост» носит пальто с высоким воротом. Это удобно по многим причинам. Он поднимает воротник, проходя мимо уличных попрошаек на каждом углу, отгораживаясь от их приставаний и оберегая покой своей совести; он с достоинством натягивает воротник на уши при встрече с джентльменами, предлагающими товар, который человек из «Пост» все равно иногда покупает; наконец, высокий воротник незаменим, когда на улице холодно.

Порой, когда густеют фиолетовые сумерки субботнего вечера и холодные туманы поднимаются от ленивых вод байу[15], человек из «Пост» облачается в свое практичное одеяние и влечет его в странствия среди заборов и проезжих дорог. Он угадывает неприглядную изнанку под позолотой, покрывающей избранных мира сего, а блеск чистого золота — в жидкой грязи, где бредут простые и кроткие сердцем. Он улавливает фальшивую ноту в молитве фарисея на уличном углу и нестройный звон колоколов, повисающий над храмами. Он видит неожиданно благородные деяния и величественное самоотречение людей, от прикосновения которых респектабельность

[15] Примечания: 15
Река или канал с медленным течением.

брезгливо подбирает юбки, и знак зверя на челе высокородных и святошествующих.

То тут, то там черкнет он строчку-другую в своем блокноте; большая часть панорамы остается незаписанной, пока в бескрайнем Грядущем не забрезжит что-нибудь — объяснение либо развязка.

В «Субботнем вечере поселянина» Роберт Бёрнс нарисовал идеальную картину покоя и незамутненного счастья. Крестьянин возвращается домой после дневных трудов, и его встречает обрадованная семья. Ярко горит огонь в очаге, светит лампа; семейство опускает шторы и садится за скромную трапезу, затворившись в своем счастливом мирке от холодной и мрачной ночи.

Такие дома есть и сейчас и всегда будут, но, если пройтись по городским улицам в субботний вечер, вы станете свидетелем сцен совсем иного характера.

Пока колонны направляющихся по домам штурмуют тротуары, опытный взгляд сразу отмечает верные приметы, предвещающие огорчение и слабое утешение ожидающим домашним: тут и нетвердая походка, и громкие речи грубых, заплетающихся языков, и изобилие признаков растраченного жалованья и потакания самым

низменным аппетитам.

Салуны пожинают богатую жатву, которая по праву причитается женам и детям. Мужчины за час транжирят заработок нескольких дней и несут домой лишь хмурый вид и пустые карманы. На улицах можно видеть бледных, встревоженных женщин, мечущихся в толпе в надежде встретить своих кормильцев и защитников и уговорить их отправиться домой, а не болтаться с дружками-пропойцами. То, чему полагается быть временем покоя и отдыха «под виноградом и смоковницей»[16], превращается в сатурналии и буйство порочных страстей.

Разлетаются по домам лощеные продавщицы — рабочая неделя окончена, — думая о завтрашнем отдыхе и развлечениях; они ловко прокладывают себе кратчайший путь в толпе. Домой тащится усталая домохозяйка с корзиной овощей для воскресного обеда. Домой следует добропорядочный гражданин, нагруженный свертками и пакетами. Домой спешат вымотанные работницы, торопясь накормить ожидающие их голодные рты. Респектабельность расходится по домам, но когда на небосклон выползают надоевшие звезды, на

[16] Примечания: 16
Цитата из Ветхого Завета, означающая домашний покой и уют.

улицы украдкой выбираются странные искореженные создания вроде проказливой нечисти, чтобы прятаться, и кукситься, и бражничать, и пожирать то, что принесет им мрак.

Внизу, на берегу реки, за вагонными депо, за литейными мастерскими, за лесопилками и большими заводами, за счет которых из Хьюстона получился такой прекрасный деловой и торговый центр, торчит кособокая маленькая лачуга. Она сколочена из дранки, старых обшивочных досок, кусков дерева и всяческих обрубков и обрезков, подобранных где попало. Лачуга стоит у самой кромки зловонных и ленивых вод байу; берег за ней поднимается на добрых десять футов, а перед ней, всего в паре шагов, колышется медленная вода.

В этой убогой лачуге живет Крип. Крипу девять лет. Он веснушчатый тощий тихоня. Левой ноги у него нет ниже колена — вместо нее там неуклюжий деревянный обрубок, на котором он хромает с замечательным проворством. Мать Крипа моет три или четыре офиса на Мейн-стрит, а еще берет стирку на дом. Каким-то образом они ухитряются выживать в этом скрюченном домишке, который латал еще папаша Крипа. Несколько лет назад упомянутый папаша как-то ночью в пьяном виде

свалился в реку, и его останки, которые не доели сомы, закопали на берегу в сотне ярдов ниже по течению. С недавних пор свою долю во взаимной поддержке взялся исполнять Крип.

Однажды утром он робко зашел в редакцию «Пост», постукивая протезом, и купил несколько номеров, которые несмело предложил на улице. Товар у Крипа буквально разлетался — люди останавливались и с готовностью брали газеты у тщедушного малька со слабым голосом. Его деревянная нога привлекала взгляды спешащих прохожих, и монетки в пять центов дождем сыпались в его ладонь, пока он не распродавал все номера до последнего.

Как-то утром Крип не зашел за газетами. Не появился он ни на следующий день, ни через два дня. Наконец один из юных газетчиков был допрошен по всей форме насчет Крипова отсутствия.

— А у Крипа того, *невмония*, — ответил тот в нос.

Когда наступил вечер, человек из «Пост», хоть и удрученный грузом невзгод, своих и чужих, надел пальто и отправился петлять по улицам, спускающимся к реке и к лачуге Крипа.

Воздух был промозгл и напоен туманом; огром-

ные лужи после недавних дождей блестели и искрились под электрическими фонарями. Неудивительно, что пневмония наложила свою ледяную руку на хилого, чахлого Крипа, живущего в пропитанной дождевой влагой хибарке у кромки воды. Человек из «Пост» собирался расспросить, приходил ли к Крипу доктор и в наличии ли в доме все необходимое для лечения при его недуге. Шагая по шпалам железнодорожных путей, человек из «Пост» нагнал две фигуры с неуверенной, но благородной осанкой, продвигавшиеся в том же направлении.

Одна из фигур разглагольствовала громко, как заправский вития, но с преувеличенной старательностью, выдающей, что оратор находился на определенной стадии опьянения. Его голос был хорошо знаком хьюстонским гостиным и местным сливкам общества. Его имя — а назовем-ка мы его Старина, ибо именно так к нему обращаются преданные приятели. Их торопливой походкой обогнала мрачно одетая женщина.

Человек из «Пост» чутьем угадал, что она имеет отношение к Крипу, и забросал ее вопросами. Из ее прерывистой речи с густым ирландским акцентом ему удалось выцедить, что доктор к Крипу приходил и что Крип очень болен, но

при нужных лекарствах, уходе и питании, скорее всего, поправится. Сейчас она спешит в аптеку купить — на последний доллар, по ее словам, — лекарство, которое Крип должен принять как можно скорее.

— Я побуду с ним до вашего возвращения, — сказал человек из «Пост», и с пылким «Да блугусловит вас бог, сэррр», женщина растворилась во мраке, спеша к огням города.

Утлое строение, где жил Крип, было возведено на своего рода отмели у самого байу; с берега к нему вели крутые, грубо вытесанные ступени работы почившего архитектора этой лачуги. У верхней ступеньки два столпа общества немного замешкались.

— Старина, — уговаривал один другого, — брось ты эту затею. Чего заразы набираться, ты ведь сегодня на бал идешь! Этот маленький крысеныш-газетчик — ну с чего тебе к нему лично идти? Пойдем, пойдем обратно. Ты столько уже…

— Бобби, — отвечал на это Старина, — неужели я зря столько лет отбалтывал язык, доказывая тебе, что ты с-скотина? Я знаю, что я дьявол светских тусовок и модный потрясала, но я п-йду и ув-вижу эт-того пац-ц-на. Продавал мне г-зеты всю неделю, а теперь лежит больной в этой

крысиной норе! Либо идем со мной, Бобби, либо катись к черту. А я пошел.

Старина сдвинул шелковый цилиндр на затылок и с опасной скоростью зачастил по крутым ступенькам.

Его спутник, видя, что Старину не переубедить, подхватил его под руку, и они вдвоем, покачиваясь и спотыкаясь, принялись спускаться к узенькой отмели.

Человек из «Пост» следовал за ними молча. Джентльмены были слишком поглощены собственным неуверенным продвижением, чтобы заметить его присутствие. Он незаметно обогнал их, поднял задвижку на ветхой двери, пригнулся и вошел в жалкую хибарку.

Крип, с огромными от лихорадки глазами, лежал в углу на сколоченном из горбыля топчане. Маленькие худые беспокойные пальцы нервно двигались на одеяле. Ночной ветер дул изо всех щелей мощными сквозняками, раздувая пламя сальной свечки, прилепленной к деревянному ящику.

— Здрасте, мистер, — сказал Крип. — Я вас знаю. Вы в газете работаете. А меня вот уложила хрипящая боль в груди. Кто в матче-то победил?

— Фицсиммонс, — ответил человек из «Пост»,

взяв горячую веснушчатую ручонку. — Тебе очень больно?

— В каком раунде?

— В первом. Меньше чем за две минуты. Я могу чем-нибудь тебе помочь?

— От эт да! Ничёси скорость! Ну, можете мне попить дать.

Дверь снова распахнулась, и вошли два блестящих представителя человеческой породы. Крип тихо ахнул, когда его быстрые глаза остановились на вошедших. Старина отметил присутствие человека из «Пост» преувеличенно глубоким поклоном, отвешенным, впрочем, из самых лучших побуждений, после чего сделал два шага и остановился у ложа Крипа.

— Что ж это ты, приятель? — сказал он, церемонно приподняв брови. — С чего расклеился?

— Заболел, — отозвался Крип. — Я вас знаю. Вы мне как-то утром дали целый четвертак за газету.

Спутник Старины предпочел держаться на заднем плане. Он все-таки джентльмен в вечернем костюме, макинтоше и при трости, а не какой-нибудь назойливый посетитель.

Он машинально пытался опереться о что-нибудь, но корявая мебель лачуги доверия не

внушала, вот вошедший и стоял неловко с озадаченно нахмуренным лицом, ожидая развития событий.

— Ты, маленький чертенок, — сказал Старина, с притворным гневом улыбаясь маленькой человеческой щепке под одеялом. — Знаешь, почему я пришел тебя навестить?

— Н-н-нет, сэр, — ответил Крип, и лихорадочный румянец гуще выступил на его щеках. Он отродясь не видел ничего столь замечательного, как этот импозантный высокий красавец в черном вечернем костюме, с темными глазами, которые улыбались и хмурились одновременно, с крупным бриллиантом, сверкающим на белоснежной груди, и в блестящем цилиндре, сдвинутом на затылок.

— Джентль… мены, — выговорил Старина с выразительным жестом. — Я и сам не знаю, отчего я сюда пришел, но я ничего не мог с собой поделать. Глазенки этого чертенка не шли у меня с мыслей всю неделю. Я в жизни его не в-в-видел до прошлой недели, но я где-то видел его глаза — давным-давно. Сбзда-ется мне, я знал этого маленького негодника, когда сам был мальчишкой и еще не уехал из Алабамы, но это, джентль-мены, невозможно. Впрочем — Бобби не даст соврать, я

заставил его спуститься со мной проведать этого прихворнувшего парнишку, и т-перь мы д-лжны сделать для него всё, что в наших силах.

Старина обшарил свои карманы и с барственной непринужденностью выложил их содержимое на драное одеяло, которым был укрыт Крип.

— Шпингалет, — торжественно сказал Старина. — Ты должен купить лекарств, поправиться и снова продавать мне газеты. Где, разрази тебя гром, я тебя раньше видел? Ладно, пустяки. Пойдем, Бобби — вот молодец, подождал меня, — пойдем теперь выпь-пьем.

Двое блестящих джентльменов постояли, благородно покачиваясь и делая фасонистые, но безмолвные жесты, обозначающие прощанье, в сторону Крипа и человека из «Пост», и наконец скрылись во мраке. Еще некоторое время можно было слышать, как они подгоняют друг друга, взявшись за подвиг, достойный титанов, — подъем по ступеням, приведшим их сюда.

Вернулась мать Крипа с лекарством и кинулась хлопотать вокруг сына. Она громко вскрикнула от удивления, увидев, что лежит на одеяле, и, не откладывая, принялась за инвентаризацию. Всего там оказалось сорок два доллара бумажками, шесть с половиной долларов серебром, сереб-

ряная пряжка с женской туфли и элегантный перочинный ножик с перламутровой рукояткой и четырьмя лезвиями.

Человек из «Пост» проследил, как Крип принял лекарство и лихорадка начала его отпускать, обещал мальчишке принести газету со статьей о нашумевшем матче и направился восвояси, когда одна мысль заставила его остановиться. Он обернулся от двери:

— Ваш муж… Откуда он был родом?

— О, с вашего разрешения, сэр-р-р, — отозвалась мать Крипа, — из Алабамы он, из приличной семьи. Прирожденный джентльмен — сразу видно было, пока пьянка его не сгубила — а все равно на мне женился.

Уходя, человек из «Пост» услышал, как Крип благоговейно сказал своей матери:

— Тот джентльмен, который оставил эту кучу денег, мам, он же не может быть Бог, потому что боженька не напивается, но если это не Бог, мам, то ставлю целый доллар, что это сам Дэн Стюарт[17]!

Шагая обратно в город по темной дороге, человек из «Пост» сказал себе:

---

[17] Примечания: 17

Дэниел Стюарт (1761–1829) — бригадный генерал джорджианского ополчения, прадед Т. Рузвельта.

— Итак, сегодня мы увидали новую надежду там, где нам и в голову не пришло бы ее искать, и немного тайны прямиком из Алабамы. Э-хе-хе, забавные коленца порой выделывает жизнь.

Меццо[18]-Тинто[19]

Доктор давно забросил постоянную практику, но всякий раз, как попадался интересный случай, его упряжку резвых гнедых можно было видеть у больничных ворот. Молодой, красивый, прекрасный специалист своего дела, обладатель солидного дохода, женившийся полгода назад на прелестной девушке, обожавшей его, — такой судьбе можно только позавидовать.

Было уже девять вечера, когда он приехал домой. Препоручив гнедых конюху, доктор легко взбежал на крыльцо. Дверь отворилась, и руки Дорис порывисто обняли его за шею, а мокрая щека прижалась к его щеке.

— О Ральф, — пролепетала Дорис дрожащим жалобным голосом, — как ты поздно! Ты представить себе не можешь, как мне тоскливо, когда ты не приходишь домой вовремя! Я подогрела для тебя ужин. Как я завидую этим твоим пациентам — сколько им достается твоего времени!

---

[18] Примечания: 18

© Перевод. О. Мышакова, 2025.

[19] Примечания: 19

Особый способ создания гравюр на металле (букв. «черная манера»).

— Какая ты у меня свежая, цветущая и здоровая! Настоящая отрада для глаз после разных симптомов и признаков, которые мне приходится видеть, — отозвался доктор с улыбкой, глядя сверху вниз на юное личико с беспечностью мужчины, уверенного в том, что его любят. — Налей мне кофе, малютка, а я поднимусь переодеться.

После ужина доктор сидел в библиотеке в своем любимом кресле, а жена, примостившись, как она любила, на подлокотнике, подносила зажженную спичку к его сигаре. Казалось, Дорис в упоении оттого, что муж рядом: каждое ее прикосновение было лаской, и каждое ее слово произносилось с той томной, тягучей любовной интонацией, которую женщина бережет лишь для одного мужчины — за раз.

— Потерял-таки я свой интересный случай воспаления мозговых оболочек, — мрачно сказал доктор.

— Ты со мной и в то же время не со мной, — упрекнула его жена. — Твои мысли всегда с твоей работой, даже когда я думаю, что ты весь мой. Ну что ж, — со вздохом продолжала она, — ты помогаешь страждущим, и я бы поглядела, как все эти страдания проходят — пусть даже как у этого твоего пациента с оболочками.

— Престранный казус, — продолжал доктор, небрежно потрепав жену по руке и глядя куда-то сквозь клубы сизого сигарного дыма. — Он должен был поправиться — я его вылечил, а он взял и ни с того ни с сего скончался у меня на руках. Сущая неблагодарность, ибо с его случаем я разделался образцово. Вот черт его побери!.. Сдается мне, он сам хотел умереть. Довел себя до воспаления мозга из-за какого-то бредового романчика.

— Романчика? О Ральф, расскажи! Подумать только — романтика в больнице!

— Утром он пытался рассказать мне об этом между пароксизмами боли. Судороги скрючивали его так, что затылок почти касался пяток и хрустели ребра, однако при этом он умудрился передать мне пунктиром историю своей жизни.

— Как ужасно, — восхитилась Дорис, просунув свою ручку между спинкой кресла и затылком мужа.

— Насколько я сумел разобрать, — продолжал доктор, — его отвергла какая-то девушка, чтобы выйти замуж за более обеспеченного соискателя, и больной утратил всякую надежду и интерес к жизни и поставил на себе крест. Нет, имя ее он назвать отказался — в этом воспаленном мозгу жила безмерная гордость. Он не моргнув глазом

солгал насчет своей фамилии, он подарил свои часы медсестре и говорил с ней как с королевой. Не знаю, смогу ли я когда-нибудь простить его за то, что он умер, — я сотворил для него практически чудо… Короче, он скончался — дай-ка спичку, — и у меня в кармане вещица, которую он просил положить к нему в гроб. Он говорил, что у них всё началось с какого-то концерта, на который они решили не идти, предпочтя прогулку при луне. Девушка разорвала билет пополам и отдала ему половину, оставив себе другую. Вот его половина — красный прямоугольник клееного картона с напечатанным словом «Пропуск». Осторожнее, малютка, у этого кресла очень гладкие подлокотники! Ты не ушиблась?

— Нет, Ральф, я не из неженок… Ральф, как ты думаешь, что такое любовь?

— Любовь? Малютка, любовь — это, безусловно, разновидность легкого помешательства. Разбалансированность ума, приводящая к болезненному состоянию. Своего рода зараза вроде кори. Но всякие до тошноты чувствительные натуры отказываются передавать эту проблему в наши добрые руки для излечения.

Его жена взяла половинку красного билетика и подняла его в пальцах.

— Пропуск, — с нервным смешком сказала она. — Я полагаю, сейчас его уже куда-то пропустили, да, Ральф?

— Вот только куда, — отозвался доктор, раскуривая погасшую сигару.

— Как докуришь, Ральф, поднимайся, — сказала ему жена. — Я немного устала, я подожду тебя наверху.

— Хорошо, малютка, — отозвался доктор. — Сладких снов!

Он докурил сигару и зажег новую.

Было почти одиннадцать, когда он поднялся в спальню.

Свет в комнате жены горел совсем слабо. Она лежала на кровати в одежде. Когда доктор подошел к ней и поднял свесившуюся руку, какой-то стальной инструмент выпал из ее пальцев, звякнув об пол, и доктор увидел на белом лице лежащей медленно расползающийся алый ужас, от которого кровь заледенела у него в жилах.

Он бросился к лампе и прибавил света. Разомкнув губы, чтобы испустить рвущийся наружу крик, он на секунду замер, увидев на ночном столике половинку билета своего покойного пациента. К ней была аккуратно приставлена вторая половинка, и буквы складывались в чет-

кую надпись:
«Пропуск на двоих».

Распутный ювелир[20]

Вы не найдете имя Томаса Килинга в телефонном справочнике Хьюстона. Может, оно бы там и появилось, если б мистер Килинг с месяц назад не закрыл свое дело и не отбыл в другие края. Незадолго до этого мистер Килинг приехал в Хьюстон и открыл маленькое сыскное бюро. Он предлагал свои услуги детектива обществу довольно скромным образом. Он не стремился составить конкуренцию агентству Пинкертона, предпочитая обрабатывать менее рискованные направления.

Если работодателю хотелось вызнать привычки своего клерка или леди желала проследить за подозрительно довольным супругом, такие дела были как раз по плечу мистеру Килингу. Этот тихий серьезный человек с теориями читал Габорио[21] и Конан Дойла и надеялся когда-нибудь сделать карьеру в своей профессии. Раньше он был рядовым сотрудником в крупном детектив-

---

[20] Примечания: 20

© Перевод. О. Мышакова, 2025.

[21] Примечания: 21

Французский писатель, один из основателей детективного жанра.

ном агентстве на востоке страны, но повышать его не торопились, и он решил переехать на Запад, где плотность сыскных бюро на квадратную милю не столь высока.

За несколько лет мистер Килинг скопил девятьсот долларов, которые положил в сейф одного хьюстонского бизнесмена вместе с рекомендательными письмами от их общего знакомого. Он арендовал маленький офис под самой крышей на неторной улочке, вывесил табличку с указанием рода своих занятий и в ожидании клиентов погрузился в чтение рассказов Конан Дойла о Шерлоке Холмсе.

Три дня спустя после открытия бюро, состоявшего из одного мистера Килинга, к нему пожаловал первый клиент.

Это была молодая — на вид лет двадцати шести — леди, худощавая, довольно высокая и изящно одетая. Присев на предложенный мистером Килингом стул, посетительница откинула тонкую вуаль на черную соломенную шляпку, открыв аристократическое лицо с правильными чертами, довольно быстрыми серыми глазами и нервной мимикой.

— Я пришла к вам, сэр, — сказала она приятным, но грустным контральто, — потому что вы,

можно сказать, незнакомец, а я не смогла бы обсуждать свои личные дела с близкими. Я хочу поручить вам проследить за перемещениями моего мужа. Как ни унизительно признаваться, но, боюсь, его любовь мне уже не принадлежит. До свадьбы у него была безрассудная страсть к одной женщине из семьи, у которой он квартировал. Мы с ним женаты пять лет и жили вполне счастливо, но та особа недавно переехала в Хьюстон, и у меня есть причины подозревать, что мой муж оказывает ей знаки внимания. Я хочу, чтобы вы самым пристальным образом следили за его передвижениями и докладывали мне. Я буду заходить к вам через день и справляться, что вам удалось узнать. Меня зовут миссис Р. Мой муж не последний в городе человек, у него ювелирная лавка на Стрит. Я хорошо заплачу за ваши труды — вот вам для начала двадцать долларов.

Леди подала Килингу купюру, и сыщик небрежно принял деньги, будто задаток в двадцать баксов для него самое обычное дело.

Он заверил просительницу, что должным образом выполнит ее просьбу, и попросил зайти через два дня в четыре пополудни за первым отчетом.

На другой день перед началом расследования мистер Килинг принялся прощупывать обста-

новку. Он отыскал ювелирную лавку и зашел туда якобы укрепить стекло своих часов. Ювелир, мистер Р, оказался человеком лет тридцати пяти, усердным и тихим. Магазин у него был небольшой, но с прекрасным ассортиментом, особенно по части бриллиантовых украшений и карманных часов. Путем наведения дальнейших справок мистеру Килингу удалось установить, что мистер Р известен образцовым поведением, в рот не берет спиртного и вечно сидит за какой-нибудь тонкой работой в своем магазине.

Мистер Килинг несколько часов слонялся по улице и наконец был вознагражден появлением ярко одетой черноглазой брюнетки, которая впорхнула в магазин. Мистер Килинг прогуливался мимо витрин, дабы видеть, что происходит в ювелирной лавке. Молодая женщина уверенно прошла внутрь, перегнулась через прилавок и фамильярно заговорила с мистером Р. Тот поднялся со своего стула, и они принялись о чем-то тихо совещаться. Наконец ювелир дал брюнетке несколько монет — мистер Килинг услышал их звон, когда монеты перешли к ней в руки, — после чего брюнетка покинула лавочку и удалилась торопливой походкой.

Клиентка явилась в контору точно в назна-

ченное время. Она сгорала от желания узнать, видел ли сыщик что-нибудь подтверждающее ее подозрения. Килинг рассказал ей о результатах своего наблюдения.

— Это она, — не выдержала леди, когда он описал молодую брюнетку, посетившую магазин. — Дерзкая, бесстыжая дрянь! Значит, Чарльз дает ей деньги? Боже мой, до чего дошло!

И леди нервно прижала носовой платок к глазам.

— Миссис Р, — начал Килинг, — каково будет ваше желание касательно дальнейших шагов? До какого, м-м-м, события мне продолжать расследование?

— Я хочу своими глазами увидеть достаточно, чтобы увериться в справедливости моих подозрений. И мне нужен свидетель, чтобы я могла подать на развод. Я не стану дольше терпеть ситуацию, в которой оказалась не по своей воле.

И она подала сыщику десятку.

Через день, когда леди пришла выслушать новый отчет, мистер Килинг отрапортовал:

— Сегодня я наведался в лавку под пустячным предлогом. Молодая брюнетка уже находилась там, но надолго не задержалась. Перед уходом она сказала: «Будь по-твоему, Чарли, давай устроим

веселый ужин, а после вернемся сюда и вволю поболтаем, пока ты будешь заканчивать оправу бриллиантовой брошки». По моему разумению, миссис Р, сегодняшний вечер просто создан для того, чтобы вы своими глазами увидели свидание вашего супруга с предметом его безрассудной страсти и удовлетворили вашу жажду познания реального положения дел.

— Негодяй! — вскричала леди, сверкнув глазами. — А мне за обедом сказал, что задержится допоздна за какой-то важной работой! Так вот как он проводит время без меня!

— Я бы предложил вам, — вставил детектив, — заранее спрятаться в магазине, чтобы услышать, о чем они будут говорить, и когда вы узнаете достаточно, позовите свидетелей и уличите своего мужа перед ними.

— То что нужно! — ухватилась за предложение леди. — И вот еще что: полицейский, который патрулирует улицу, — старинный знакомый нашей семьи. Ввиду своих обязанностей он с наступлением темноты будет находиться поблизости от магазина. Отчего бы вам не объяснить ему суть дела, а когда я услышу достаточно, не войти вместе с ним в качестве свидетелей?

— Я с ним поговорю, — обещал Килинг, — и по-

стараюсь заручиться его содействием. Пожалуйте ко мне незадолго до темноты, и мы устроим им ловушку.

Отыскав полицейского, сыщик объяснил ему ситуацию.

— Забавно, — сказал страж порядка. — Вот уж не знал, что Р такой проказник. Хотя чужая душа — потемки. Стало быть, жена решила накрыть его сегодня вечером? Хочет притаиться в магазине и подслушать, как они воркуют? За магазином есть тамбур, где Р держит уголь и старые коробки. Дверь из тамбура, конечно, заперта, но, если вы сможете провести леди тем путем в магазин, она где-нибудь спрячется. Не хочется мне в это лезть, но я ей сочувствую. Я знаю ее с самого детства и в беде не оставлю.

Уже стемнело, когда клиентка стремительно вошла в офис Килинга, одетая во все черное. Лицо прикрывала вуаль, спускающаяся с полей круглой шляпы.

— Если Чарли меня увидит, он меня не узнает, — пояснила женщина.

Мистер Килинг вместе с леди Р прогуливались взад-вперед по Стрит, когда в восемь часов молодая брюнетка впорхнула в ювелирный магазин. Почти сразу она вышла с мистером Р, взяла его

под руку, и они поспешили куда-то — должно быть, на веселый ужин.

Сыщик почувствовал, как задрожала рука леди.

— Вот негодяй, — горько сказала она. — Думает, я дома, ничего не подозреваю и жду его, пока он предается разгулу в объятьях этой хитрой, коварной распутницы! О вероломство, имя тебе — мужчина!

Через крытый коридор мистер Килинг провел леди на задний двор. Дверь черного хода, ведущая в тамбур, была лишь притворена. Они вошли.

— В магазине, — сказала миссис Р, — у прилавка, где работает мой муж, стоит большой стол. Скатерть свисает до самого пола. Если я заберусь под стол, то услышу каждое слово.

Мистер Килинг вынул из кармана внушительную связку отмычек и вскоре подобрал ту, которая справилась с замком. Магазин был едва освещен одним газовым рожком, прикрученным на самый минимум.

Леди перешагнула порог и сказала:

— Я запрусь изнутри на засов, а вы следите за моим мужем и той женщиной. Проверьте, ужинают ли они, и если да, то, когда они пойдут назад, вернитесь в тамбур и трижды постучите

в дверь. Когда я услышу достаточно, я отодвину засов и мы вместе потребуем объяснений у этой парочки развратников. Не исключено, что мне понадобится ваша защита — я не знаю, что они попытаются сделать со мной.

Сыщик бесшумно покинул тамбур и отправился за ювелиром и брюнеткой. Вскоре он убедился, что они заняли отдельный кабинет в уединенном ресторанчике и наслаждаются ужином. Килинг дождался, когда они выйдут, и поспешил в ювелирную лавку; вошел с черного хода в тамбур и трижды постучал в дверь.

Почти сразу вернулись ювелир и брюнетка, и сыщик через щелочку в двери увидел, как в магазине прибавили света. Он слышал мужской и женский голоса — общение было фамильярным и без пауз, — но не мог разобрать слов. Килинг покинул свой пост, вышел крытым коридором и заглянул с улицы через витрину. Мистер Р сидел на привычном месте у прилавка и увлеченно работал, а брюнетка, присев рядом с ним, о чем-то щебетала.

«Дам им немного времени», — подумал мистер Килинг и не спеша прошелся по улице.

Полицейский стоял на углу.

Сыщик сообщил ему, что миссис Р успела спря-

таться в магазине и что план сработал лучше некуда.

— Я иду обратно, — сказал мистер Килинг, — чтобы быть наготове, когда леди захлопнет ловушку.

Полицейский направился к магазину вместе с Килингом и поглядел в витрину.

— Вроде помирились, — отметил он. — Куда соперница-то делась?

— Как, вон же она, сидит рядом с ювелиром! — сказал сыщик.

— Я про девицу, которую Р водил на ужин.

— И я про нее, — ответил Килинг.

— Вы что-то перепутали, — сказал полицейский. — Кто, по-вашему, сидит рядом с Р?

— Женщина, которую он водил в ресторан.

— Это его жена, — сказал полицейский. — Я ее пятнадцать лет знаю.

— Тогда кто же… — начал сыщик. — Боже всемогущий, кто же тогда сидит под столом?

Мистер Килинг затарабанил в дверь. Мистер Р подошел и открыл им. Полицейский и детектив ввалились в магазин.

— Проверьте под столом, быстро! — заорал Килинг.

Полицейский приподнял скатерть и выгреб

из-под стола длинное закрытое платье, черную вуаль и женский черный парик.

— Эта леди — в-в-ваша жена? — взволнованно спросил мистер Килинг, наставив палец на черноглазую молодую женщину, взиравшую на вошедших с превеликим удивлением.

— Разумеется, — с достоинством ответил ювелир. — А что, разрази вас гром, вы ищете у меня под столами и ради чего едва не снесли мою дверь с петель, разрешите узнать?

— Проверьте футляры в витрине, — вмешался полицейский, начиная понимать ситуацию.

Пропавшие бриллиантовые кольца и часы оценили в восемьсот долларов, и на следующий день мистер Килинг оплатил счет.

А ювелиру в ту ночь были предложены объяснения. Часом позже сыщик сидел в своей конторе, лихорадочно листая альбомы с фотографиями преступников.

Наконец он нашел нужное фото и перестал переворачивать листы и рвать на себе волосы. Под фотографией гладколицего молодого человека с тонкими чертами значилось:

«Джеймс Х. Миггле, он же Саймон Ловкач, он же Плачущая Вдовушка, он же Шулер Кейт, он же Джимми Проныра. Вор на доверии и взлом-

щик. Предпочитает работать, переодевшись в женщину. Легко входит в доверие, опасен. Разыскивается в Канзас-Сити, Ошкоше, Новом Орлеане и Милуоки».

Вот почему мистер Томас Килинг решил не продолжать сыскную карьеру в Хьюстоне.

Мираж во Фрио[22]

Овцевод отказался от предложенной спички и прикурил трубку от горящей головни. Мы выбрались на рыбалку в Буффало-Байу[23] и уже успели приготовить и съесть ужин. Жареная свежевыловленная рыба, кукурузный хлеб, картофель, хрустящий бекон для аромата — словом, вышел такой пир, что за ушами трещало.

Разлегшись на траве, мы воскурили фимиам богине Никотин. Луна окружила себя романтическим ореолом в восточной части неба и пролила белое мерцающее сияние на черную воду канала. Бесплотный буксир полз вниз по течению, оставляя за собой зыбкую серебристую дорожку и таинственный плеск волн о невидимые берега. Москиты сердито гудели у границ висевшего над нами табачного облака. Влажный свежий запах поднимался от лопавшихся почек и диких цветов. Мы впятером сидели в светотени из живых дубов и кипарисов и от души трепались,

---

[22] Примечания: 22

© Перевод. О. Мышакова, 2025.

[23] Примечания: 23

Городской парк в Хьюстоне.

как большинство людей, когда Ночь, великая развязывательница языков, пришла на смену сдержанному Дню.

Ночь нужно винить в том, что поэты, в нарушение обещаний, выдают секреты и бесцветные истории. Мужчина, который в лунную весеннюю ночь не расскажет больше, чем знает, — большая редкость. Четверо из нас успели более или менее очерстветь к влиянию лунного света и роз, но пятый был достаточно молод, чтобы заметить смягчающий эффект поцелуя Луны на макушках темных деревьев, воздушную перспективу длинных облаков и смутно белевшие в темной древесной чаще глазищи цветов кизильника. Он смотрел вокруг и выкладывал свои мысли без лишних прилагательных, а мы, много повидавшие на своем веку путники, только хмыкали в ответ, попыхивали сигарами и трубками и отказывались поддерживать разговор о таких пустяках.

— Разве это не прекрасно? — спрашивал молодой человек. — Небо походит на тайный храм из сновидений, сумрачный лес напоен тайной, тишина нарушается лишь едва уловимым дыханием природы…

— Мило, спору нет, — ответил ему страховой

агент, — но позвольте мне вам сказать: я видывал людей, заработавших неизлечимую хворь на берегах этого старого байу. Чувствуете, как влажность усиливается с каждой минутой? Человеку не дано знать будущего, а если мужчина обременен семьей, он тем более должен…

— Заткнись, — вспылил аптекарь. — Раз уж такой разговор, посоветуй меня своему невезучему знакомому! Мы здесь ради удовольствия, в увеселительной, можно сказать, поездке, а я должен слушать чьи-то разглагольствования о делах! Что касается твоей якобы неизлечимой малярии, два флакона моего…

— И этот туда же, — вмешался юрист. — Вы, парни, так накатали привычную колею, что не можете никуда свернуть. Посадите меня на место свидетеля, и я присягну, что никогда не говорю о делах за стенами офиса. Выведите меня из зала суда, если это не так!

— Эта ночь, — сказал овцевод, — напоминает мне ту, когда я заплутал в кустарнике у Фрио. Такая же ночь стояла перед утром, когда я увидел мируж.

— Как-как? Мираж, может быть? — перебил его молодой человек.

— Не, — отозвался овцевод, — не «как мираж»,

а мируж, причем самый явственный из тех, что попадались мне на глаза. С ним тоже вышло не пойми что, и я нечасто об нем говорю, уже убедившись, что недоверие так и ждет за углом моего рассказа.

— Закуривай, — предложил аптекарь, потянувшись за мешком с табаком. — И выкладывай свою байку. Сейчас на свете почти не осталось такого, во что нельзя поверить.

— Стояла тогда осень восьмидесятого года, — начал овцевод. — Вел я овечий бизнес в округе Ла Салль. Налетел сильный северный ветер и разогнал мое стадо в полторы тысячи голов к чертям собачьим. Пастух ни хрена не смог сделать — овцы разбежались кто куда по зарослям чапараля. Ну, сел я на своего мерина и битый день их собирал. До вечера большую часть согнал. Мимоезжий мексиканец сказал мне, что на пересечении Пало Бланко и Фрио пасется большой овечий «тахо». Я туда. На закате выезжаю на равнину, заросшую мескитником, а вокруг ни черта не видать дальше, чем на пятьдесят ярдов. Вот там я и заблудился. Не то четыре, не то пять часов мой меринок плутал по зарослям колючей юкки, наматывая круги и не больше моего соображая, куда нас занесло. К полуночи я плюнул,

привязал мерина и улегся, укрывшись попоной, ждать утра. Я с ума сходил от беспокойства, как там жена с ребенком, — они остались на ранчо одни, и я не сомневался: перепугаются до смерти. Бояться-то вообще нечего было, но вы же знаете женское племя: только ночь придет, они уж и обмирают, особенно когда на десять миль вокруг нет соседей.

Проснулся я на рассвете, огляделся и сообразил, где я. Прямо оттуда, где я стоял, было видно дорогу в Форт-Ивелл и большой высохший вяз на обочине — короче, места знакомые, до ранчо восемнадцать миль. Я прыгнул в седло и тут, глянув из Фрио в сторону дома, увидел мируж. Миружи эти, кстати скажу, чудо чудное. Я их за жизнь и видел-то три или четыре штуки. Утро выдалось сырое, по небу плыли тучные курчавые облака, и лощины были полны туманом, словно молоком. И вот вижу я свое ранчо, дом, загон для стрижки овец, изгородь с висевшими на ней седлами, поленницу, а перед ней топор, воткнутый в бревно, — короче, весь двор как на ладони, а вокруг меня-то туманное утро! Все казалось каким-то призрачным, выше и больше, чем на самом деле, но я разглядел даже белые занавески на окнах и ягнят, щипавших траву в загоне. Меня даже в

пот бросило от этакой картины, притом что я-то находился в восемнадцати милях.

Тут гляжу, открывается дверь и выходит моя жена с малышом на руках — я ей едва не крикнул что-то. Сами понимаете, я был рад ее увидеть и убедиться, что с ней и дитем все в порядке. И тут замечаю — сбоку маячит крупное черное пятно. Скоро оно стало четче, будто кто фокус навел. Вижу, мексиканец в широкополом сомбреро подъехал к изгороди и остановился. Постоял с минуту, и тут моя жена опрометью бросилась в дом и заперлась там. Гляжу, мексиканец спрыгнул с лошади, подергал дверь, пошел к поленнице, выдернул топор, вернулся и давай крушить дверь. Тут мируж начал бледнеть и таять. Не знаю, что на меня нашло, но я как дурень выдернул из чехла мой «винчестер», поймал негодяя на мушку и выпалил. Костерил я себя как последнего дурака — поди-ка подстрели кого с восемнадцати миль! Я не глядя сунул «винчестер» обратно в чехол, дал шпоры меринку и рванул через заросли, как кукушка за гремучей змеей.

Восемнадцать миль я одолел за восемьдесят минут. На дорогу не выезжал ни разу — ломился сквозь чапараль, сигал через опунции, перемахивал высохшие русла ручьев. Доехав до

ранчо, я ссыпался с моего меринка, а тот привалился к изгороди — пот с него ручьями тёк — и с невыразимым укором уставился на меня. Не отдышавшись, я перепрыгнул изгородь и в несколько прыжков оказался у задней двери. Взбежав на крыльцо, я истошно заорал, зовя Салли, — собственный голос показался мне незнакомым, не таким каким-то. Дверь открылась, и из дому кубарем выкатились мои жена и ребенок, невредимые, но всполошенные, как стая крякв.

— О Джим, — начала жена, — где, ну где ты был? Пьяный мексиканец напал на наш дом и чуть не изрубил нам дверь топором!

Я пытался что-то спросить, но слова не выходили.

— Погляди сам! — сказала Салли.

Дверь с другой стороны была разнесена в щепки, топор валялся на пороге, а мексиканец лежал на земле с разнесенной пулей из «винчестера» головой.

— Кто же его застрелил? — заинтересовался юрист.

— Я вам сказал всё, что знаю, — ответил овцевод. — Со слов Салли, мексиканец рубил дверь и вдруг упал замертво. Выстрела она не слышала. Я не лезу ничего объяснять, я вам говорю, как оно

было. Можете думать, что из кустов его кто увидел за грязным делом и пристрелил, использовав бесшумный порох, а потом смылся, не оставив визитной карточки. Или решайте, что вы ничегошеньки не поняли, как и я.

— А вы не думаете, что… — начал молодой человек.

— Нет, я не думаю, — оборвал его овцевод. — Еще раз: я вам толкую про мируж, который видел, и передаю как есть, что было дальше. У нас в кофейнике кофе еще остался?

Волосы Падеревского[24]

Вчера в ротонде Нью-Хатчинса человек из «Пост» имел удовольствие встретить полковника Уорбертона Поллока.

Полковник Поллок — наша знаменитость. Он может похвастаться, пожалуй, самым обширным кругом знакомств с выдающимися людьми современности по сравнению со всеми ныне живущими. Он остряк, талантливый рассказчик, прирожденный дипломат и опытный путешественник, всюду побывавший и всё повидавший. Ничто не доставляет ему такого удовольствия, как делиться своими увлекательными воспоминаниями с благодарными слушателями. Рассказов полковника Поллока о знаменитых мужчинах и дамах хватило бы на несколько томов.

Полковник Поллок изволит постоянно проживать в номере люкс одного вашингтонского отеля, где, впрочем, его редко можно застать. Лето полковник проводит в Европе, в основном в Неаполе и Флоренции, но редко задерживается на одном месте дольше нескольких недель или

---

[24] Примечания: 24

© Перевод. О. Мышакова, 2025.

месяцев.

Сейчас г-н Поллок направляется в Южную Америку, где его внимания потребовали паи в неких тамошних ценных лесах красного дерева.

Полковник Поллок легко и непринужденно живописует свои приключения и дарит восхищенным слушателям, ловящим каждое его слово, бесподобные истории о разных знаменитостях.

— А рассказывал ли я вам о происшествии, — начинает он, попыхивая черной длинной «Принсипе», — которому стал свидетелем в Африке несколько лет назад? Нет? Говорят, в Хьюстон скоро приезжает Падеревский[25], а значит, мой рассказ будет не совсем неуместен… Все, конечно, слышали о замечательной шевелюре Падеревского. Однако мало кто знает, где он ее раздобыл. Дело обстояло так. Собралась у нас компания любителей львиной охоты; желание посетить Африку изъявили Нат Гудвин[26], Падеревский,

---

[25] Примечания: 25
Польский пианист и композитор.

[26] Примечания: 26
Американский актер.

Джон Л. Салливан[27], Джо Пулитцер[28] и ваш покорный слуга. Слава еще не остановила на нас свой благосклонный взор, но честолюбия нам было не занимать, и все стосковались по отдыху и развлечениям. Словом, подобралась веселая компания близких по духу молодых людей. На месте мы наняли проводников, запаслись провизией и патронами и отправились в дикие дебри Замбези.

Каждому из нас не терпелось добыть льва, и мы углубились в самые глухие, неизведанные районы.

Ночами мы прекрасно проводили время у лагерного костра, болтая, подтрунивая друг над дружкой и от души веселясь.

Падеревский был среди нас единственным, кто уже зашибал немалые деньги. Звезда его славы стремительно восходила, его игра производила фурор, и благодаря своим сольным концертам он успел сколотить кругленькое состояние.

Как-то раз перед обедом Гудвин, Салливан и мы с Падеревским предавались праздности в лагере. Все утро мы охотились, но неудачно; Пулитцер

---

[27] Примечания: 27
Американский боксер.

[28] Примечания: 28
Американский издатель и журналист.

еще не вернулся. Гудвин и Салливан затеяли спор о правильных способах уклоняться и отбивать апперкот, который прославил Хинан[29]. Вы знаете, что Нат Гудвин и сам спортсмен, а руками работает как профессионал. Падеревский всегда был тихоней, но беззлобным и обаятельным, и все его любили. Он сидел на пне бананового дерева, уставясь куда-то вдаль с мечтательным выражением в своих магнетических глазах. Я снаряжал патроны и обратил внимание на разговор, лишь когда Салливан с Гудвином заспорили на повышенных тонах.

— Имей я пару боксерских перчаток, я бы живо доказал, что прав! — горячился Нат.

— Жаль, что у тебя их нет, — парировал Джон. — Через минуту ты бы родную маму не узнал!

— Ты и двух минут не выстоишь против того, кто знает основы бокса, — стоял на своем Гудвин. — Только на весе и суетне своей выезжаешь!

— Перчатки бы нам сейчас! — скрипнул зубами Джон.

И, будто сговорившись, они обернулись к Падеревскому.

---

[29] Примечания: 29
Бобби Хинан — американский менеджер и комментатор в рестлинге.

В то время у Падеревского были угольно-черные волосы, прямые и гладкие, как у индейца, закрывавшие полспины.

Салливан и Гудвин бросились на него одновременно. Не знаю, кто из них это вытворил, но в общей свалке блеснул нож, и две секунды спустя с Падеревского сняли скальп, да так ловко, будто трудились команчи.

Спорщики разделили его густейшую шевелюру пополам, затолкали сколько надо волос в кожаные подсумки, затянули ремешки на запястьях и принялись лупить друг друга, как настоящие боксеры на ринге, своими импровизированными боксерскими перчатками.

Падеревский взвыл от боли и смятения, в ужасе схватившись за лысую голову.

— Я погиб! — кричал он. — Моей профессиональной карьере конец! Как же я теперь буду?

Я пытался растащить Джона и Ната, но схлопотал удар тыльной стороной перчатки «из Падеревского» и отлетел в гигантский кактус.

В это время в лагерь вернулся Джо Пулитцер, таща за хвост огромного убитого льва, подстреленного в зарослях сахарного тростника на реке.

— Что тут у вас-с проис-сходит? — осведомился он, оглядывая через очки двух боксеров, которые

обменивались ударами и контрударами, и Падеревского, который стонал и причитал, горюя о потерянном скальпе.

— Я бы не расстался с волосами и за пять тысяч долларов! — стенал он.

— А что ты даш-шь, — начал Пулитцер, — за новую ш-шевелюру, ничуть не хуж-же преж-жней?

Он подошел к Падеревскому, они несколько минут шептались, после чего Джо достал рулетку и измерил окружность головы Падеревского. Вынув нож, он вырезал из гривы льва кусок нужного размера, нахлобучил его на Падеревского, как следует прижал и закрепил легкой повязкой.

Это прозвучит почти невероятно, но через три дня кожа приросла, боль утихла, и сейчас Падеревский щеголяет великолепной гривой густых рыжевато-каштановых волнистых волос, какими редко доводится полюбоваться.

В тот вечер за палаткой Падеревский отдал Пулитцеру чек, и, поверьте, нулей там хватало. Точной суммы я не знаю, но по возвращении в Нью-Йорк Джо купил «Уорлд»[30] и с тех пор процветает.

А Падеревский знай себе богатеет — эта львиная

---

[30] Примечания: 30

«Нью-Йорк Уорлд» — газета, которой почти сорок лет руководил Джо Пулитцер.

грива еще сделает его миллионером. Я никогда не слышал, чтобы он терзал басовую октаву рояля. Мне эти звуки напоминают рычанье льва в южноафриканских лесах — держу пари, что и Падеревскому тоже.

— Мне нравятся люди сцены, — продолжал полковник Поллок. — Они, как правило, самые жовиальные компаньоны. Года не проходит, чтобы я не сколотил дружной компании для очередного приятного путешествия, и всякий раз в наши ряды непременно затешутся два-три актера. Взять хоть год или два назад, когда мы три месяца путешествовали: с нами были Девольф Хоппер[31], доктор Паркхерст[32], Буффало Билл[33], Юджин Филд[34], Стив Броуди[35], сенатор Шерман, Генерал Кокси[36] и великий фокусник

---

[31] Примечания: 31
Американский актер, певец и продюсер.

[32] Примечания: 32
Священник и социальный реформатор.

[33] Примечания: 33
Прозвище У. Коди, американского военного, охотника и шоумена.

[34] Примечания: 34
Американский писатель.

[35] Примечания: 35
Американский киноактер.

[36] Примечания: 36

Американский политик и «вечный кандидат», дважды возглавлявший марш протеста «Армии безработных» на Вашингтон и получивший прозвище Генерал Кокси.

Херрманн.

Мы гостили у принца Уэльского на его паровой яхте «Альбион». Никто из нас не бывал в Австралии, и принц захотел показать нам эту страну. Плавание стало поистине незабываемым. Подобралась веселая компания близкой по духу молодежи, так что путешествие на яхте превратилось в нескончаемый банкет с буйными шалостями.

Мы высадились в Мельбурне, где нас встретил губернатор Виктории в сопровождении всего лишь нескольких официальных лиц, так как принц заранее предупредил письмом, что хочет сохранить строгое инкогнито. Через день-два принимающая сторона устроила нам небольшой тур по Новому Южному Уэльсу, дабы показать страну и дать нам понятие о великолепно развитой горнодобывающей отрасли и овцеводстве. Мы посетили Уоггу-Уоггу, Джамбо Джанкшен, Наррандыру[37], а оттуда верхом на лошадях двинулись по зеленым равнинам Каддлдури.

Когда мы прибыли в городок Кобар — средоточие австралийского овцеводства, — живущие там англичане узнали принца, и через час весь

---

[37] Примечания: 37
Реальные и вымышленные австралийские города.

Кобар ходил за нами по пятам, оглашая воздух верноподданническими криками восторга и распевая «Боже, храни королеву».

— Это раздражает, Поллок, — сказал мне принц, — но теперь с этим ничего не поделать.

Наша компания углубилась в сельские районы для экскурсии по овечьим ранчо, и по меньшей мере две сотни горожан увязались за нами, глядя на нас с глубочайшим восхищением и интересом.

Кажется, тогда выдался неудачный год для овцеводов, и будущее виделось им в самом черном свете. Чувствительной проблемой для Австралии остается заполонившее континент плодовитейшее племя кроликов, которые подчистую съедают траву и кусты, порой уничтожая решительно всю растительность на значительных площадях. Правительству было настоятельно рекомендовано выделить около пятидесяти тысяч фунтов на проект уничтожения этих ушастых вредителей, но подробности пока не разглашаются.

В годы, когда кролики особенно разрушительны, овцеводы несут значительные потери, лишаясь овечьих пастбищ. В год нашего визита кролики едва не подорвали экономику целой страны. Отдельные овечьи стада пыта-

лись продержаться, обгладывая высокие ветки, до которых кролики не доставали, но основное поголовье овец пришлось перегонять вглубь материка. Австралийцы отнеслись к происходящему очень болезненно и вскипали при одном слове «кролик».

Около полудня мы остановились на пикник у маленькой деревушки. Слуги принца накрыли прекрасный стол с холодными закусками из консервированной дичины, фуа-гра и холодной птицы. Принц заранее заказал большую партию вин, и мы насладились изысканным пиршеством.

Обитатели деревни и овцеводы — всего их собралось около сотни — слонялись неподалеку. О, какой голодный вид был у этих изможденных бедняг!

Но есть ли в мире более неунывающий, сердечный и компанейский человек, чем великий престидижитатор Херрманн? Настоящая душа компании! Едва вино принца добавило ему развязности, он принялся показывать фокусы. Он подбрасывал предметы в воздух, так что они исчезали из виду, превращал воду в разноцветные жидкости, готовил омлет в шляпе, и вскоре нас окружили пораженные, открывшие рты от

удивления бушмены — как английского, так и местного происхождения.

Херрманн, польщенный нескрываемым изумлением и вниманием зрителей, вышел на открытое место, чтобы его было лучше видно, и начал вытаскивать кроликов из рукавов, из-за пазухи и из карманов — всего не менее полудюжины. Он кидал зверьков на землю, и как только они убегали, гениальный иллюзионист извлекал новых на глазах у остолбеневших туземцев.

Внезапно с оглушительным воплем овцеводы похватали дубинки и булыжники, обнажили длинные охотничьи ножи и кинулись на нас.

Принц схватил меня за локоть.

— Уносите ноги, Поллок! — крикнул он. — Они окончательно взбесились от этих кроликов! Нас поубивают, если не удрать.

— Сдается мне, — продолжал полковник Поллок, — тогда я чудом разминулся со смертью. Я чесанул во всю прыть, спасаясь от примерно сорока туземцев, причем некоторые то и дело бросали в меня копья и бумеранги. Одолевая небольшой холм, я обернулся и успел увидеть, как Стив Броуди прыгнул с моста в реку Меррамбиджи с высоты по меньшей мере двести футов. В итоге вся наша компания спаслась, хотя неко-

торые вернулись лишь спустя два-три дня. Им пришлось несладко: сенатор Шерман провел две ночи в буше и остался жестоко обморожен.

Насколько мне известно, в новом сезоне Деволф Хоппер намерен поставить спектакль по мотивам этого инцидента и выйти на сцену в роли кенгуру.

Кокси туземцы схватили на берегу речушки, в которую он не решился войти, и потащили в английский мировой суд, который отпустил его на следующий день. Принц отнесся к происшествию как к хорошей шутке — его высочество во всех отношениях славный малый, что и говорить.

— Когда-нибудь, — заключил полковник Поллок, вставая, чтобы принять телеграмму, — я расскажу вам о своих приключениях в римских катакомбах, где я оказался вместе с Ральфом Уолдо Эмерсоном[38], Барни Гиббсом[39] и одним персидским шахом.

Полковник Поллок отбывал той же ночью поездом в Сан-Антонио по пути в Мехико.

---

[38] Примечания: 38
Американский поэт и эссеист.

[39] Примечания: 39
Американский певец и композитор.

Тайна веков[40]

Еще каких-нибудь несколько лет назад средства передвижения, коими природа наделила прекрасный пол, почитались священной тайной; любопытствовать — означало практически святотатствовать.

Костюм для езды на велосипеде обнаружил тот факт, что у них там две… ну, словом, их там две. Поскольку мужчина преклонялся и поклонялся тому, чего не мог ни постичь, ни увидеть, с разодранным покровом тайны его благоговение ушло. Целые поколения считали, что дама, когда ей нужно куда-нибудь переместиться, вот как-то берет и туда попадает. Переносит ли ее, как Венеру, незримая колесница, влекомая парой молочно-белых голубиц, или она плывет над землей незаметно глазу силой собственной милой воли — восхищенный мужчина об этом не задумывался. Он лишь знал: тихий шорох невидимых глазу одежд, чарующее шуршание чего-то колеблемого, но неизвестного, — и любимая уже стоит на другом месте. Ему оставалось только

---

[40] Примечания: 40

© Перевод. О. Мышакова, 2025.

гадать, как это происходит, обожая, но не любопытствуя. Иногда под белоснежным кружевным рюшем нижних юбок мелькал носок крошечной туфельки или на изящном подъеме взблескивала серебряная пряжка, но отсель воображение отступало, смятенное и восхищенное. В старину сладчайшие из поэтов воспевали, перебирая струны своих лютен, сии крошечные конечности, и романтика не уступала им в высокопарности, сплетя бессмертную легенду о Золушке и хрустальной туфле. Придворные любезники высоко поднимали шелковую обувку предмета своей страсти и наполняли ее шампанским, выпиваемым за ее здоровье. Где же герой-велосипедист, который возьмется осушить за здравие своей возлюбленной ее велосипедный штиблет, наполненный пивом?

Таинственная, страдающая от безнадежной любви дева уже не бросает на нас розы из окошка с частым переплетом и не вздыхает по нам из высокой башни. Она спустилась, одолжила нашу одежду, стала нашим товарищем и требует равных прав. Мы уже не выражаем ей свое восхищение полуночными серенадами и сонетами; мы шлепаем ее по спине и радуемся, какой у нас теперь отличный приятель.

Но нас томит смутное желание вставить такое объявление в каждую газету на свете:

«Пропала девица, одетая в длинные юбки, не разучившаяся заливаться румянцем; на шее табличка “Руки прочь”. Вернувшему — щедрое вознаграждение».

На днях человек из «Пост» встретил приятного джентльмена ясного ума, твердой памяти и солидного возраста, рыцаря старой школы, которому невыносимо видеть, как женщины сходят с привычного пьедестала.

Он проводил взглядом попавшуюся навстречу велосипедистку. Человек из «Пост» спросил, что он об этом думает.

— Никогда не видел леди на велосипеде, — признался джентльмен. — Но я лишний раз убеждаюсь во всемогуществе божием, ибо дамы и впрямь передвигаются непостижимым образом, пуская в ход свои чары.

Диковинный случай[41]

На днях репортер из «Пост» подстерег молодого хьюстонского врача, с которым был коротко знаком, и зазвал его в кафе насладиться охлажденным лимонадом. Врач согласился, и вскоре они уже сидели в тихом уголке под электрическим вентилятором. После того как врач заплатил за лимонад, репортер перевел разговор на его практику и спросил, не попадались ли ему в последнее время какие-нибудь курьезы природы.

— Как же, сколько угодно, — отозвался доктор. — О многом я вынужден умолчать из соображений профессиональной этики, но есть довольно любопытные случаи, не требующие особой скрытности. Несколько недель назад мне попался таковой. Я счел его весьма необычным и, пожалуй, готов рассказать подробно, не называя имен.

— Непременно так и сделайте, — подхватил репортер. — А пока будете рассказывать, давайте выпьем еще лимонада.

При этих словах молодой врач посерьезнел, но,

---

[41] Примечания: 41

© Перевод. О. Мышакова, 2025.

сунув руку в карман и найдя там еще четверть доллара, согласился.

— С неделю назад, — начал он, — я сидел у себя в ожидании пациентов, когда услышал шаги. Я поднял голову и увидел, как в кабинет вошла прелестная молодая леди. Ее шатало из стороны в сторону, она сильно кренилась при каждом шаге и лишь с величайшими усилиями смогла дойти до стула, который я для нее выставил. В ее лице, очень красивом, я заметил признаки подавленности и меланхолии.

— Доктор, — сказала она мелодичным, но грустным голосом, — я хочу проконсультироваться с вами насчет моего заболевания. Оно чрезвычайно необычно, и мне придется злоупотребить вашим терпением, начав утомительно пространный экскурс в мою семейную историю.

— Мэм, — ответил я, — располагайте моим временем. Все, что может пролить свет на причины вашего недомогания, существенно поможет мне в установлении диагноза.

Леди поблагодарила меня улыбкой, которая на мгновенье стерла скорбные линии с ее лица.

— Мой отец, — начала она, — из Адамсов Восточного Техаса. Вы о них, конечно, слышали?

— Возможно, — согласился я, — но фамилию

Адамс нельзя назвать редкой, поэтому…

— Это несущественно, — продолжала леди, сделав жест прелестной ручкой. — Пятьдесят лет назад между семьей моего деда и еще одним старинным родом техасских переселенцев, Редмондов, возникла кровная вражда. Пролитая обеими сторонами кровь и бесчеловечные деяния могли бы заполнить не один книжный том. Словно воскресли ужасы кровной мести старого Кентукки и Западной Виргинии: Адамсы истребляли Редмондов, стреляя в них из-за забора, за столом во время обеда, в церкви — где угодно, и Редмонды не уступали им в изобретательности. Самая свирепая ненависть, какую только можно себе представить, пылала между ними. Они отравляли друг другу колодцы, убивали скот, и если Адамс встречал Редмонда на дороге, в живых оставался только один. Каждая семья учила своих детей ненавидеть противника, едва малыши начинали лепетать первые слова; наследственная антипатия передавалась от отца к сыну и от матери к дочери. Тридцать лет продолжалось взаимное истребление: смертоносные винтовка и револьвер одного за другим почти извели представителей враждующих родов, пока двадцать лет назад в живых не осталось всего

по одному носителю враждующих фамилий. Лемюэль Адамс и Луиза Редмонд были молоды, красивы и с первого взгляда полюбили друг друга, презрев старинную фамильную вражду. Они поженились, завершив таким образом кровную месть Адамсов — Редмондов. Но увы, сэр, унаследованные разлад и ненависть многолетнего противостояния не могли не сказаться на невинной жертве. Я стала плодом этого брака, однако кровь Адамсов не пожелала смешиваться с кровью Редмондов. Ребенком я была как все дети и даже считалась очень привлекательной…

— Я вполне могу в это поверить, мэм, — вставил я.

Леди слегка порозовела и продолжала:

— Но когда я стала старше, странное противостояние и множественные конфликтующие импульсы начали меня раскачивать. На каждую мысль или сделанное мной движение находилось противодействие. Это результат наследственного антагонизма — ведь я наполовину Адамс и наполовину Редмонд. Если я пыталась взглянуть на предмет, один глаз смотрел в другую сторону. Если за едой я хотела посолить картофелину, другая рука против моей воли тянулась за сахарницей и посыпала картошку сахаром.

Сотни раз, когда я играла на пианино, пока одна рука брала аккорды прекрасной бетховенской сонаты, я не могла удержать другую от наяривания «Через садовую стену» или «Стражи Скидмора». Кровь Адамсов и кровь Редмондов не желали течь в гармонии: в кафе-мороженом я против своей воли заказывала ванильное, хотя всей душой жаждала лимонного. Несчетное число раз я прикладывала титанические усилия, чтобы раздеться на ночь, но противоположное влияние было столь весомым, что я вопреки желанию облачалась в свои лучшие платья и ложилась спать в туфлях. Сталкивались ли вы в своей практике с чем-нибудь похожим, доктор?

— Ни разу, — признался я. — Ваш случай поистине уникален. И вы так и не смогли преодолеть антагонистические тенденции?

— Отчего же, постоянными усилиями и ежедневными упражнениями я продвинулась настолько, что недуг беспокоит меня лишь в одном отношении. Я совершенно освободилась от его влияния за единственным исключением: страдает моя способность передвигаться. Мои н… нижние конечности отказываются двигаться согласно. Когда я пытаюсь идти в каком-либо направлении, одна из них делает шаг в нужную

мне сторону, а другая порывается идти в совершенно иную степь. Словно одна но… одна из них Адамс, а вторая — Редмонд. Единственный случай, когда они не мешают друг другу, — это если я еду на велосипеде: одна опускается, как только поднимается вторая, и это даже облегчает продвижение. Но при попытке походить н… становятся неуправляемыми. Вы сами видели, как я вошла в кабинет. Не можете ли вы чем-нибудь помочь мне, доктор?

— Это действительно очень необычно, — произнес я. — Я обдумаю ситуацию, и, если вы зайдете завтра в десять часов, я вам что-нибудь порекомендую.

Леди поднялась со стула, и я помог ей спуститься с крыльца до ожидавшего ее экипажа. Такой нетвердой, неуклюжей, разболтанной походки я никогда раньше ни у кого не видел.

В тот вечер я долго размышлял над задачей и листал самые авторитетные справочники в части динамической атаксии и заболеваний мышц, но не нашел ничего относящегося к случаю молодой леди. Около полуночи я решил подышать свежим воздухом. Идя мимо магазина, хозяином которого был старый немец, мой знакомый, я зашел к нему перебросить словечком. Я уже

давно обратил внимание, что в паддоке во дворе у него бегали два ручных оленя, и спросил о них. Немец рассказал, что олени постоянно дрались и не желали жить мирно, поэтому он развел их по разным загонам. Тут меня и осенило.

На следующий день в десять утра молодая леди вошла в кабинет. Заключение для нее было у меня готово. Я подал ей лист, она прочитала рекомендации, вспыхнула и уже хотела дать волю гневу.

— Попробуйте это средство, мэм, — сказал я.

Она согласилась попробовать, и не далее чем вчера я видел ее на улице: она двигалась так же грациозно и легко, как любая другая леди в городе.

— Что же такое вы ей порекомендовали? — заинтересовался репортер.

— Всего лишь надеть шаровары, — ответил молодой врач. — Как видите, при разделении враждующих фракций гармония восстановилась. Филиалы Адамсов и Редмондов более не конфликтовали, и излечение пациентки наступило полное. Погодите-ка, — спохватился врач. — Сейчас почти полвосьмого, а в восемь у нас обручение. Скажу вам по секрету — леди согласилась сменить свою фамилию на мою в са-

мом ближайшем будущем. Только не вздумайте это где-нибудь повторять!

— Конечно, конечно, — заверил репортер. — Может, еще по бокальчику лимо…

— Нет-нет, спасибо, — отказался доктор, поспешно вставая. — Мне пора. Хорошего вечера. До скорых встреч.

Неизвестный роман[42]

Первая бледная звезда заглянула с потемневшего неба в черный прогал ущелья. Вокруг на неимоверную высоту вздымались вершины Альп в снежных шапках с окутанными тенью склонами.

Крепкий молодой человек, облаченный в замшевый костюм альпийского охотника, шел по горной тропе. Лицо его было бронзовым от солнца и ветра, взгляд — честным и ясным, а походка — легкой и твердой. Он напевал куплеты баварской охотничьей песенки, сжимая в руке белый цветок эдельвейса, сорванный на скале. Вдруг он остановился; песня прервалась и улетела с его губ. Девушка, одетая, как швейцарские крестьянки, пересекла его путь, спеша куда-то с глиняным кувшином воды. Волосы ее, цветом как самое светлое золото, были заплетены в тяжелую косу, спускавшуюся ниже пояса, глаза словно светились в начинавшихся сумерках, а губы, слегка приоткрытые, не скрывали смутного блеска белейших зубов.

---

[42] Примечания: 42

© Перевод. О. Мышакова, 2025.

Точно подхваченные единым порывом, охотник и дева остановились, заглядевшись друг на друга. Затем юноша шагнул вперед, снял свою шляпу с пером и, низко поклонившись, произнес что-то на немецком наречии. Девушка отвечала робко и негромко.

Открылась дверь коттеджа, полускрытого деревьями, и оттуда послышались голоса. Щеки девушки стали пунцовыми, и она пошла дальше, не сводя, однако, взгляда с молодого охотника. Он порывисто двинулся за ней и протянул руку, словно желая задержать юную пейзанку. Та сорвала с груди пучок синих горечавок и бросила юноше. Он подхватил цветы на лету, в два прыжка нагнал девушку и протянул ей эдельвейс, который нес с собой. Она заткнула цветок за край корсажа и пустилась бежать, как горный дух, живо скрывшись в коттедже, откуда доносился гул голосов.

Постояв, молодой охотник отправился дальше по горной тропе, но шел он уже медленнее и больше не пел. На ходу он часто прижимал цветы к губам.

Венчание обещало быть одним из самых роскошных — высшее общество крупного города едва не вымаливало приглашения.

Нареченный жених вносил в этот союз родовитость Ван Виклеров и высокое положение в обществе. Приданое невесты заключалось в ее безупречной красоте и пяти миллионах долларов. Стороны договорились в самой деловой манере — вопрос о любви не поднимался. Жених был обходителен и вежливо-внимателен, и невеста равнодушно приняла предложение. Познакомились они на модном летнем курорте. Семье Ван Винклеров и деньгам Вэнсов предстояло вот-вот породниться.

Венчание назначили ровно на полдень.

В одной из своих комнат Пелхэм Ван Винклер приказал разжечь старинный, выложенный плиткой камин, хотя погода стояла теплая. Присев на край письменного стола, он целыми горстями бросал в огонь сложенные квадратиками письма, некоторые перевязанные тесьмой. Он не без иронии улыбался, глядя, как пылает бумага или когда среди писем попадались увядший цветок, надушенная перчатка или подхваченный ленточкой локон.

Последней жертвой пламени стал высушенный, совсем плоский букетик синих горечавок.

Ван Винклер вздохнул, и улыбка сошла с его лица. Он вспомнил ранние сумерки в альпий-

ских горах, куда он приехал с тремя-четырьмя приятелями в увеселительную поездку, веселый и беззаботный, одетый в живописный замшевый охотничий костюм. Он вспомнил прелестную селянку с глазами, взгляд которых точно приковал его к месту, и как она пересекла его горную тропу и бросила ему пучок горечавок. Не будь он Ван Винклером, обязанным блюсти родовую честь, он разыскал бы эту девушку и женился на ней, ибо с того дня ее образ не покидал его мысленного взора — и сердца. Но высшее общество и знатность заявили на него свои права, и сегодня, ровно в полдень, он должен жениться на мисс Вэнс, дочери стального магната-миллионера.

Пэлхем Ван Винклер швырнул в огонь букетик синих горечавок и позвонил, вызывая слугу.

Мисс Августа Вэнс упорхнула от суетливых подруг и взбалмошных родственниц в будуар побыть несколько минут в тишине. У нее не нашлось писем, обреченных огню, и прошлого, подлежащего сокрытию. Ее мать не помнила себя от радости, ибо миллионное семейное состояние купило им места в первом ряду ярмарки тщеславия.

Венчанье с Пэлхемом Ван Винклером должно было состояться ровно в полдень, но мысли мисс

Вэнс вдруг унеслись далеко-далеко, к неясным грезам. Ей вспомнилась поездка годичной давности в Европу и та неделя, которую Вэнсы прожили в предгорьях Альп, в коттедже швейцарского горца. Как-то в ранних сумерках Августа вышла набрать воды в источнике через дорогу. В тот день ей пришла фантазия надеть прелестный крестьянский костюм хозяйской дочки Бабетты: он удивительно шел мисс Вэнс, подчеркивая бледное золото ее длинной косы и синие глаза. Обратный путь ей заступил незнакомец — альпийский охотник в замше, сильный, крепкий, бронзовый от загара, свободный. Подняв глаза, Августа встретила его взгляд, и охотник тоже загляделся на нее. Она двинулась дальше, но эти магнетические глаза будто не отпускали ее. Дверь коттеджа распахнулась, оттуда послышались голоса. Августа вздрогнула и, подчиняясь порыву, сорвала с груди букетик синих колокольчиков горечавки и бросила цветы молодому человеку. Охотник поймал букет, в несколько прыжков преодолел разделявшее и расстояние и преподнес ей эдельвейс. С того вечера образ молодого охотника не оставлял ее: сама судьба переплела их пути, послав ей встречу с лучшим юношей на свете. Но мисс Августа Вэнс с приданым в пять миллионов

не могла позволить себе сумасбродство мечтать о простом охотнике с альпийских гор.

Мисс Вэнс поднялась и открыла золотой медальон, лежавший на туалетном столике. Оттуда она извлекла выцветший эдельвейс и медленно растерла его пальцами в порошок. Затем Августа позвонила, вызывая горничную, как раз когда за окном послышался праздничный трезвон церковных колоколов.

Пинтовая бутылка[43]

В прошлое воскресенье известный всему Хьюстону полковник, один из лучших прихожан местной церкви, отправился с семьей к обедне, как было у него заведено. Он выглядел благостным и солидным в прекрасно сидевшем черном сюртуке и щегольских светло-серых брюках. Семейство шествовало по Мейн-стрит, когда полковник вдруг вспомнил о письме на своем столе, которое было ему нужно. Он велел семье подождать у двери, пока он заглянет в кабинет. Полковник зашел в контору и взял письмо, но, к его удивлению, на столе красовалась початая пинтовая бутылка виски, в которой оставалось на унцию коричневой жидкости. Полковник терпеть не мог виски и отродясь не прикасался к крепким напиткам; видимо, кто-то, зная об этом, поставил бутылку ему на стол в качестве беззлобной шутки.

Полковник огляделся, ища, куда вышвырнуть бутылку, но дверь черного хода была заперта. Он безуспешно пытался поднять окно, выходившее

---

[43] Примечания: 43

© Перевод. О. Мышакова, 2025.

в переулок, когда в дверь заглянула супруга, недоумевавшая, отчего муж так замешкался. От неожиданности полковник растерялся и сунул бутылку под фалду в задний карман.

— Почему ты так долго? — спросила жена. — Ты ищешь письмо?

Полковнику ничего не оставалось, кроме как пойти с ней. Ему следовало сразу показать ей бутылку и объясниться, но он пренебрег этой возможностью. Когда он шел по Мейн-стрит, пинтовая бутылка под фалдой казалась ему не меньше бочонка. Полковник боялся, что жена или дети заметят, как бугрится его задний карман, поэтому держался позади. Когда в церкви он прошел к своей скамье и сел, раздался звучный треск, и по церкви поплыл запах дешевого виски. Полковник видел, как люди вокруг крутят носами и с любопытством переглядываются, и покраснел как свекла. С задней скамьи кто-то громко прошептал:

— Старый полковник Дж. снова пьяный. В последнее время он не просыхает, а еще поговаривают, что он и жену почитай каждый день колотит.

Узнав голос одной из самых заядлых хьюстонских сплетниц, полковник обернулся и грозно

уставился на нее, но та лишь возмутилась драматическим шепотом:

— Гляньте на него, он же опасен! И в таком виде прийти в церковь!

Полковник понимал, что бутылка треснула, и боялся шевельнуться, но маленький осколок все равно выпал из кармана на пол. Полковник всегда преклонял колени во время службы, но сегодня сидел на скамье как приклеенный. Полковница, заметив столь необычное поведение мужа, шепотом упрекнула его:

— Джеймс, ты не представляешь, как мне больно от твоего поведения! Ты уже не молишься со всеми. Я так и знала, что этим кончится, когда позволила тебе послушать лекцию Ингерсолла[44]. Ты превращаешься в безбожника! А что за запах я чувствую? О Джеймс, ты пил, да еще в воскресенье!

Полковница приложила платок к глазам, а полковник в бешенстве скрипнул зубами.

Когда после службы они вернулись домой, жена

---

[44] Примечания: 44

Серия ежегодных лекций в Гарвардском университете на тему бессмертия.

уселась на крыльце кухни чистить[45] клубнику на обед, перекрыв полковнику путь на задний двор, откуда он рассчитывал выкинуть злополучную бутылку через забор. Двое маленьких сыновей ходили за ним по пятам, как всегда по воскресеньям, и полковник обнаружил, что не в силах от них отвязаться. Он увел их погулять перед домом и вскоре отправил внутрь под каким-то предлогом. Быстро достав из кармана бутылку, полковник швырнул ее на улицу. Осколота была лишь часть горлышка, и бутылка, упав на мягкую груду мусора, не разбилась.

Полковник испытал огромное облегчение, но когда мальчики выбежали из дома, рядом раздался голос:

— Послушайте, сэр, закон не дозволяет бросать стекло на улицу. Я видел, как вы это сделали, но заберите ее обратно, и на этот раз, так и быть, замнем.

Полковник обернулся и увидел здоровяка полицейского, подававшего ему через забор чертову недобитую бутылку. Полковник принял ее и сунул обратно в карман, отпустив негромкое, но выразительное словцо. Оба мальчика подбежали

---

[45] Примечания: 45

В оригинале — tocapstrawberries, т. е. вырезать у ягод белую серединку под чашелистиками.

к нему и наперебой закричали:

— Папа, папа, а что тебе дал полицейский? Дай, дай посмотреть!

Они хватали его за фалды сюртука и тянулись к карманам. Полковник попятился и прижался спиной к забору.

— А ну, марш отсюда, дьяволята! — крикнул он. — Живо в дом, не то я вздую вас обоих!

Полковник вошел в прихожую и надел шляпу. Он твердо решил избавиться от бутылки, даже если для этого придется пройти целую милю.

— Куда ты? — удивилась жена. — Обед почти готов. Джеймс, почему ты не снимешь сюртук и не расслабишься, как обычно?

Она смотрела на него с глубочайшим подозрением, и полковник ощутил острое раздражение.

— К черту обед! — загремел он. — Я голоден… То есть болен, я хочу сказать! Обедать не буду, лучше пройдусь.

— Папа, пожалуйста, ну покажи нам, что тебе дал полицейский! — попросил один сынишка.

— Полицейский? — с ударением повторила полковница. — Боже мой, до чего дошло! Джеймс, я знаю, с утра ты не пил, но что за муха тебя укусила? Иди приляг. Дай я тебе помогу.

Она привычно хотела стянуть его двубортный,

с заостренными лацканами сюртук, но полковник окончательно вышел из себя и попятился от жены.

— Убери от меня руки, женщина! — рявкнул он. — У меня болит голова, я иду пройтись! Я вышвырну эту дьявольскую дрянь, даже если понадобится дойти до Северного полюса!

Полковница покачала головой, глядя, как муж выходит из калитки.

— Совсем не жалеет себя на работе, — посетовала она. — Может, пройдется — и впрямь полегчает.

Полковник прошел несколько кварталов, ястребиным взором выискивая возможность избавиться от бутылки, но на улицах было людно, и он, как ему казалось, то и дело ловил на себе взгляды прохожих.

Двое или трое приятелей, попавшихся навстречу, косились на него с любопытством: полковник шел раскрасневшись, сдвинув шляпу на затылок, а в глазах горел нехороший огонь. Кое-кто из знакомых прошел мимо, не поздоровавшись, и полковник разразился горьким смехом: он уже боролся с отчаянием. Всякий раз, оказавшись на свободном пятачке, он останавливался и озирался, проверяя, чист ли горизонт. За ним

уже следили из окон, а двое или трое сорванцов увязались следом. Полковник обернулся и обратился к ним с резкостями. Мальчишки в долгу не остались.

— Гляньте на старого забулдыгу, который ищет, куда завалиться! А вот в каталажку! Там и проспитесь, мистер!

Наконец полковник отвязался от мальчишек и немного воспрял духом, увидев впереди пустырь, заросший сорняками, вымахавшими на высоту человеческого роста.

Вот где он избавится от ненавистной бутылки! За пустырем жил приходской священник, но сорняки были такие мощные, что совершенно загораживали дом.

Полковник воровато огляделся и, не увидев ни души, углубился по тропинке в чащу сорняков. Дойдя до центра, где росли уже поистине гигантские экземпляры, он остановился и извлек из заднего кармана пинтовую бутылку. Глядя на нее, он мрачно улыбнулся и произнес:

— Ну-с, ты причинила мне много неприятностей, но о них знаю только я.

Он уже хотел запустить бутылкой в заросли, когда рядом послышался шорох. На тропе перед ним стоял священник и глядел на полковника с

шокированным видом.

— Дорогой полковник Дж., — начал этот добрый человек, — как вы меня огорчаете! Я и не подозревал, что вы пьете. Я глубоко опечален, видя вас здесь в подобном состоянии…

Полковник окончательно вышел из себя.

— Видите, да и черт бы с вами! — заорал он. — Я пьян как выхухоль, и мне плевать, кто об этом знает! Я вечно на бровях! Пятнадцать тыщ галлонов виски высосал за две недели! По воскресеньям в это время я грешник и сквернавец! Вот вам еще для ровного счета, и не благодарите!

Он запустил бутылкой в священника. Бутылка попала тому по уху и разлетелась вдребезги. Проповедник испустил вопль, развернулся и кинулся к себе в дом.

Полковник набрал целую гору булыжников и укрылся среди высоких сорняков, решив воевать со всем городом, покуда хватит метательных снарядов. Часом позже трое конных полицейских въехали в сорнячную чащу, и полковник им сдался. Он успел охолонуть и прийти в себя достаточно, чтобы вразумительно объяснить суть дела, и так как его все знали как трезвенника, известного своим воздержанием, то отпустили домой.

С тех пор полковник бутылок в руки не берет — ни пустых, ни полных.

Престранный тип[46]

Прошлой ночью репортер газеты «Пост» стоял на мосту Сан-Хасинто-Стрит. Высоко на востоке в облачной пахте плыл майский полумесяц. Речка под ним тускло поблескивала в сумерках, а вдалеке сливалась с чернильной тьмой. По вялым водам бесшумно проскользил буксирный пароход, оставляя за собой бурунчики жидкого серебра. Пешеходов на мосту почти не было. Вот мимо проплелась, гремя неровными досками настила, пара запоздалых жителей Пятого округа. Репортер снял шляпу и позволил прохладному дыханию сити освежить ему лоб. Под боком у него забормотал голос, мягкий, но с неприятным театральным надрывом, коверкая строки Байрона:

— «Темно. Луна! Бег темных вод! Как в вашей мощи отразился горячий, пылкий, женский взор!»[47]

Репортер повернулся и увидел превосход-

---

[46] Примечания: 46

Перевод. М. Пучинин, 2025.

[47] Примечания: 47

В пер. Минаева: «Темно; гроза ревет меж гор, / И в блеске молний отразился / Горячий, пылкий, женский взор».

ный образец рода «бродяга». Он был облачен в платье, достойное восхищения, более того — благоговения. Пальто ему заменяла черная ряса, превратившаяся в тряпье несколько лет тому назад. Под ней виднелся лихой полосатый пиджак, такой узкий, что пуговицы не застегивались, а над этим изяществом выглядывало воспоминание о былом воротничке. Заплатанные брюки порвались и истрепались, к низу обращаясь в ничто, мертвенного вида ноги не поддавались описанию, а обувь состояла из бесформенных кусков кожи и пыли.

Лицо его, однако, было лицом потешного фавна с блестящими и острыми глазами. Божественная улыбка озаряла эту физиономию, мало чем обязанную искусству цирюльника или мылу.

Узкие нервные ноздри греческого носа выдавали либо благородное происхождение, либо лихорадку. Лоб был высоким и ровным, а взгляд благородным и горделивым, но жесткая борода неопределенно-жуткого фасона скрывала нижнюю часть его лика.

— Известно ли вам, что я такое, сэр? — вопросило это странное создание.

Репортер оглядел его причудливую внешность и покачал головой.

— Ваш ответ меня успокоил, — сказал странник. — Он подтвердил, что я не промахнулся, обратившись к вам. Вы обладаете некоторыми инстинктами джентльмена, поскольку воздержались огласить вслух хорошо вам известное — а именно, что я бродяга. Я выгляжу как бродяга и являюсь им, однако я бродяга не простой. Я получил университетское образование, я знаток древнегреческой и древнеримской культур, и в некотором колледже, известном во всем мире, я был председателем кафедры английской литературы. Я биолог, и превыше всего я исследователь чудеснейшей книги — человека. Последнее из этих достижений есть единственное, которым я занимаюсь до сих пор. Коль скоро я не утратил навык, я могу прочесть вас.

Он бросил на репортера пристальный взгляд. Тот пыхнул сигарой и позволил тщательно себя рассмотреть.

— Вы газетчик, — заключил бродяга. — Сейчас расскажу, как я пришел к этому выводу. Я наблюдал за вами в течение десяти минут. Мне было известно, что вы — человек не праздный, поскольку взошли на мост в небольшой спешке. Остановившись, вы принялись наблюдать за преображениями воды в лунном свете. Пред-

приниматель бы торопился к ужину. Когда вы потянулись за сигарой, вам пришлось шарить по трем-четырем карманам. Газетчику в течение дня дают много сигар, и ему приходится рассовывать их по разным карманам. Притом ни из одного кармана не торчит карандаш. У газетчиков так и принято. Верна ли моя гипотеза?

Репортер сделал лукавое предположение.

— Верна, — согласился он. — А возможность недавно наблюдать, как я заходил в редакцию, бесспорно, способствовала вашему анализу.

— Ошибаетесь, — рассмеялся бродяга. — Вы из нее выходили, когда я приметил вас вчера. Да, вы в моем вкусе. За словом в карман не лезете. Я в Хьюстоне уже три месяца, но вы первый человек, которому я смог раскрыться. Вы не стали предлагать мне милостыню и тем самым завоевали мое почтение. Я — бродяга, но денег ни от кого не принимаю. К чему они мне? Влиятельнейший богач вашего города в сравнении со мной жалкий нищий. Вижу, вы улыбаетесь. Прошу, сэр, уделите мне немного внимания. Временами я страдаю от cacoethesloquendi[48], и мне редко случается встретить джентльмена, который согласился бы

[48] Примечания: 48
Мания говорения (*лат.*).

выслушать меня.

Человеку из газеты «Пост» пришлось видеть столько сглаженных, стертых характеров, столько личностей, готовых всегда говорить и поступать так, как от них ожидается, что этот бродяга с непредсказуемыми монологами расположил его к себе. И потом, на него было так чудно смотреть.

Бродяга был трезв и не выглядел большим пьяницей. Черты его лица в лунном свете казались тонкими, изящными, а голос — тот звучал совсем диковинно. Бродяга напоминал человека, отчетливо говорившего во сне.

Репортер газеты «Пост» заключил, что его психика неуравновешенна.

— Я упомянул, что владею деньгами, — продолжал бродяга, — и это правда. Я покажу вам несколько, совсем малое количество из тех чудес, которые ваш представительный унылый опрятный народ и представить себе не может. Взгляните-ка на это кольцо.

Он снял с пальца занятное медное кольцо, чеканку которого лунный свет пренебрег показать, и предложил его репортеру.

— Трижды потрите это кольцо большим пальцем вашей левой руки, — приказал бродяга.

Репортер подчинился и, когда в груди заиграл холодок страха, улыбнулся сам себе. Глаза бродяги просияли, и он ткнул в воздух пальцем, следя за движением какого-то невидимого предмета:

— Вот она, Артамела. О раб кольца, лови!

Он широко взмахнул рукой, зачерпнул пригоршню чего-то и протянул репортеру.

— Видите, золотые монеты! Я могу воплощать их, когда пожелаю, в любых количествах. К чему же мне попрошайничать?

Красивым жестом он предложил репортеру пустую руку, а тот сделал вид, что пересыпал воображаемые монеты себе в ладони.

Бродяга снял шляпу, его спутанные волосы перебирал ветер.

— А что бы вы подумали, — осведомился он, — если бы я сказал, что мне 241 год?

— Сбавьте парочку веков, и выйдет в самый раз.

— Этот перстень, — воскликнул бродяга, — за сто лет до открытия Америки мне вручил буддистский монах в индийском городе Бенарес. В нем — неистощимый источник богатства, жизни, удачи. Это кольцо одарило меня всеми благами, какими только может обладать человек. На всей земле не найдется того, кто вызвал бы у меня

зависть. В этом богатстве я познал величайшее счастье и живу совершеннейшую жизнь.

Бродяга облокотился на перила моста и долго смотрел на медленную реку, не говоря больше ни слова. Репортер отвернулся и уже был готов идти, но вдруг бродягу передернуло всем телом, и он заозирался по сторонам. Лицо его изменилось, лоб стал ниже, и весь он ужался. Поежившись, он плотнее запахнул пальто и забормотал хрипло и грубо:

— О чем это я? Вроде только что языком чесал… Хелло, сударь, не подадите ли десять центов приятелю на ужин?

Репортер, пораженный метаморфозой, безмолвно уставился на него.

Бродяга проворчал что-то под нос и неверными руками вынул комок бумаги из кармана.

Развернул, выудил что-то двумя пальцами, закинул в рот.

До репортера донесся слабый приторно-сладкий запах опиума-сырца.

Тайна бродяги была раскрыта.

Хьюстонская романтика[49]

Около двух лет назад один видный и принимаемый во всех обществах Хьюстона молодой денди загадочным образом исчез. Он был эталоном моды, влияние которого на протяжении нескольких лет распространялось на весь город магнолий. Особо этот человек славился утонченным и модным платьем, первым представляя обществу новейшую моду и правильные стили. Никому во всем Хьюстоне никогда не доводилось видеть ни единой морщинки на его элегантно подогнанной одежде, ни одного пятна на безупречно белых манжетах. Он располагал достаточным состоянием, чтобы посвящать светскому обществу и искусству одеваться все свое время, манерами и выправкой уступая разве что знаменитому Красавчику Браммеллу.

Примерно год назад в нем стали заметны несвойственные ранее обеспокоенность и замкнутость. Благодаря любезному и озорному характеру он сохранял верность честерфилдским идеалам, однако день ото дня становился все мол-

---

[49] Примечания: 49
Перевод. М. Пучинин, 2025.

чаливее и угрюмее, будто что-то тяготело над его душой. Внезапно, не сказав ни слова на прощание, он словно провалился сквозь землю. На его счету в банке оставалась солидная сумма, и общество ломало голову над возможной причиной его исчезновения. У него не было родственников в Хьюстоне, а так как ветреность поклонников давно вошла в поговорку, все его знакомые и беспечные друзья вскоре выкинули его из головы.

Спустя долгое время тайна наконец была разгадана. Один хьюстонский коммерсант, близкий спутник молодого денди, в сентябре отправился в Европу.

Когда он был в Италии, ему захотелось увидеть один старый монастырь высоко в Альпах; он поднялся на перевал Сан-Джакомо, узкую тропу, на которой с трудом могли бы развернуться два всадника, и посреди ледников Лепонтинских Альп совершил восхождение на высоту семи тысяч футов. На далекой вершине, укутанной снегом, ему был виден монастырь францисканских монахов — цизальпинских миноритов.

Он осторожно пробирался вперед по тропинке, но то и дело останавливался, чтобы полюбоваться на радужные нимбы, отражающиеся ото льда, или на необъятные сугробы, выстилавшие рас-

щелины высоко над его головой.

Спустя шесть часов изнурительного пути он стоял перед массивными железными воротами монастыря. Он позвонил в колокол, и суровый привратник пригласил его войти и воспользоваться гостеприимством братии. Его провели длинным темным коридором с полом и стенами из холодного серого камня. Монах, ведущий его, приказал ему подождать, так как здесь вот-вот должны были пройти братья, направляющиеся в кельи на вечернюю молитву. Низко и глубоко прозвучал колокол; большие двери тихо растворились, и череда монахов с бритыми головами прошествовала медленно и бесшумно. Не поднимая глаз, они перебирали четки, и губы их шевелились в неслышной молитве.

Когда процессия поравнялась с гостем, он был поражен, увидев среди благочестивых монахов фигуру того, кто однажды щеголял в Хьюстоне офицерскими усиками и элегантными нарядами.

Он позвал его по имени, и монах, вздрогнув, поднял голову и отделился от рядов кающихся братьев. Остальные продолжили немое шествие, пока не исчезли за большими дверями напротив.

Человек из Хьюстона в изумлении посмотрел на монаха.

Монашеское одеяние, перепоясанное пеньковой веревкой, ниспадало до пола вековечными ровными складками. Затылок был выбрит, а черты казались по-девичьи гладкими, но наибольшее внимание приковывали излучаемые им покой и безмятежное счастье. Вечно тревожный и отрешенный взгляд, который его друзья замечали прежде, исчез без следа.

Все вокруг он озарял покойной ангельской благостью.

— Во имя всего святого, — воскликнул его приятель, — как тебя сюда занесло! С чего это ты себя упрятал, отказался, чтобы здесь прозябать, от друзей и всех радостей света?

— Выслушай меня, и всё поймешь. Я обрел высочайшее, блаженное счастье. Все мечтания мои были воплощены. Взгляни на эту рясу. — Монах опустил гордый взгляд на темную грубую робу, спускавшуюся ниже пояса величавыми линиями. — Мне удалось осуществить свою сокровенную земную надежду. Наконец я в одеянии, которое хоть не будет вытягиваться на коленях.

Курсы прикладной журналистики от Бинкли[50]

На углу Мейн-стрит вечером в прошлый вторник был замечен оборванный мужчина весьма сомнительной наружности. Несколько людей, окончив свои дела, на обратном пути отметили, что он стоит всё там же.

Можно было подумать, что он кого-то дожидается. В конце концов на тротуаре показался некий молодой человек, и тут оборванец, не произнеся ни слова, набросился на него и завязал ожесточенную драку.

Молодой защищался изо всех сил, но всё же серьезно пострадал, прежде чем прохожие сумели их разнять. Ни одного полицейского, само собой, рядом не оказалось, и драка утихла так же быстро и бесшумно, как началась. Молодой мужчина с подбитым глазом и опухшей щекой уковылял прочь, а оборванец свернул в проулок, судя по всему чрезвычайно довольный.

Человеку из «Пост», свидетелю происшествия, почудилось что-то необыкновенное в его внеш-

---

[50] Примечания: 50
Перевод. М. Пучинин, 2025.

ности, а потому он отправился за дебоширом следом, уверенный, что всё не так просто, как кажется на первый взгляд. Почти нагнав мужчину сомнительного вида, он услышал, как тот сказал сам себе с глубокой, горячей радостью:

— Теперь и с последним покончено. А ведь погоня за местью приносит куда больше счастья, чем ее завершение. Вот я и лишил себя цели существования.

И он побрел дальше, мешкая у перекрестков, как человек, плохо знакомый с городом, пока не вышел к какому-то темному салуну на Конгресс-стрит.

Человек из «Пост» проследовал за ним внутрь и после недолгих увещеваний хозяина бара уже потягивал воду из стакана, продолжая наблюдать за оборванным незнакомцем, занявшим место за маленьким столиком. Хотя его одежда была неприглядной и драной, а волосы растрепаны и грязны, лицо выдавало высокий интеллект, который весьма противоречил грубому платью.

Подстегиваемый любопытством, человек из «Пост» подсел к нему за стол. Прибегнув к такту и сообразительности, свойственным людям его ремесла, он скоро разговорил таинственного незнакомца и обнаружил в нем, как и ожидал,

образованного человека с хорошими манерами.

— Вы представились газетчиком. — Незнакомец указал на него изящным жестом. — И завоевали мое доверие. Я расскажу вам свою историю. Когда-то я тоже занимался изданием своей газеты.

Он пробарабанил пальцами по столу и, когда подошел слуга, выудил из глубин своего тряпья тонкий бумажник, а оттуда вытряс единственный доллар. Вручив его слуге, он попросил:

— Бутылку лучшего вина и несколько добрых сигар.

— Что вы, — возразил репортер «Пост» и потянулся к карману жилета, — я не могу допустить… Позвольте мне…

— Не стоит, — с достоинством проронил оборванец. — Заказываю я.

Репортер «Пост» выдохнул с облегчением; стаканы наполнили, осушили, вновь налили вина, закурили сигары, и репортер с нетерпением ожидал начала повести своего необычайного собеседника.

— Мое имя Бинкли, — начал оборванец. — Я основатель Курсов прикладной журналистики от Бинкли, и кроме того доллара, который я только что потратил, у меня не осталось ни гроша за

душой, и тот человек, с которым я разделался на окраине, — это последний член моей редколлегии, в которой я так обошелся с каждым.

Около года назад я располагал пятнадцатью тысячами долларов. Я мог бы вложить их в любое безопасное и прибыльное дело, но, увы, мне взбрела в голову оригинальная и честолюбивая затея.

Я разбирался в газетном бизнесе, поскольку до смерти тетушки, оставившей мне пятнадцать тысяч в наследство, я успел восемь-десять лет проработать в одной престижной газете. Я давно заметил, что всякую редакцию в этой стране осаждают толпы самонадеянных юнцов, стремящихся получить какую-никакую должность и научиться журналистике. Преимущественно это выпускники колледжей, и большинству из них нет дела до высоких зарплат. Они жаждут опыта.

Мне пришло на ум, что эта молодежь будет не прочь платить хорошие суммы за возможность перенять у кого-нибудь на практике искусство журналистики, особенно у такого человека, который бывал в офисах престижных газет. В стране имелось несколько преуспевающих школ журналистики. Школа такого рода и вдобавок к ней бойкая, процветающая газета с большими тира-

жами — да ведь это будет золотая жила, подумал я. В прочих школах им бы давали только теорию, а в моей теория и практика шли бы рука об руку.

Идея была превосходной.

Я нашел газету, которая вот-вот должна была быть продана. Дело было в крупном городе на Юге, называть его ни к чему. Владелец газеты имел слабое здоровье и хотел перебраться за рубеж. Сама фирма казалась вполне перспективной и приносила три тысячи долларов чистого дохода в год. Я приобрел ее за двенадцать тысяч наличными, остаток вернул в банк и сочинил симпатичное объявленьице, чтобы привлечь потенциальных студентов. Этот текст я направил в несколько крупных северных и южных газет, а после оставалось только ждать.

Моя новая газета была на слуху, и перспектива стажироваться в ней и обучаться журналистике пришлась людям по душе. Я объявил, что количество мест ограничено, что заявки я рассмотрю в аукционном порядке и что каждую из вакансий получит тот, чья ставка будет выше.

Не стану говорить, сколько мне пришло ответных писем, вы всё равно мне не поверите. Неделя ушла на сортировку, затем я рассмотрел их пробы пера, сравнил ставки и в конце концов отобрал

моих сотрудников. Я велел им явиться в конкретный день, и в нужный срок они все стояли передо мной, готовые к работе. Автор редакционных статей платил мне пятьдесят долларов в неделю, редактор городских новостей — сорок, с каждого из трех репортеров я получал двадцать пять, еще двадцать с театрального критика, тридцать пять с литературного редактора и по тридцать с редактора ночных выпусков и с редактора телеграфной службы. Также я принял трех человек на должность авторов тематических статей, они платили мне по пятнадцать долларов в неделю каждый. Сам я был управляющим редактором, которому предстояло руководить штатом, критиковать и наставлять.

Я распустил старую редколлегию, в течение часа инструктировал новую, а потом предоставил им покорять свое поле деятельности. По большей части это были с отличием закончившие колледжи ребята из богатых семей, которым по карману все достоинства Курсов прикладной журналистики от Бинкли.

Когда сотрудники с нервным азартом разбежались по местам, я откинулся в крутящемся кресле и позволил себе довольную улыбку. Тысяча четыреста долллларов дохода в месяц, да

такого, который работники выплачивали мне, а не наоборот, — плюс три тысячи годового дохода с самой газеты. Да, я устроился неплохо.

Конечно, на первых порах от них следовало ожидать грубоватого, неотшлифованного стиля письма, но я заранее предвидел, что они скорее станут грешить вычурностью, чем бедностью слога. Я закурил сигару и прошелся по редакции. Автор передовицы, человек в суконном костюме с высоким наморщенным лбом, трудился в поте лица и смотрелся интеллектуалом. Литературный редактор, хмуря брови, сверялся с энциклопедией, а театральный критик клеил над рабочим местом портрет Шекспира. Команда городских репортеров занималась сбором новостей.

Я уже начинал жалеть всех, кому ум не позволял обтяпать подобное дельце. Всё шло как по маслу. Я спустился на улицу, опьяненный успехом, разыскал старого приятеля и по секрету раскрыл ему свой замысел. Он должным образом впечатлился, мы поспешили в кабак и вскрыли там несколько бутылок за мое начинание.

К моему возвращению в офис все уже успели сдать работу за день. Я проглядел материалы, но, сказать по правде, был так взбудоражен свалившимся мне на голову успехом, что едва понимал,

что я читаю, и с оплошной уверенностью в моих словесниках дал добро на всё сразу, а вскоре главред уже всё унес. Я дал редактору ночного выпуска все нужные инструкции и отправился домой — грезить о моем грандиозном успехе.

На следующее утро около девяти часов я снова был в центре, и куда бы я ни посмотрел, на каждой улице суетились толпы разносчиков. Город кишел ими, люди скупали номера так быстро, что мальчишкам едва хватало рук. Скромную мою душу начинали переполнять гордость и чувство собственного достоинства. Когда я подходил к редакции, я увидел на тротуаре компанию из пяти мужчин, вооруженных охотничьими ружьями.

Я поворачивал за угол, когда один из них заметил меня и выстрелил не целясь. Дробью задело мое ухо, шляпа оказалась продырявлена в нескольких местах. Я не стал дожидаться объяснений, так как четверо остальных тоже явно собирались не упустить случай, нырнул за угол бакалейной лавки и скрылся на заднем дворе, заваленном ящиками.

Мимо шел крикливый паренек-разносчик, я свистнул ему через дыру в заборе и купил один экземпляр. «Видать, этот номер задел кого-то», — подумал я.

Я укрылся внутри большого ящика и раскрыл газету. С каждой строчкой брови мои всё выше лезли на лоб.

— Простите, что резко поменяю тему, — продолжил оборванец, — но вы недавно обронили кое-какую фразу об этом прохладительном напитке, а от него, как я погляжу, ничего уже не осталось.

Репортер «Пост» на секунду замер, помедлил, снова похлопал по нагрудному карману жилета, а потом поднялся, оттащил в сторонку хозяина бара и четверть часа о чем-то с ним шептался. В результате он принес им еще вина, но весьма неохотно, поставив на стол бутылку и стаканы с бесцеремонным грохотом.

Оборванец улыбнулся, наполнил стаканы, а затем на лицо его вернулась хмурая задумчивость и он продолжил:

— Сперва я нашел полосу с местными новостями. Первый заголовок, бросившийся мне в глаза, звучал так: «Полковник Дж. Генри Гвинн, заведующий бывшим имением Персинса, обокрал семью погибшего на $75,000. Наследники предъявят иск на полную сумму в ближайшем будущем».

Моя память подсказывала, что человек, стре-

лявший в меня, и правда сильно походил на полковника Дж. Генри Гвинна. Следующий заголовок:

«Некоторый член палаты олдерменов, живущий приблизительно в районе дома 1204, 32-я Вест-стрит, недавно построил резиденцию за $10,000. Похоже, голоса в совете поднимаются в цене».

Ниже шло пятнадцать сообщений того же рода, и каждое разило наповал. Я проверил светские хроники и обнаружил там несколько безобидных заявлений в таком роде:

«Вчера вечером супруга старого генерала Краудера давала бал на Джонсон-авеню. Ей бы оформить развод с канзасским агентом, прежде чем хвастать браком со стариком Краудером».

«Прошлой ночью Генри Бомгартен снова бил жену».

«Женское Драматическое Сообщество собралось вчера вечером над музыкальным магазином Клейна. Мисс Сэйди Додсон выступала с жаром и была отправлена домой на такси. Лихорадка! Прямо-таки эпидемия».

Это еще самые учтивые формулировки. От некоторых волосы у меня медленно вставали дыбом.

Мои руки сами перелистнули газету на редакционную страницу, где, казалось бы, не должно быть ничего предосудительного. Первая же статья называла поименно всех городских и окружных чиновников, каждого обвиняла в должностной коррупции и в заключительных строчках обещала пожертвовать десять тысяч долларов любой благотворительной организации, если редакции не удастся за десять дней предъявить доказательства для каждого из случаев.

Я прокрался к забору напротив, выбил одну из досок и проулками добрался до задней лестницы офиса. На заднем дворе с бранью трепыхались двое моих людей. Один никак не мог выкарабкаться из кучи угля, другой, зацепившись фалдами, болтался на заборе. Кто-то вышвырнул их в окно.

Скрепя сердце я поднялся в редакцию. Стоял общий гвалт. Я зашел как можно тише и огляделся. Моего пятидесятидолларового автора редакционных статей загнали в угол, где он мужественно защищался половиной табурета от кворума городского совета. Трех он уже уложил и продолжал неистово сопротивляться. Редактора городских новостей вчетвером повалили на пол и уселись

на него верхом, а какой-то рослый немец, пытаясь сшибить театрального критика с книжного шкафа, яростно махал куском газовой трубы.

Лицезрение такого обращения с персоналом, приносящим тысячу четыреста долларов дохода в месяц, повергло бы в тоску любого.

Я добрался до своего личного кабинета, но взбешенная толпа последовала за мной. Я понимал, что спорить с ними бесполезно, так что вытащил чековую книжку и попробовал достичь компромисса. Когда банковский счет оказался истощен, а в дверях показалась следующая партия разгневанных граждан, я отчаялся.

В одиннадцать утра редколлегия собралась и полным составом ушла в отставку. В полдень к газете были предъявлены иски о возмещении убытков в размере двухсот тысяч долларов, и я знал, что каждый иск выдержал бы проверку судом. Я вышел и вернулся примерно девять стаканов спустя. На лестнице я встретил автора редакционных статей и, не тратя лишних слов, зарядил ему апперкот в челюсть. В руках он всё еще держал последнюю ножку табурета, которой он замахнулся мне по голове, а затем скрылся. Зайдя в редакцию, я обнаружил, что театральный критик вот-вот одержит победу. Это был

недавний выпускник университета, великолепный регбист. Он уже отлупил здоровяка-немца, согнал четверых мужчин с редактора городских новостей, и теперь они спина к спине вели с неприятелем неистовую борьбу. Тут в комнату ворвался редактор светских хроник, босой, в одних брюках и сорочке, и разнесся катастрофический визг и содом, как от тысячи вопящих одновременно попугаев.

— Спасайтесь, — выдавил он. — Женщины близко.

Я выглянул в окно и увидел столпотворение на тротуаре. Я бросился в заднее окно, перепрыгнул на крышу сарая и бежал без оглядки, пока не оказался в миле от города. Так Курсам прикладной журналистики от Бинкли пришел конец. С тех пор я скитаюсь по стране.

Парня, с которым мы подрались сегодня на улице, я нанимал специальным хьюстонским корреспондентом. Он нанес мне обиду первым сообщением, которое прислал в редакцию. Я дал ему карт-бланш, позволил самому определить материал — и в первый же день он отправил факсом статью в сорок тысяч слов о том, как у здания суда поют пересмешники, а в Дакоте тем временем лежат трехфутовые сугробы. Согласи-

тесь, судьба обошлась со мной сурово!

— Должен сказать вам, — отметил человек из «Пост», — что я не верю ни слову в вашей истории.

— Но разве, — с печальным укором возразил оборванец, — разве я не отдал за питье последний доллар, пока ее вам рассказывал? Разве я выпрашивал у вас что-то?

— Бог его знает, — сказал, подумав, репортер «Пост». — Может, это и правда, но…

Новый микроб[51]

Есть в Хьюстоне один человек — большой поклонник госпожи науки, ревностный исследователь ее тайн. Дома у него оборудована небольшая лаборатория, в которой он проводит массу времени, ставя опыты с химикатами и изучая всевозможные субстанции.

В последнее время, глубоко заинтересовавшись различными теориями микробов, он даже немного запустил дела, чтобы ознакомиться с работами Пастера и Коха и любыми текстами, какие только сможет раздобыть, о бациллах всякого рода.

Он приобрел новый инструмент с увеличением до девятисот крат и надеется в скором времени внести свою лепту в сокровищницу ценных открытий о жизни микробов.

В прошлый четверг в одной из церквей проходил вечер и общинный ужин.

Жена этого человека хотела, чтобы он пошел туда вместе с ней, но он отказался, заявив, что ему было бы куда приятнее посидеть дома наедине с микроскопом, но она пускай идет с детьми.

---

[51] Примечания: 51
Перевод. М. Пучинин, 2025.

Он читал отчет Дамбла, бывшего главного геолога штата, о проведенном исследовании воды хьюстонских рек, и ему не терпелось проверить выводы этого джентльмена собственными опытами.

Поэтому сразу же после ужина он наведался на кухню и нашел на скамеечке у крана жестяное ведро, полное воды, тут же отнес его в лабораторию и засучив рукава принялся за работу.

Через некоторое время он услышал, как жена и дети выходят из дома, чтобы отправиться на вечер в церкви в соседнем квартале, и порадовался тихому славному вечеру, который ему предстоит.

Он прилежно работал почти три часа, то и дело сверяясь с мощным микроскопом, чтобы вновь вглядеться в образцы речной воды из ведра.

Наконец он ликующе хлопнул себя по колену.

— Дамбл не прав! — воскликнул он. — Он говорит, что это *Hybadidcystallis*, а я уверен, что это ошибка. Микроорганизмы в этой воде схизомицетные, но это не *macrocci* и не *roseopersicina*, вдобавок у них не изодиаметрические клетки. Возможно ли, что я обнаружил новый микроб? Ужель я достигну научной славы?

Он схватил ручку и кинулся писать. Вскоре

возвратилась домой его семья, и жена поднялась в лабораторию. Обычно он не пускал ее внутрь, но на этот раз раскрыл дверь и с энтузиазмом повлек ее в комнату.

— Эллен! — воскликнул он. — Пока тебя не было, я завоевал известность, возможно, целое состояние. Я обнаружил в речной воде новую бактерию. Науке ничего подобного не известно. Я назову ее в твою честь, и твое имя обретет вечную славу. Посмотри в микроскоп.

Его жена прикрыла один глаз и заглянула в цилиндр.

— Ну и кружочки, — отметила она. — А они вредны для организма?

— Мгновенная смерть. Всего один запрыгнет в пищеварительный тракт, и ты покойник. Я сегодня же напишу в лондонский «Ланцет» и в Нью-Йоркскую академию наук. Как мне их назвать, Эллен? Ну-ка — «элленобы», «эллениты», что-нибудь такое?

— Ах ты негодник, Джон! — вскрикнула жена, заметив на столе жестяное ведро. — Так это ты забрал ведро с устрицами из Галвестона, которых я купила для церковного ужина! Ну конечно же, микробы!

Усадьба «Веретон»[52]

Представленный очерк о нравах и обычаях южан выиграл конкурс, проводимый бостонской газетой, а принадлежит он перу юной леди из Бостона, которая в одной из передовых школ этого города работает учительницей. Она никогда не бывала на Юге, но верно переданный колорит и портреты персонажей говорят о глубоком знании текстов миссис Г. Б.-Стоу, Элбиона У. Турже и других известных хроникеров южного быта. Любой южанин опознает точные описания местных характеров и правдоподобие описанной жизни южных плантаторов.

— И ты поедешь, Пенелопа? — спросил Сайрус.

— Таков мой долг, — кивнула я. — Отправиться в Техас и принести его невежественным обитателям столько света знаний, сколько мне будет под силу, — это великая миссия. Школа, которую мне предложили, будет платить мне хорошее жалованье, и, если я смогу привить диким людям тех мест хоть толику нашей культуры и изящества, я

---

[52] Примечания: 52
Перевод. М. Пучинин, 2025.

буду счастлива.

— Так значит, прощай.

И Сайрус протянул мне руку.

Никогда раньше я не видела его в таких пылких чувствах.

Мгновение я сжимала его руку в своей, а потом поднялась в поезд, готовый помчать меня навстречу новому поприщу.

Мы с Сайрусом были помолвлены уже пятнадцать лет. Он был профессором химии в Университете штата Массачусетс. Мне же предлагали сорок долларов ежемесячно, если я поеду преподавать в частной школе в одном маленьком техасском городке, и я согласилась. Университетская кафедра выплачивала Сайрусу двадцать долларов в месяц. Вот уже пятнадцать лет он ждал, когда я накоплю достаточно денег, чтобы мы могли жениться. Я ухватилась за этот шанс, пообещала себе жить экономно, и спустя еще пятнадцать лет, если только я не уйду с должности, мы могли бы сыграть свадьбу.

За проживание мне платить не пришлось, так как де Веры, одна из старейших и благороднейших фамилий на всем Юге, предложили мне комнату в их доме. В семье было несколько детей, которые с волнением ожидали, что их маленькая

школа вот-вот заручится дельным преподавателем.

От вокзала меня вез темнокожий мужчина, который приблизился и почтительно спросил, не мисс Кук ли я. Мой чемодан поместили в машину, которая представляла собой старую шаткую карету скорой помощи, запряженную парой жалких мулов, и я поднялась на козлы к кучеру, который назвался Питом.

Мы ехали по тенистой дороге, когда Пит вдруг разрыдался, словно сердце его обливалось кровью.

— Друг мой, — обратилась к нему я, — не поверишь ли ты мне свою беду?

— О барышня, — проговорил он в перерывах между всхлипываниями. — Да просто мне на глаза попалась цепочка, которая вон с постромков виснет обшарпанная, ну вот я и вспомнил массу[53] Линкама, на небе сущего, да как он нас всех убогих рабов освободил.

— Пит, — сказала я, — нам не должно сетовать. В небесной обители тех, кто блажен, тебя ожидает и твой божественный освободитель. Со всем воинством небесным Авраам Линкольн поет

---

[53] Примечания: 53
Мистер (*простореч.*).

аллилуйя, а на его челе сияет венец славы.

Я нежно приобняла Пита за плечо.

Бедный, кроткий человек, под темной кожей которого чистое словно снег сердце было переполнено благодарностью, долго еще плакал, вспоминая мученика Линкольна, так что я прижала его голову к моей груди, а он так и всхлипывал безудержно всю дорогу до Веретона, пока я сама понукала мулов.

Веретон оказался характерной для Юга усадьбой. Мне заранее объяснили, что де Веры оставались весьма зажиточной семьей, хотя и потеряли многое во время восстания, и что они по-прежнему следовали образу жизни плантаторов-аристократов.

Двухэтажный дом был выстроен в форме квадрата. Впереди большие белые опоры образовывали портик, и вокруг всего дома бежали длинные веранды, густо оплетенные плющом и жимолостью.

Спустившись из кареты скорой помощи, я услышала чью-то бойкую речь, а затем увидела, как из парадных дверей выбегает сперва крупный мул, а за ним леди с метелкой в руке. Мул улегся на веранде, а леди приблизилась ко мне.

— Так это вы мисс Кук? — спросила она мягким

расплывчатым выговором.

Я поклонилась.

— Я миссис де Вер, — представилась она. — Идемте, но смотрите не споткнитесь о треклятого мула. Никак его не выгнать из дома.

Я прошла в гостиную и замерла, в изумлении озираясь по сторонам. Комната была великолепно меблирована, но в каждой мелочи проявлялись южные леность и беспечность. В одном углу стояла тачка с застывшим раствором, оставшаяся с тех времен, когда каменщики возводили этот дом. Пианино использовалось как насест пятью-шестью курицами, а на люстре висела пара брюк.

Миссис де Вер обладала бледным аристократическим лицом с античными чертами, белоснежные волосы она укладывала безукоризненными завитками. На ней красовалось черное атласное платье, на руках и у горла сверкали алмазы. Ее глаза были черны, взгляд пронзителен, брови темны. Я опустилась в свое кресло, а она вытянула длинный брусок из пачки жевательного табака, лежавшей на серебряной подставке-визитнице, и надкусила его с угла.

— А вы как, пошаливаете? — спросила она с улыбкой.

Я покачала головой.

— Да ну вас к черту! — усомнилась она.

И в этот момент к веранде — или к галерее, как говорят техасцы, — примчалась лошадь, кто-то спешился и вошел в комнату.

Никогда мне не забыть тот миг, когда я впервые увидела Обри де Вера.

Ростом он превышал два метра, и лицо его было прекрасно. Он был идеальной копией Иоанна Крестителя с картины Андреадель Сарто. Темные, бездонные глаза полны невыразимой тоски, а тонкие черты патриция и облик представителя *hautmonde*[54] решительно выдавали потомка длинной череды аристократов.

На нем был костюм последнего фасона, но я заметила, что он бос, а вниз от уголков рта бегут струйки бурой табачной слюны.

На голове он носил гигантское мексиканское сомбреро. Рубашки не было, но сюртук, расстегнутый и откинутый назад, позволял увидеть на широкой груди огромный сверкающий бриллиант, шнурком подвязанный к кисее исподней рубашки.

— Мой сын Обри; мисс Кук, — лениво предста-

---

[54] Примечания: 54
Высшего общества (*фр.*).

вила нас друг другу миссис де Вер.

Мистер де Вер вынул изо рта шматок табака и метнул его за пианино.

— Вы, полагаю, та самая леди, любезно согласившаяся позаботиться о наших схоластических нуждах, — полуутвердительно произнес он глубоким музыкальным баритоном.

Я склонила голову.

— Я знаю ваших сородичей. — На его красивое лицо пала тень. — Они так и рыщут во мраке своих отсталых идеалов невежества и предубеждения. Какого вы мнения о Джефферсоне Дэвисе?

Я не дрогнув смотрела в его пылающие глаза.

— Он был предателем, — ответила я.

Мистер де Вер мелодично рассмеялся, а потом нагнулся и вынул сосновую щепку, застрявшую между пальцев ног. Затем он подошел к матери и поприветствовал ее с теми рыцарскими почтительностью и галантностью, которые до сих пор живут в сынах Юга:

— Что мы сегодня подаем на ужин, мамуля?

— Как тебе, щенок ты эдакий, заблагорассудится, — откликнулась миссис де Вер.

Обри де Вер протянул руку и схватил одну из куриц, гнездившихся на пианино. Свернул ей шею, бросил трепещущее и подрагивающее тельце на

изысканный брюссельский ковер. Стремительно шагнул ко мне и встал, возвышаясь словно мстящий бог, одна рука воздета к небу, другая указывает на смертную агонию птицы.

— Таков Юг, — зазвучал его громоподобный рев, — окровавленный, задыхающийся Юг после Геттисберга. Сегодня вы будете пировать пир на его мертвом теле, как ваши земляки празднуют вот уже тридцать лет.

С чудовищным проклятием он отшвырнул куриную голову мне прямо в лицо, тут же упал на колено и преклонил царственную голову.

— Простите меня, мисс Кук, — сказал он, — я вовсе не хотел вас оскорбить. В этот самый день двадцать восемь лет назад мой отец был убит в сражении при Шайло.

Когда прозвонил колокольчик, призывая к ужину, меня провели в длинную вычурную комнату, обшитую панелями из темного дуба и освещенную парафиновыми свечами.

Обри де Вер сидел в дальнем конце стола и нарезал мясо. Сюртук он снял, и теперь исподняя рубашка плотно облегала и вырисовывала каждый мускул его торса, стройного, как у Умирающего галла в Ватикане в сердце Рима. Ужин был воистину южным. На одном конце стола в

окружении сладкого картофеля лежал огромный опоссум с разинутым ртом, а все остальное пространство уставляли блюда с капустой, жареной курицей, фруктовым кексом, хурмой, горячими пресными крекерами, черными ягодами боярышника, плодами страстоцвета, жареным сомом, кленовым сиропом, мамалыгой, мороженым, сардельками, бананами, хрустящим хлебом со шкварками, ананасами, большими тыквами, диким виноградом и яблочными пирогами.

Прислуживал негр Пит, но вот, принеся мистеру де Веру подливку, он пролил немного на скатерть. Рявкнув, словно тигр, Обри де Вер вскочил на ноги и по рукоять вогнал нож для разделки мяса в грудь Пита. Бедный негр рухнул на пол, я метнулась к нему и приподняла его голову.

— Прощайте, барышня, — прошептал он. — Слышу, анхелы поют, а вот блаженный мастерь Авраам Линкаммне и улыбается, а за ним белоснежный божий тристол. Прощайте, барышня, старику Питу пора домой.

Я поднялась и вперила взгляд в мистера де Вера.

— Чудовище! — крикнула я. — Вы убили его!

Он легко коснулся серебряного колокольчика, и рядом возник еще один слуга.

— Вынеси это тело и принеси мне чистый нож, — приказал он. — Вернитесь к столу, мисс Кук. Как и во всех ваших земляках, у вас заметна склонность к темному мясу. Дорогая мамуля, у меня здесь отменный кусок опоссума, хотите, вам подадут?

Наутро я познакомилась с четырьмя младшими де Верами и нашла их смышлеными паиньками. Это были два мальчика и две девочки в возрасте от десяти до шестнадцати лет. Маленькое здание школы располагалось в полумиле ниже по прекрасной деревенской дороге, по обе стороны заросшей травой и цветами. В моей школе насчитывалось пятнадцать учеников, и за исключением некоторых подробностей я бы сочла жизнь в Веретоне истинным раем. В первый месяц я сберегла сорок два доллара. Сорок приходилось на мое жалованье, а еще два я заработала, давая ученикам небольшие кредиты на пару дней, а они потом сверх суммы долга добавляли десять-двадцать центов.

Во мне развилась серьезная увлеченность нравом Обри де Вера. Он был одной из самых благородных и почтенных натур, какие мне доводилось встречать, но традиции и устои общества, в котором он жил, оказывали на нее такое

сильное воздействие, что от врожденного великодушия едва ли осталась хоть одна крупица.

Он получил великолепное образование в Виргинском университете, был искусным оратором, музыкантом, художником, но с раннего детства ему позволялось следовать любой блажи, потакать каждому своему капризу, и мужской характер, увы, портила несдержанность.

Однажды я коротала вечер в музыкальной гостиной на втором этаже усадьбы де Веров, играя чудеснейший шубертовский лид «Слышишь, в роще зазвучали песни соловья?», как вдруг вошел Обри де Вер. В последнее время, следуя какой-то неясной прихоти, он стал щепетильнее в выборе платья.

В этот вечер на нем была рубашка, распахнутая и являвшая крупные ключицы, а поверх он надел жакет черного бархата, замысловато обшитый золотым шнуром. На руках красовались белые лайковые перчатки, и я заметила, что ноги, которые он категорически отказывался прятать в обувь, недавно вымыты у колонки. Он был в крайне скверном, ехидном расположении духа и первым же делом отпустил наиязвительнейшую тираду в адрес Гранта, Линкольна, Джорджа Фр-

энсиса Трейна и других героев Союза[55]. Он уселся на столик в центре комнаты и принялся почесывать щиколотку одной ноги босым пальцем другой, зная, что это всегда меня раздражает.

Я, полная решимости не выходить из себя, продолжала играть.

— Пардон, мисс Кук, — вдруг сказал он, — но вы сфальшивили, когда исполняли руладу в уменьшенном септаккорде.

— Я так не думаю, — ответила я.

— Лгунишка! — прошипел он. — Вы сыграли бекар, тогда как указан диез. Надо было брать вот эту ноту.

Что-то просвистело в воздухе. Расположившись на столике в середине комнаты, он сквозь зубы выплюнул струйку густой табачной слюны, и плевок с безжалостной меткостью шлепнулся на черную клавишу ля-диеза. Я приподнялась со скамьи, несколько уязвленная, но с улыбкой.

— Вы оскорблены, — с издевкой заявил он. — Вам не по нраву наши южные порядки. Думаете, что я unmauvaissujet[56]. По-вашему, нам здесь не

---

[55] Примечания: 55

Союз — федерация двадцати четырех северных штатов, в Гражданской войне противостоящих южным Конфедеративным штатам Америки.

[56] Примечания: 56

Бесчестный человек, негодяй (*фр.*).

хватает такта, savoir-vivre[57]. Эта ваша бостонская культурность убеждает вас, что в наших любезностях звучат фальшивые ноты, что наши манеры недостаточно утонченны и изысканны. Не пытайтесь отрицать.

— Мистер де Вер, — холодно ответила я, — ваши насмешки меня не задевают. Я здесь, чтобы исполнять свой долг. Вы в собственном доме вольны поступать как пожелаете. Вы не сдвинете одну ногу, чтобы я могла пройти?

Мистер де Вер вскочил со столика и стиснул меня в объятиях.

— Пенелопа, — вскричал он жутким голосом, — я люблю тебя! Ничтожный ты сухарь, затравленная до землистости лица, пучеглазая, чопорная, костлявая янки-учителишка. Я полюбил тебя с первого взгляда. Ты выйдешь за меня?

— Пустите меня! — крикнула я, брыкаясь изо всех сил. — О, отчего со мной рядом нет Сайруса!

— Сайрус? — проревел мистер де Вер. — Что еще за Сайрус? Клянусь богом, он тебя не получит!

Одной рукой он занес меня над головой и выкинул через застекленное окно во двор внизу. Потом он начал забрасывать меня мебелью, всей,

---

[57] Примечания: 57
Хороших манер, знания сегодняшнего этикета.

что была в комнате, и в завершение полетело пианино. Я слышала, как он стремглав бросился по лестнице вниз, а потом почувствовала что-то жидкое, стекающее по обломкам мебели. Я узнала едкий запах керосина, услышала, как чиркнула спичка и загудело пламя; меня вдруг обдало мучительным жаром, и больше я уже ничего не помнила.

Я очнулась в постели, миссис де Вер сидела рядом и обмахивала мне лицо.

Я попыталась встать, но сил у меня совсем не было.

— Лежите смирно, — мягко сказала миссис де Вер. — Вас лихорадило две недели. Вы должны простить моего сына; боюсь, он мог вас напугать. Он вас так сильно любит, вот только вспыльчив очень.

— Где он? — пробормотала я.

— Он уехал за Сайрусом и с минуты на минуту должен вернуться.

— Как я вырвалась из того ужасного костра?

— Вас спас Обри. Когда прошел его приступ, он раскидал горящую мебель и отнес вас наверх.

Через несколько минут я услышала шаги, подняла взгляд и увидела у постели Обри де Вера и Сайруса Поттса.

— Сайрус, — простонала я.

— Как делишки, Пенелопа? — отозвался Сайрус.

Я не успела ответить: снаружи раздался громкий нечеловеческий вопль. Парадную дверь выломали, и десяток мужчин в масках ворвались в комнату.

— Здесь и правда янки, ах ты черт! — закричали они. — Линчевать его!

Обри де Вер вцепился в ножку стола и убил всех смутьянов до единого.

— Сайрус Поттс, — прогремел он, — целуй эту детскую няньку, а не то голову тебе размозжу, будешь следующий.

Сайрус чмокнул меня куда-то в лицо быстрым пустым поцелуем.

Неделю спустя мы с Сайрусом возвращались в Бостон. Его зарплату подняли до двадцати пяти долларов в месяц, а я накопила двести десять.

Обри де Вер сопроводил нас на перрон. Под мышкой он нес бочонок динамита. Когда наш поезд отошел от станции, он уселся на этот бочонок и коснулся его зажженной спичкой.

Большой палец его ноги залетел в окно вагона и упал мне на юбку.

Сайрус не ревнивого темперамента, а потому

у меня на письменном столе теперь стоит бутылочка спирта с тем большим пальцем. Мы уже обвенчались, и я никогда больше не поеду на Юг.

Слишком несдержанны эти южане.

Виноват виски[58]

Один важный филантроп стоял вчера на углу Маркет-Хаус-сквер и подсчитывал в голове, сколько человеку понадобилось бы откладывать деньги на пиво, чтобы отстроить храм Соломона. Его размышления прервал невысокий щуплый полисмен, который, сверкая глазами, тянул за запястье негра чуть не в два раза больше него самого.

Перед лестницей полисмен сделал передышку, и тогда филантроп с жалостью обратился к негру:

— Чернокожий мой друг, по какой же причине ты попал в сии жалкие обстоятельства? Скажи, чем ты объясняешь то, как угодил в лапы закона?

— Виски, шеф, — ответил негр, яростно косясь на полисмена.

— Ах, так я и думал. — И филантроп раскрыл записную книжку. — Я сделаю заметку о твоем инциденте ради блага какого-нибудь другого бедолаги, который тоже борется с этим бесом.

---

[58] Примечания: 58
Перевод. М. Пучинин, 2025.

Так-так, а каким же образом виски загнало тебя в такое положение?

— Все из-за него и вышло, — сказал негр и пригнул голову: полисмен замахнулся, чтобы отогнать с носа муху. — Я ведь не из робкого десятка, вот полиции духу и не хватало меня арестовывать, это в последние два года-то. А тут ни свет ни заря этот вот, от земли не видать, жалкий малый, что меня тащит, так он нахлестался ядреным виски чуть не вусмерть, сам уж ничего не разбирает, да меня и сгреб. Сопляк, пуговицы еще его эти латунные, он и не тронул бы меня, коли не напился бы пьяну виски. Да, шеф, виски во всем и виноват, ей-богу.

Филантроп спрятал книжку и удалился, в то время как офицер огрел негра пару раз по голове своей дубинкой и поволок вниз по лестнице, чертыхаясь коснеющим языком.

— Пош-шевеливайся да пасть прикрой, шельмец африканский. Таки нарвался на м-мощную руку закона, уж теперь не сомневайся.

Сбили с пути истинного[59]

Во всем Хьюстоне не было семьи счастливее О'Мэлли. Мистер О'Мэлли занимал ответственный пост в одной из наших крупных пивоварен, был бережливым гражданином, снисходительным мужем и отцом. Его сын Пэт, один из совладельцев процветающей бакалейной лавочки, воскресными вечерами вместе с маленьким оркестром приходил в здание на одной из самых тихих наших немощеных аллей и там играл сладкую музыку на валторне в строе ми-бемоль.

Любимицей и надеждой семьи была младшая дочь, Кэтлин: девятнадцать лет, смоляные локоны, черты лица Богородицы, черные глаза словно вороново крыло. Они жили в маленьком домике, укрытом вьющимися розами, недалеко от угла, где сворачивал трамвай.

Кэтлин была помолвлена с Фергюсом О'Холлиханом, живым, рослым и смышленым молодым человеком, который наносил ей визит каждый вечер, и его руки и лицо были безупречно вымыты, а мокрые волосы зачесаны вниз на лоб, и

---

[59] Примечания: 59
Перевод. М. Пучинин, 2025.

казалось, что они не редеют, а просто отправились за подкреплением. Поздними воскресными вечерами Кэтлин и Фергюс гуляли рука об руку и заходили в «Gesundheit Bier Garten», струнный оркестрик наигрывал песни милой древней родины, а они сидели в уголке, где потемней, за маленьким круглым столиком, и чокались стаканами так, как могут только родственные и влюбленные души. Свадьба ожидалась в июне, и Кэтлин, как принято у ее народа, уже подготовила приданое и разные пожитки. В шкафу лежали кипы чудесно вышитого белья, тонкого льняного и камчатого; стопками высились столовые скатерти, платки и полотенца, а широкие ящики комода были заполнены изящной, обшитой кружевами одеждой, которую Кэтлин, будучи скромной ирландской девушкой и вовсе не нью-йоркской миллионершей, стеснительно хранила подальше от чужого внимания, а не описывала всему городу в колонке «Пост». Кэтлин собственноручно сшила эти вещи, вложив в них немало любви, прилежания и терпения, чтобы они стали символом верности, а не поводом для известности. Все соседки завидовали удаче Кэтлин, потому как Фергюс был статным молодым человеком, а дело его процветало. Он мог выпить

больше всех виски, рассказывал самые смешные анекдоты, и никто из их знакомых не мог петь «Зеленый плащ носить» так, как он, чтобы в тихую ночь песня уносилась далеко-далеко.

Словом, темноволосая Кэтлин была счастлива, и над рукоделием она склонялась румяная, сияющая — но увы! Оставались считаные дни перед тем, как змий вторгнется в ее Эдем.

Однажды Кэтлин сидела у своего окошка, наполовину заросшего лозами жимолости, как вдруг в отдалении она увидела Фергюса, идущего по улице вместе с еще одним, низкобровым, подозрительного вида мужчиной с бегающими глазками и змеиными движениями.

Сердце у нее сжалось зловещим, тяжелым предчувствием: в спутнике Фергюса она узнала члена Хьюстонской ассоциации молодых христиан со скверной репутацией. С этого момента душа Кэтлин потеряла покой. Когда Фергюс пришел навестить ее в тот вечер, его рассеянные глаза смотрели иначе. Взяв дрожащей рукой стакан ржаного виски, предложенный Кэтлин, он пел для нее:

Пес, охотника храни,

Рожь, крестьянина корми!

Эту унылую меланхоличную песнь ирландцы всегда исполняют, обнаружив себя в особо бодром расположении духа, но его голос звучал горько и страдальчески.

Кэтлин была мудра и бранить его не стала. Она старалась глядеть весело и бодро, хотя душа ее болела из-за перемены в Фергюсе. И на следующий день, и после она снова и снова видела низкобрового искусителя, виновника его преображения.

День ото дня Фергюс бледнел и всё больше замыкался в себе. Когда-то живое, смеющееся лицо стало задумчивым и угрюмым. Он едва ли с кем-то заговаривал, а однажды, когда мистер О'Мэлли из бочонка только что с пивоварни наполнил ему крупный стакан, он вздохнул так глубоко и скорбно, что пена разлетелась по комнате.

— Кэтлин, — обратился к ней однажды ее батюшка, — да что приключилось с этим длинноногим omadhaun[60] Фергюсом? Будто одной ногой в собственной могиле застрял.

— Ах, папа! — разрыдалась Кэтлин. — Не знаю, он совсем увяз в каком-то болоте.

Давайте же присоединимся к Фергюсу и зловещему незнакомцу, а там подглядим, какими

---

[60] Примечания: 60
Оболтус, дуралей (*ирл. — англ.*).

чарами опутан наш герой.

Уильям К. Микс был членом широко известной Ассоциации молодых христиан. Его родители, будучи честными и уважаемыми хьюстонцами, постарались привить ему лучшие идеалы и вырастить из него добропорядочного и деятельного члена общества. Примерно в восемнадцать лет он однажды поздно вечером повстречал на улице человека, который убедил его заглянуть в помещение Ассоциации.

Он принял ванну, присоединился к хоровому исполнению псалма, какой-то угодливый молодой человек уговорил его на партию в шашки, и в конце концов он плюнул на всякую сдержанность, не задумываясь ни о матери, ни о возвращении домой, откинулся в глубоком кресле и погрузился в чтение передовиц религиозной газеты.

Начало было положено. Постепенно овеществились бакенбарды и белые воротнички, и заманчивые порядки его товарищей так быстро пленили его, что ни один проводимый Ассоциацией фестиваль мороженого или клубничных лакомств, ни один Песенный вечер в общем холле не обходился без мистера Микса. Для Ассоциации он превратился в такого человека, которого обыч-

но называют «зазывалой», и многие несчастные заблудшие юноши, бесцельно слонявшиеся в то время по хьюстонским улицам, надолго запомнили любезный, вкрадчивый, внушающий доверие голос низкобрового Уильяма Микса, который лукаво обращался к ним и приглашал зайти в великолепный сияющий холл Ассоциации молодых христиан.

Вот уже давно Уильям Микс положил глаз на Фергюса О'Холлихана. В молодом ирландце с невинной и простой душой он разглядел легкую добычу.

Однажды он зашел в лавку Фергюса, купил что-то по мелочи и пригласил его в здание Ассоциации.

— Ладно, — согласился Фергюс, — почему бы и не сходить, покупателей сегодня не бог весть сколько. А не купить ли нам бутылочку виски, чтобы скрасить время?

— Ни к чему, — хитро улыбнулся Уильям. — Питья у нас в достатке.

Они прошли по улице, именно тогда Кэтлин их и заметила, и тучи начали сгущаться над ее молодым счастьем.

Уильям показал Фергюсу дорогу прямо до лестницы, ведущей в холл, быстро осмотрелся колким

взглядом, проверяя, нет ли слежки, и вместе они поднялись к дверям.

— Что же это вы здесь проводите? — поразился Фергюс, оглядывая холл.

— Мы читаем, поем, молимся, — кратко ответил Уильям. — А теперь пройдемте-ка сюда, мистер О'Холлихан, я хочу вам кое-что показать.

Уильям подошел к рефрижератору, до краев наполнил стакан водой со льдом, улыбнулся холодно и безжалостно углом рта и протянул стакан Фергюсу.

О милая Кэтлин, в оплетенном розами домишке тебе суждено пролить еще немало слез. Если бы только быть любви всемогущей, тот стакан с игристой водой она бы швырнула об пол, прежде чем он успел коснуться губ твоего любимого!

Фергюс взял стакан и с удивлением рассмотрел прозрачную жидкость; вдруг, поддавшись какому-то порыву, опрокинул стакан и выпил все до последней капли. Пока он пил, Уильям Микс потирал холодные руки и ликовал, а дьявольские его глаза блестели от удовлетворения.

— Что это за штука? — удивился Фергюс. — Эта хладная, бодрящая влага, что вдохнула совершенную свежесть в мою разгоряченную плоть? Что есть сей нектар без вкуса и цвета, но сладкий,

как воздух поутру, утоляющий жажду, но не возбуждающий чувств? Скажите же, мистер Микс, возможно ль найти его где-либо еще?

— Сие есть вода, — мягко ответил Уильям, — и пить ее можно вдоволь.

— Я столько ходил на лодке по реке, — пробормотал Фергюс, — и столько раз мыл руки у колонки дома, но никогда прежде мне не случалось познать воду.

Фергюс осушал стакан за стаканом из рефрижератора и под конец неохотно позволил Уильяму вывести его из холла.

Они расстались у дверей, и Фергюс направился вниз по улице, только время от времени тихонько изумляясь, словно видел счастливый сон:

— Вода! Вода!

А Уильям Микс глядел ему вслед, и его темное лицо скалилось в злорадной ухмылке.

И в тот же вечер, закрыв лавку, Фергюс зашагал домой — и вдруг задохнулся от нестерпимой жажды. Невиданный напиток, вселивший в него такую чудесную бодрость, уже поработил его.

Он зашел в небольшой салун на углу, куда обычно заглядывал промочить горло. Бармен мигом достал кружку и потянулся к бутыли под стойкой.

— Постой, — сказал Фергюс, — не спеши так. Налей мне стакан воды, будь любезен.

— Вы мне должен айн доллар унт пять цент, — заспорил бармен. — Прошу, мистер Холлихан, платите мне сейчас, раньше как сойдете себя с ума и не помните, и я буду вам очень спасибо.

Фергюс бросил деньги на прилавок и поплелся прочь из салуна.

В ту ночь он так и не вернулся к Кэтлин — слишком тошно ему было. Он шатался по городу, изнывая от жажды, как вдруг увидел кусок льда, выпавший из фургона ледовоза, с кокосовый орех размером. Он ухватился за него обеими руками, спрятался за кучей дров и принялся жадно сосать лед, и пальцы его тряслись, а глаза налились кровью.

После того дня он хранил кувшин с водой у себя под прилавком, за какими-нибудь бочками, и если получалось улучить минутку, когда на него не обращали внимания, он пригибался, доставал кувшин, и злополучная жидкость, по вине которой угасали блестящие темные глаза Кэтлин, лилась в пылающую гортань.

То был вечер свадьбы Кэтлин. Гостиная маленького домика так и сияла, а стены были украшены розами и ветвями кипарисов. Капский жасмин

наполнял дом прекрасным благоуханием, а рамы картин и спинки стульев украсили белыми лилиями. Церемония ожидалась в девять часов, а гости начали стягиваться к семи, поскольку запахи дивной стряпни миссис О'Мэлли витали по всей округе.

В углу гостиной, на складном столике, украшенном фиалками и хвоей, установили бочонок с холодным как лед виски, а на столе посредине комнаты красовались заграничные бокалы, и их полированные бока блестели как раз так, как подобало случаю.

С каждой минутой у Кэтлин становилось все легче на сердце. «Когда Фергюс станет моим, — раздумывала она, — я буду с ним так ласкова и нежна, что он позабудет про свою странную тоску. А если не выйдет, уж я оттаскаю его за волосы».

Тянулись минуты, и в половине восьмого Кэтлин, краснея и робко пряча глаза, прекрасная, как Лорелея, что на рдеющих вершинах Рейна зачаровывала и похищала души пловцов, заняла место у бочонка, чтобы смущенно наливать друзьям отца бокал за бокалом алый виски, который едва уступал цветом ее прелестному румяному лицу.

Без четверти девять Фергюс так и не явился,

присутствовавшие заволновались.

Без десяти девять мистер О'Мэлли сходил за охотничьим ружьем и аккуратно его зарядил. Кэтлин зарыдала.

Где же Фергюс О'Холлихан?

В ослепительных залах Ассоциации молодых христиан собралась компания развеселых юношей.

Втайне от большинства граждан в подобных местах разворачиваются поразительные сцены. Нашей полиции достоверно известно, что эти притоны существуют, но уж так устроена наша городская власть, что стражи порядка нечасто навещают заведения такого рода. Двое-трое молодых людей, поглощенных игрой в шашки, лихорадочно помогали сопернику переворачивать дамки, сжимали губы и не отрывали от доски ввалившихся глаз, часто отличающих людей их статуса. Один паренек музицировал на гитаре, а из угла доносился грубый хохот кого-то, кто читал газету «Остин Стейтсмэн».

Один из столиков у стены заняли Фергюс О'Холлихан и Уильям Микс. Перед ними на подносе стояли два высоких стакана ледяной воды. Тихо и коварно говорил Уильям Микс, и на лице Фергюса было написано безрассудное отчаяние.

— Трезвость, — вкрадчиво рассуждал Уильям, не сводя змеиных глаз с простого и живого лица Фергюса, — трезвость — одна из наших основополагающих добродетелей. К чему человеку позорить самого себя, повреждать разум, умерщвлять сознание, заключать себя в оковы, которые будут препятствовать лучшим начинаниям всё сильнее, пока не истребят самые прекрасные мечты? Да будем же мы человеками и да проживем свои жизни сдержанно и осмотрительно. Поверьте мне, мистер О'Холлихан, это лучший путь.

Неверной рукой Фергюс опрокинул в рот стакан воды.

— Еще, — просипел он, лихорадочно блуждая глазами. Проходивший мимо член Ассоциации помешкал и положил руку Уильяму на плечо.

— Старина, — прошептал он, — парни слышали, что тебе попался безвольный дурачок, но ты смотри не переусердствуй. Мы же не хотим бурить новую артезианскую скважину.

Уильям бросил на юношу досадливый взгляд, и тот ушел.

В этот миг квартет запел «Ты, причастный благодатям», и Фергюс, позабыв всех, кого знал, и презрев лучшие побуждения, присоединил к хору свой сильный тенор, не видя злорадную

усмешку на лице Уильяма Микса.

А в эту самую минуту Кэтлин рыдала в объятиях матери. Мистер О'Мэлли забивал пыж в ружье, а прекрасный свадебный ужин остывал на праздничном столе.

Вдруг за окнами холла духовой оркестр заиграл любимую песенку Кэтлин. И Фергюс очнулся. Он вскочил на ноги, перевернул разом стол и Уильяма Микса. Уильям одним прыжком оказался у рефрижератора, наполнил стакан водой и всучил Фергюсу в руки. Тот грохнул стакан об пол и ринулся к дверям. Там его поджидал с пожарным шлангом секретарь Ассоциации, и его лицо обдала мощная прицельная струя воды. Фергюс, накрепко стиснув зубы, одним ударом в челюсть отправил его в нокаут и понесся вниз по лестнице.

Когда пробило девять часов, мистер О'Мэлли насадил на ружье два капсюля, себе на голову шапку и отправился на поиски претендента в зятья. Дверь распахнулась настежь, в гостиную влетел Фергюс. Кэтлин бросилась навстречу, чтобы заключить его в объятия, но он сурово отстранил ее от себя.

— Сперва, — объявил он, — я должен выполнить долг.

Он упал на колени перед бочонком с виски, прильнул к трубке губами и повернул кран.

Пойте, радостные пташки, на зеленых ветвях, но и вполовину ваш щебет не будет так прекрасен, как песня, разлившаяся в сердце милой Кэтлин.

Когда Фергюс поднялся на ноги рядом с бочонком, он вновь был прежним Фергюсом. Он прижал к сердцу невесту, и мистер О'Мэлли на радостях выпустил оба заряда в потолок. Фергюс был спасен.

Рассказ для мужчин[61]

Этот рассказик разочарует читательниц. Все они как одна заявят: «Ничего особенного». И, пожалуй, будут правы.

Миссис Жасмин проживает в Хьюстоне. В любой день вам может повстречаться сколько угодно сударыней, прогуливающихся по Мейн-стрит и весьма похожих на нее. Она вовсе не знаменитость, не какая-нибудь выдающаяся личность. Ее семья вполне приятна, живут они на умеренный доход в доме, которым владеет сама миссис Жасмин. Я не стану называть ее средней женщиной, так как это бы подразумевало, что бывают некие женщины ниже среднего, а это намек неблагопристойный. Миссис Жасмин — настоящая женщина. Поднимаясь в трамвай, она всегда шагнет с левой ноги, в слякотные дни подденет под платье самые белоснежные юбки, отделанные кружевной бейкой; она умеет разрезать страницы журнала, завести часы, расколоть грецкие орехи, раскрыть сундук и вычистить чернильницу — и все это одной шпилькой. Она

---

[61] Примечания: 61
Перевод. М. Пучинин, 2025.

может поколдовать над обрезами ткани стоимостью долларов в двадцать и переделать старое платье так, что и не отличишь от новенького пятнадцатидолларового. Она умна, исправно читает газеты, а однажды вырезала из старого журнала рецепт, который затем выиграл первое место в конкурсе, проводимом одной газетой, на самый оригинальный способ приготовления пирога из зеленых помидоров. Муж до того доверяет ее житейской сноровке, что полагается на нее во всех домашних заботах, порой оставляя ее одну во главе хозяйства до поздней ночи.

У миссис Жасмин чуткое и доброе сердце, и она отлично управляется со всеми обязанностями. Она растит двух малышей, мальчика семи лет и девочку четырех, которых бесконечно любит. Чета Жасмин рассчитывает нанять кухарку, как только мистеру Жасмину поднимут зарплату, но покамест миссис Жасмин управляется на кухне сама.

Хлопоча по хозяйству, она оставляет детям для игр закладку с иглами, ножницы, пару пакетиков с образцами анилиновых красителей и коробок спичек, а в свободные между стряпанием и подметанием минутки она подлетает к детям, целует их, тискает и, отрадно напевая, упархивает прочь

к своим заботам.

Как-то вечером на прошлой неделе миссис Жасмин лежала в постели и читала воскресную газету. Дети выдували мыльные пузыри, приспособив для этого старые черенки отцовских трубок, которые тот перестал использовать, слишком они были полны никотина.

Миссис Жасмин читала о случае жестокого обращения с детьми, вскрывшемся благодаря Нью-йоркскому обществу защиты детей, и слезы выступали у нее на глазах, когда она представляла тех бессердечных и преступно легкомысленных матерей Америки, по вине которых так страдают их невинные малютки.

Вскоре она уснула, и приснился ей такой сон.

Она стояла в большой зале. Тренькнул колокольчик на двери, шаги раздались сперва недалеко, затем в прихожей, потом стихли совсем. Зала была диковинной, и миссис Жасмин походила туда и сюда, рассматривая всё вокруг. Рядом с зеркалом она замерла и поглядела на отражение, и вот чудеса, на ней был белый передничек, а сама она сделалась маленькой девочкой с широко распахнутыми любопытными глазами и спутанными темными кудряшками.

Она слышала, как захлопнулась парадная

дверь, потом скрипнули и закрылись ворота. Она начала играть по всей комнате и какое-то время была весьма счастлива в компании кукол и цветных картинок.

Она переодела куклу, убаюкала и уложила спать. Ей хватало роста посмотреть в окно, но во дворе росли какие-то огромные деревья, а потом порыв ветра пригнул ветку к углу дома, и она испугалась неясного стука. Тут она заметила буфет с раскрытой дверцей, а в нем полку, не очень высоко, с длинным рядом бутылочек и склянок. Она подтащила к буфету стул и взобралась на него. В склянках содержалась жидкость всех цветов радуги, просто загляденье, и она даже смогла вынуть из нескольких пробки. Пару пробок она облизнула. Некоторые оказались сладенькими, а одна горькая и противная. В одной бутылочке была прозрачная вода, совсем как обычная, так что ее она достала и раскупорила, но бутылка выскользнула из руки, упала на пол и разбилась. Вода стала вытекать, окуталась клубами дыма, зашипела и позеленела, поднялся нестерпимый жгучий пар. Девочка слезла со стула, ей стало одиноко и страшно. Она закричала, громко позвала маму три, четыре раза подряд, но всё в доме было неподвижно. Тогда она заплакала и побежала

к двери. В эту секунду ей показалось, что что-то скребется позади кровати, и она завизжала, стала колотить по двери кулачками и звать маму на помощь. Никто не отзывался.

Дрожа, девочка ненадолго прислушалась, потом проползла туда, где оставила куколку, достала ее из кроватки и съежилась в углу, всхлипывая и крепко прижимая куклу к груди, и сердце ее бешено колотилось, а перепуганные глаза не могли оторваться от темноты под кроватью.

Немного погодя девочка заметила чудесную красную коробочку на столе, и любопытство в ту минуту пересилило страх. Она раскрыла коробочку и увидела уйму странных щепок с маленькими круглыми головками. Она поиграла с ними, сидя на полу, построила загончики для свиней, заборы и домики.

Она хотела пересесть, как вдруг ее каблучок скользнул по щепкам, и в ту же секунду вспыхнуло огромное пламя, ее платье занялось, она с дикими криками побежала к запертой двери, но вокруг нее был неукротимый жгучий огонь, и она задыхалась от боли и ужаса.

Миссис Жасмин вырвалась из кошмара и вскочила на ноги. Дети счастливо играли на полу, и она побежала их обнимать, радуясь, что ужасный

сон закончился. Как сильно ей хотелось поверить его кому-нибудь, услышать слова сострадания! В трех улицах жила миссис Мотылек, ее задушевная подруга и наперсница. И у миссис Жасмин давно уже не бывало снов, которые бы оставляли столь болезненное впечатление в ее разуме.

Она поспешно надела шляпку, плащ и наказала детям:

— Ведите себя хорошо, пока я не вернусь.

А потом ступила на улицу, заперла за собой дверь и поспешила к миссис Мотылек.

На этом всё.

Как она попала в высший свет[62]

Не было во всем Хьюстоне пары счастливее, чем Джордж У. Сент-Бибс с супругой, пока длинная тень лукавого не пересекла их будущее. А это удивительно, не правда ли, что лукавый всегда приближается именно так, чтобы его тень упала поперек вашего пути? По-видимому, всякий искуситель, мало-мальски знающий свое дело, обязательно или подойдет со стороны, или выберет пасмурный день, чтобы пересечь кому-нибудь дорогу. Но это мы ушли от темы.

Чета Сент-Бибсов жила в уютном, со вкусом обставленном доме и наслаждалась всеми благами, какие возможно раздобыть в кредит. У них росли две очаровательные дочки по имени Долли и Полли.

Джордж Сент-Бибс ценил светское общество, но его супруга была склонна домоседничать и уговорила его переехать в Хьюстон, с тем чтобы он никак не мог потворствовать своим причудам. Тем не менее Джордж продолжал посещать официальные приемы и тому подобные события,

---

[62] Примечания: 62
Перевод. М. Пучинин, 2025.

а супругу оставлял дома.

И вот однажды светское общество запланировало весьма изысканный вечер, который помогли устроить Бизнес-лига и Собрание дочерей ветеранов конфедерации.

После того как Джордж ушел, его жена раскрыла зеркальце и сказала себе:

— Держу пари, что ни одна леди на этом вечере не годится мне и в подметки, стоит только принарядиться.

И ей пришла в голову идея.

Она вызвала горничную и велела принести чашку горячего чая, а после надела роскошное платье, оставила горничную приглядывать за Долли и Полли и на трамвае отправилась на бал.

Джордж наслаждался вечером. На приеме собрались все респектабельные личности, а вот и хор сладкоголосый грянул, и страстью пылкой зажигался там не один склоненный взор[63], и все такое прочее.

В число гостей входил виконт Каролю де Вийер, видный француз дворянского рода, который из-за неких политических интриг был вынужден

---

[63] Примечания: 63

Строки из «Чайльд-Гарольда» Д. Байрона (пер. Д. Минаева).

покинуть Париж, а теперь работал на крупной клубничной ферме неподалеку от городка Элвин.

Виконт стоял возле портьеры и ковырял в зубах, как вдруг увидел входящую в зал миссис Сент-Бибс.

В мгновение ока он очутился рядом и вписал в ее карне свою фамилию на каждый танец.

Обернувшись зачем-то, Джордж заметил их и ахнул от удивления:

— Боже милосердный, да это же Молли!

Он нырнул в альков недалеко от дверей, припал к покрытой бархатом стене и оттуда стал наблюдать. Миссис Сент-Бибс сделалась королевой вечера. Вокруг нее умножалась толпа, виконт, наклоняя к ней голову, обращался к ней самым обаятельным голосом и обмахивал ее старой газетой, а она светло ему улыбалась, и с ее губ слетали то остроумные парадоксы, то лукавые подшучивания, то находчивое меткое словцо.

«Mondieu! — думал про себя виконт, не сводя с нее страстного взгляда. — Хотел бы я знать, кто она такая».

Во время ужина миссис Сент-Бибс была душой компании. Она вела бойкую беседу с присутствовавшими светлыми умами, и главные острословы

города на время теряли дар речи. Она с готовностью поддерживала разговор с господами из разных округов Хьюстона, с каждым общаясь на его диалекте, и без запинки ответила, когда к ней обратился мужчина, сестра которого поступила в Университет штата Техас.

Джорджу едва верилось, что эта очаровательная, блистательная дама была тихой женушкой, которую он оставил дома совсем недавно.

Когда приблизился конец бала и музыкантов отослали, Джордж пристыженно подошел к супруге каяться.

— Молли, — проговорил он, — прости меня. Я не знал, как ты можешь быть прекрасна и ослепительна в высшем обществе. Когда Литературный кружок Лонгфеллоу в следующий раз устроит рыбный вечер в зале собраний Пожарного общества, я возьму тебя с собой.

Миссис Сент-Бибс мягко улыбнулась, ловко просовывая руку ему под локоть.

— Олрайт, Джордж, — ответила она. — Мне просто хотелось, чтобы ты понял: не может этот городок закатить первостатейную вечеринку, которая не пришлась бы мне по зубам. Я как-то две недели жила в Галвестоне, да и должные манеры я подхватываю не хуже других.

И теперь во всем городе не найти светской пары, которую бы любили и уважали больше, чем Джорджа Сент-Бибса и его даровитую супругу.

Ничто не ново под луной

Мансарда ютится наверху семи лестничных пролетов, и черепица едва-едва покрывает ее, стараясь удержаться под порывами ветра. Вьюга ограняет кристаллики снега, пока они не становятся острыми, как иней, задувает их в щели и высеивает на убогую постель. Где-то неподалеку ставни стучат и скрипят от ежеминутных порывов ветра, и снежным тучам, которые несутся к югу, нет никакого дела до синеватой звездочки, которая опустила на мир свой сияющий взгляд.

В эту ночь только эта звезда видит, что происходит в мансарде, через щель в крыше. Пол в комнате гол, что есть из мебели, шатко, а посередине расположен стол с бумагой, перьями, чернильницей и зажженной свечой.

Человек, который сидит на деревянном табурете, оперся на стол и обхватил рукой подбородок; он не замечает лютого холода, хотя все его тело бьет дрожь. Он бессознательно откинул волосы с высокого лба, и звезда, посылая ему с тонким лучом сестринский привет, узнает сияние в его глазах. Гений — дар небес, его свет зарождается на той же высоте, где вспыхивают лучи звезды.

Человек вдруг хватает перо и принимается писать. Он нагнулся низко к бумаге, его рука летает над столом. Ему не слышно завываний ветра, не видно беспощадной снежной пелены, опускающейся вокруг. Он пишет, пишет. Бьют часы, время идет дальше, и когда их далекий гуд раздается снова, человек отбрасывает перо, вскакивает на ноги и победоносно вскидывает руку. Это непритворный жест, поскольку никто, кроме звезды, не смотрит на него.

— О небеса! — шепчет он. — Я торжествую победу. Я проложил новый путь. Эта мысль моя и ничья больше. Она будет жить вечно. Ничего похожего в литературе не существует; но отчего, отчего же мне приходилось скитаться такими захолустными, избитыми дорогами, покуда не озарила меня эта идея — легко, в один миг, словно орел обронил перо с груди?

Он вновь садится и перечитывает написанное. Любовно возвращает на стол. Он не меняет ни единой буквы, не вычеркивает ни слова. Ему известно, что его труд безупречен, и так он и говорит себе; поскольку настоящему гению неизвестна притворная скромность.

Взгляд человека смягчается. Пламя в его глазах тускнеет, остаются только теплые отблески,

которым звезда не вторит. На губах человека играет маленькая уверенная улыбка — наполовину радость, наполовину вызов. Как истинный художник, он понимает, что выдвинул идею по-настоящему самобытную, и осознает, какова ей цена.

Его взор неподвижен; вдали он видит отзывчивость, любовь, блаженство, вино, самоцветы, веселье и живую красоту — все вещи, которых он жаждет, алкает, как волк, и оголодавшая душа еще яростнее гложет его за это презрением.

Вдруг ему чудится, что действительность хлестко ударила бичом, и холод пронзает его до мозга костей, побуждая действовать. Человек встает, кутается в рваную шинель, выходит за дверь и спускается по семи лестничным пролетам. Возвращается он быстро с хлебом и сыром, завернутыми в старую газету. Вновь садится, жадно заглатывает еду, и на вкус она подобна божественному нектару. Звезда смотрит на него сквозь щель в крыше и мерцает небесной приязнью, ведь этот человек окончил долгий сумрачный бой и вышел победителем и лавровым венком ему стали крошки сыра и легко парящие снежинки, спускающиеся ему на плечи. Впервые за много лет он сияет победной улыбкой.

За час он обрел то, к чему другие порой тщетно стремятся всю жизнь. Человек ест и не задумываясь опускает глаза на старую газету, в которую был завернут его ужин. Звезда видит, как он вдруг судорожно обеими руками вцепляется в газету, как пробегает колонку горящим взглядом, а затем, выдавив хриплое ругательство, пытается подняться на слабые ноги, заваливается в сторону и падает на голый пол.

Утром, так как он нарушил обыкновение и не спустился, двое взламывают дверь мансарды и там находят его.

— Самоубийство? — задумывается один.

— Смерть от голода, — поправляет другой.

— Да нет же, здесь хлеб и сыр. То-то в морге поломают голову. И в какой развеселой каморке он жил. А ну-ка, что он тут понаписал?

Кто-то из них вчитывается в текст мертвеца и заявляет:

— Чудно. Ничего не понять. Взгляни-ка на его руку; вцепился, как тисками, в старую газету.

Он нагибается и высвобождает газету из закоченевших пальцев. Из любопытства он приглядывается к ней и с тупым равнодушием открывает истину.

— О как, Билл, — сообщает он, — ну и совпа-

дение. В этой старой газетке есть статья, а там чуть не слово в слово то же самое, что написал этот парень.

Из сборника «Остатки» /1917/

Как Вилли спас отца[64]

Вилли Флинт, маленький хьюстонец шести лет от роду, — прелестный ребенок с длинными золотыми локонами и широко распахнутыми невинными голубыми глазами. Его отец, уважаемый горожанин трезвого поведения, — владелец четырех или пяти коммерческих зданий на Мейн-стрит. С утра до вечера мистер Флинт в поте лица окучивал своих арендаторов, собирая причитающуюся плату, латая окна с разбитыми стеклами, прибивая отставшие доски и подмазывая проплешины на месте обвалившейся штукатурки. В полдень мистер Флинт присаживался на лестнице какого-нибудь из своих домов и ел скудный обед, который приносил с собой в газете, и думал о нелегких временах. Веселые, элегантно одетые клерки и бизнесмены сновали по лестнице вверх и вниз, но мистер Флинт им не завидовал. Он жил в маленьком коттедже возле большой груды мусора под названием Высотка Томатной Банки на одной из главных жилых улиц Хьюстона. Мистера Флинта полностью устраивало его жи-

[64] Примечания: 64

© Перевод. О. Мышакова, 2025.

тье-бытье с женой и малышом Вилли. Он съедал свой скудный, но полезный провиант и собирал тысячу четыреста долларов аренды в месяц за свои офисы. Он был человеком умеренных потребностей и неумеренного усердия: почти не проходило дня, чтобы мистер Флинт не поднимал ренту за какой-нибудь офис и не откладывал еще несколько долларов на черный день.

Как-то вечером мистер Флинт пришел домой больным. Он клеил дешевые зеленые обои на пустой желудок — то есть на стены одной из своих контор не поев, — и желудку это не понравилось. Флинт рухнул на постель, весь красный от лихорадки, бормоча: «Боже, спаси мою бедную жену и ребенка! Что теперь с ними будет?»

Мистер Флинт отослал Вилли на другой конец комнаты и вытащил из-под подушки плотный комок зеленых.

— Отнеси это, — сказал он жене, — в банк и положи на депозит. Здесь только девятьсот долларов. Некоторые арендаторы мне еще не заплатили, а пятеро хотят навесы над окнами! Тот, кто послал воронов кормить Илию[65], позаботит-

[65] Примечания: 65

По преданию, ветхозаветного пророка Илию по повелению Господа кормили вороны, когда он скрывался от Иезавели (Третья книга Царств, Гл. 17).

ся и о нас. Зайди к булочнику и возьми на пять центов хлеба, а потом сразу домой — и молись.

Вилли притворялся занятым игрой со своим Ноевым ковчегом, назначая каждой твари плату за проживание и воду и складывая итоги на своей грифельной доске, но слова отца он расслышал.

Когда подошла мать, он спросил:

— Мама, а папа так заболел, что не может работать?

— Да, милый, — ответила миссис Флинт. — У него сильный жар. Боюсь, он разболеется не на шутку.

Когда мама ушла, Вилли надел шапку и незаметно выскользнул за дверь.

— Я хочу чем-нибудь помочь моему доброму, хорошему папе, раз он заболел, — сказал он себе.

Он пошел по Мейн-стрит и остановился перед высокими домами, которыми владел его папа.

Прохожие улыбались, завидев маленького мальчика с льняными волосами, и не одно суровое лицо смягчилось при виде невинных голубых глаз.

Бедный малютка Вилли! Что ему по силам сделать в большом шумном городе, чтобы помочь своему больному отцу?

— Я знаю, что я сделаю, — решил он спустя

мгновение. — Я поднимусь и повышу аренду в нескольких офисах, и папе сразу полегчает.

Вилли одолел три лестничных пролета в одном из самых больших отцовских зданий. Ему несколько раз пришлось присесть и отдышаться, так как он выбивался из сил.

На третьем этаже находилась контора, снятая двумя приятелями, начинающими адвокатами. Они уже прикрепили табличку на дверь и отдали мистеру Флинту деньги за первый месяц. Когда Вилли поднялся по ступенькам, молодые адвокаты жевали сыр с крекерами, пристроив ноги на свои письменные столы, а на обеденном столе красовались шесть пустых пивных бутылок. Будущие светила юриспруденции шумно сопели, и один из них, с магнолией в петлице, рассказывал анекдот о молодой девице.

Наконец он снял ноги со стола, открыл глаза и сказал:

— Ох, ёлки-палки! Боб, мы Фаунтлероя[66] вызывали?

Упомянутый Боб тоже опустил ноги на пол, вытер нож, которым резал сыр, о свои волосы и

[66] Примечания: 66

«Маленький лорд Фаунтлерой» — роман Ф. Х. Бернетт о маленьком белокуром голубоглазом мальчике, который оказывается настоящим английским лордом.

огляделся.

На пороге конторы стоял голубоглазый малютка с золотистыми локонами.

— Входи, девчурка, — сказал один из молодых адвокатов.

Вилли смело вошел в комнату.

— Я не девчонка, — сказал он. — А вовсе я Вилли Флинт, и я пришел поднять аренду.

— Нечего сказать, мило с твоей стороны, Вилли, — сказал упомянутый Боб, — прийти и так с нами поступить. Мы бы так нипочем не сделали, даже если бы нас посадили на электрический стул. А у тебя свои кудряшки или это ты на велосипеде катался?

— Не смущай мальчонку, — сказал второй джентльмен, которого Боб называл Сэмом. — Я уверен, что это такой хорошенький мальчик. Вилли, а ты леденцы в лизинг берешь?

— Не дразни его, — строго велел Боб. — Он мне кой-кого напоминает — простите, я растрогался, — такие же кудряшки и панталончики! Скажи-ка, Вилли, и отвечай не задумываясь, малыш, — двести десять лет назад это не ты позировал для…

— Да оставь ты пацана в покое, — перебил Сэм, косо глянув на первого джентльмена. — Вилли, в

качестве личного одолжения не мог бы ты поплакать, повалившись на пол? Хандра заедает, а так я хоть развеялся бы!

— У меня папа заболел, — сказал Вилли, храбро удерживая слезы. — С этим надо что-то делать. Пожалуйста, добрые джентльмены, позвольте мне поднять аренду за ваш офис, чтобы я пошел домой и обрадовал папу!

— Да это же сынишка старого Флинта! — догадался Боб. — Скажи, умильный какой! Слышь, Вилли, а на сколько ты хочешь поднять нам аренду?

— Вы сейчас сколько платите? — осведомился Вилли.

— Десять долларов в месяц.

— А сможете двенадцать?

— Давай уж пятьдесят, — сказал Сэм, прикуривая черную сигару, — за девяносто дней. Ну что, Вилли, по пиву — и договорились?

— Не болтай чепухи, — одернул его Боб. — Вилли, можешь повысить аренду до двадцати долларов, если хочешь, и беги обрадуй отца, если от этого ему станет хоть на волос легче.

— О, спасибо вам большое! — крикнул Вилли и помчался домой с легким сердцем, весело распевая на бегу.

Дома он увидел, что отец совсем плох: мистер Флинт бормотал что-то о том, чтобы дать жене целую десятку.

— Он заговаривается, — пожаловалась миссис Флинт, ударившись в слезы.

Вилли подбежал к кровати и прошептал отцу на ухо:

— Папа, я поднял аренду в одном твоем офисе с десяти до двадцати долларов.

— Ты моя кровь и плоть! — растроганно сказал Флинт, возложив длань на голову Вилли. — Благослови Боже моего храброго малыша!

Мистер Флинт заснул мирным сном, и жар у него прошел. На следующий день он уже смог сесть в постели и чувствовал себя почти окрепшим, когда Вилли уточнил, кому он поднял аренду.

Тут мистер Флинт и упал замертво[67].

Увы, господа, жизнь полна разочарований!

Трагедия[68]

— Клянусь бородой пророка! О Шахерезада,

---

[67] Примечания: 67

В стандартном договоре аренды прописывается сумма помесячного платежа. Таким образом, адвокаты могли пообещать Вилли золотые горы, но до истечения срока договора арендодатель не мог изменить сумму ренты.

[68] Примечания: 68

Перевод. М. Пучинин, 2025.

кладезь премудрости, — расхваливал халиф.

Он откинулся назад и откусил кончик сигариллы.

Вот уже тысячу ночей Шахерезада № 2, дочь Великого Везиря, сидела в ногах могущественного Халифа Индий и рассказывала ему истории, да так, что весь двор был очарован и слушал затаив дыхание.

Нежный напев журчащей в фонтане воды ласкал слух. Невольники кропили розовое масло на цветную мозаику под ногами и качали опахалами из перьев павлина, украшенных драгоценными камнями. Неподалеку в дворцовых садах бюльбюль щебетал на финиковом дереве, вуду порхали среди ветвей баньяна, и ветер едва слышно доносил протестующую предсмертную песню стайки донкихотов из Нью-Йорка.

— Ну а теперь, о Шахерезада, — продолжил халиф, — твой договор предусматривает еще одну сказку. Тысячу историй ты поведала нам, и сердце наше ликовало от поэтического языка. Каждая была нова, поэтому мы ничуть не заскучали — ужимки того Маршалла П. Уайлдера[69] не поддались бы никакому сравнению. Хороша

---

[69] Примечания: 69

Знаменитейший актер и комик рубежа XIX–XX вв., карлик и горбун, известный добродушием и оптимизмом.

ты, душенька. Но не забудь, о Дщерь Луны и кузина фонографа, осталась последняя сказка. Да будет она неведома во всем Царстве. Исполнишь повеление — получишь десять тысяч золотых и сотню рабов, которые будут слушаться каждого твоего слова; но коли за историей мы подметим змеиный хвост, не сносить тебе головы.

Халиф подал знак рукой, и палач Месрур шагнул к Шахерезаде. Блестящая сабля была зажата в его ладони. Сложив руки на груди, он словно превратился в статую, а халиф продолжал:

— Так выпусти ее на волю, Шахерезада. Случится так, что она напомнит нам сказку № 475, где любимая жена багдадского купца застала его в саду на крыше празднующим вместе с печатной машинкой, или же сказку № 684, в которой Кади, назначенный в кое-какой город, поздно возвращался из сторожки домой, был бос и ступил в жижу, — и всё будет славно; но отпустишь шутку Джо Миллера[70], и не будет тебе пощады.

Шахерезада откусила от пластинки жевательной резинки, подвернула под себя ногу и начала:

---

[70] Примечания: 70

Английский актер XVIII в. Зная его серьезный нрав, товарищи часто забавы ради утверждали, что новый анекдот услышали именно из его уст. После его смерти был опубликован целый ряд «Сборников анекдотов от Джо Миллера» с сотнями избитых шуток невысокого качества.

— О могущественный халиф, знаю я сказку, которая пленит тебя. Среди всех моих историй я называю ее «номер три с хвостиком». Но я неспособна тебе ее рассказать. Мне…

— Но почему же, о Шахерезада?

— Ах, Брат Солнца и Личный Секретарь Млечного Пути, я скромная женщина, и эту невообразимую сказку мне никак не поведать тебе целиком.

Шахерезада стыдливо закрыла лицо.

— Говори, повелеваю тебе, — ответил халиф, наклоняясь ближе. — Не смущайся меня. Я читал Лору Лин Джибби[71] и Исбена. Начинай свою третью с хвостиком.

— Всё как я сказала, о халиф. Невозможно довести такой ужасный рассказ до конца…

Халиф снова подал рукой знак, воздух прочертила сабля палача Мезруры, и голова Шахерезады покатилась по полу. Халиф запустил пальцы в бороду и пробормотал:

— Я и так знаю, что три с хвостиком — иррациональное число, а выслушивать каламбуры пока не намерен.

---

[71] Примечания: 71

Американская писательница XIX–XX вв., автор 82 дидактических и романтических романов для девушек.

Из сборника «Дороги судьбы» / 1909/

Возрождение Шарльруа

Грандмон Шарль был джентльменом креольского происхождения тридцати четырех лет от роду, небольшого роста, с маленькой лысиной и манерами принца. Днем он был клерком в конторе комиссионера по хлопку, помещавшейся в одной из этих холодных и прокисших гор, выстроенных из грязного кирпича внизу набережной в Новом Орлеане. Но к ночи в своей chambre garnie[72], в третьем этаже дома в старом французском квартале, он снова превращался в последнего отпрыска рода Шарль, этого знатного рода, игравшего такую видную роль во Франции и блестящие и изящные представители которого, улыбаясь, рапирами проложили себе путь в Луизиану во времена ее первого и блестящего расцвета. За последние годы представители рода Шарль перешли на более республиканское, но не менее блестящее великолепие и роскошь жизни плантаторов на Миссисипи. Может быть, Грандмон был даже маркизом де Брассе. Этот титул был у них в семье. Но маркиз с 75 долларами в месяц!

---

[72] Примечания: 72
Комната под чердаком *(фр.)*.

Vraiment![73] Грандмон скопил из своего жалованья сумму в 600 долларов. Вы скажете, что этого вполне достаточно для всякого человека, чтобы жениться. Поэтому, после двухлетнего молчания на эту тему, он снова задал этот щекотливый вопрос мадемуазель Адель Фокэ, приехав с этой целью в Мин д'ор, плантацию ее отца. Ответ ее был тот же, что в течение последних десяти лет:

— Сначала найдите моего брата, мистер Шарль.

На этот раз он устоял перед нею; может быть, он пришел в отчаянье от сознания, что награда за такую продолжительную и верную любовь зависит от такой маловероятной возможности; он потребовал, чтобы она ему сказала коротко и ясно, любит она его или нет.

Адель спокойно посмотрела на него своими серыми загадочными глазами и ответила более ласковым тоном:

— Грандмон, вы не имеете права задавать мне такой вопрос, если не можете сделать то, о чем я вас прошу. Или верните нам моего брата Виктора, или дайте доказательства того, что он умер.

Почему-то на этот раз, несмотря на то что ему

---

[73] Примечания: 73
На самом деле *(фр.)*.

отказывали таким образом уже в пятый раз, у него не было так тяжело на сердце, когда он уходил. Она ведь не отрицала, что она его любит. В каких мелких водах может маневрировать ладья страсти! Впрочем, и то сказать: в тридцать четыре года приливы и отливы жизни не так бурны и ладьям в этом возрасте знакомы многие источники, а не только один, как в двадцать четыре года.

Виктор Фокэ никогда не найдется. Первое время после его исчезновения у Шарлей в банке были еще деньги и Грандмон тратил доллары без счета, стараясь найти пропавшего юношу. Но даже и тогда у него было мало надежды на успех; Миссисипи возвращает жертвы со своего дна, покрытого жирным илом, только по своему собственному злому капризу.

Грандмон тысячи раз вспоминал и детально разбирал в своей памяти сцену исчезновения Виктора, и всякий раз, как Адель выставляла в ответ на его предложение свою неизменную и грустную альтернативу, эта сцена все яснее вставала в его воображении.

Мальчик был любимцем всей семьи; он был смел, привлекателен, но неуравновешен. Его легкомысленное воображение пленилось девушкой, дочерью надсмотрщика на плантации. В семье

Виктора не знали об этой интриге, если это можно назвать интригой. Чтоб избавить семью от горя, которое неминуемо вызвало бы ее дальнейшее развитие, Грандмон пытался ее прекратить. Всемогущие деньги устранили всякие затруднения. Однажды между заходом и восходом солнца надсмотрщик с дочерью уехали в неизвестном направлении. Грандмон надеялся, что этот удар образумит мальчика. Он поехал в Мин д'ор, чтобы поговорить с ним. Они вышли из дома и из сада, перешли через дорогу и, поднявшись на берег, ходили по широкой тропе, разговаривая между собой. Над ними висела темная грозовая туча, но дождя еще не было. Когда Грандмон обнаружил свое вмешательство в тайны его романа, Виктор, охваченный внезапным диким припадком ярости, бросился на него. Грандмон, хоть и маленький, обладал железными мускулами. Ему удалось среди града сыпавшихся на него ударов схватить юношу за руки и, перегнув его назад, растянуть его на тропе. Порыв ярости прошел, и Грандмон позволил ему встать. Виктор поднялся на ноги. Сумасброд, готовый всегда на неожиданные выходки, превратился теперь в готовую ежеминутно взорваться пороховую мельницу. Впрочем, в данную минуту Виктор

был спокоен. Он протянул руку по направлению к дому.

— Они и вы сговорились разрушить мое счастье! — воскликнул он. — Никто из вас больше в глаза меня не увидит.

Повернувшись, он быстро побежал вниз по тропе и скрылся в темноте. Грандмон побежал за ним, звал его, но безуспешно. Более часа он искал его. Спустившись по откосу и все время крича, он попал в густую чащу тростника и ивовых кустов, которыми зарос край воды. Ответа не было; ему показалось, что он слышал крик, сопровождаемый всплеском воды. Затем поднялась гроза, и он вернулся в дом, промокший и удрученный.

Он рассказал домашним о бегстве мальчика, не упоминая об обстоятельствах, предшествовавших этому исчезновению. Он был уверен, что мальчик вернется, когда охладеет первый порыв его злобы. Позднее, когда угроза Виктора осуществилась и домашние поняли, что они его никогда больше не увидят, Грандмону было трудно уже изменить свои показания, данные им в тот вечер. И причины, побудившие мальчика исчезнуть, так же как и само исчезновение, остались окутанными тайной.

В этот же вечер Грандмон впервые уловил

новое и странное выражение в глазах Адели, появлявшееся в них каждый раз, когда она взглядывала на него. В течение всех последующих лет это выражение не покидало ее глаз. Он не мог разгадать, чем оно вызвано.

Может быть, если бы он знал, что Адель в тот злополучный вечер стояла у калитки, куда она медленно последовала в ожидании возвращения брата и любимого ею человека, удивляясь, зачем они избрали для беседы неподходящую погоду и такое мрачное место, — может быть, если бы он знал, что неожиданный блеск молнии осветил Адели на мгновение их ожесточенную борьбу, он понял бы, что именно выражал взгляд Адели.

Кто знает, чего она хотела. Десять лет прошло с тех пор, а то, что она видела тогда при блеске молнии, стоя у калитки, ярко и постоянно вставало перед ее глазами. Она любила своего брата, но хотела ли она дознаться раскрытия этой тайны или только узнать «правду»? Женщины иногда преклоняются перед правдой, даже как перед отвлеченным принципом. Говорят, что бывали и такие женщины, которые в вопросах своих привязанностей считали человеческую жизнь не имеющей значения в сравнении с ложью. Этого я не знаю, но я хотел бы знать, что бы она

сделала, если бы Грандмон бросился к ее ногам и признался, что это его рука послала Виктора на дно полной тайны реки и что он больше не в силах лгать и осквернять ложью свою любовь. Я хотел бы знать, что она сделала бы!

Но Грандмон Шарль, наивный аркадский дворянин, не мог угадать значения этого взгляда Адели, и теперь, после последнего безрезультатного излияния своих чувств, он возвращался богатым, как всегда, честью и любовью, но бедным надеждой.

Это было в сентябре. В течение первого зимнего месяца у Грандмона зародилась мысль о возрождении. Раз Адель никогда не будет его женою, а богатство без нее было лишь ненужной мишурой, зачем ему стараться увеличивать этот с таким трудом скопленный запас долларов? Зачем ему беречь и этот запас?

Он выкуривал сотни папирос, сидя за маленькими полированными столиками кафе на Роял-стрит, попивая красное вино и обдумывая свой план. С течением времени он разработал его до совершенства. Несомненно, это будет стоить ему всех его денег, но игра стоит свеч: в течение нескольких часов он снова будет Шарлем из Шарльруа. Еще один раз 19 января, этот

самый славный в судьбах рода Шарль день, будет подобающим образом отпразднован. В этот день король Франции посадил одного из Шарлей рядом с собой за стол; в этот день Арман Шарль маркиз де Брассе высадился, как блестящий метеор, в Новом Орлеане; этот день был днем свадьбы его матери и днем рождения Грандмона. С тех пор как Грандмон себя помнил, до самого распада его семьи, этот день всегда посвящался празднествам, пиршествам, гостеприимству и полным гордости воспоминаниям.

Шарльруа был старинной плантацией их рода, расположенной на двадцать миль вниз по течению реки. Много лет назад эта плантация была продана для погашения долгов своих слишком щедрых владельцев. Затем она еще раз перешла в другие руки и теперь была покрыта мерзостью запустения. В суде шла тяжба о наследстве, и барский дом Шарльруа стоял необитаемый, если только не были правдой рассказы об одетых в кружева и напудренные парики призраках, прогуливающихся по его пыльным комнатам.

Грандмон разыскал поверенного, которому на время процесса были вручены ключи от дома. Он оказался старым другом их семьи. Грандмон объяснил ему, что он хотел бы нанять дом на два-

три дня. Ему хотелось бы дать обед нескольким друзьям в стенах своего старого дома. И это все.

— Пользуйтесь им неделю, даже месяц, если хотите, — сказал поверенный, — но не говорите мне ничего о плате за него. — Он вздохнул. — Да! Какие обеды бывали в этом доме, mon fils![74]

Во многие старые, всем известные магазины, ведущие торговлю мебелью, фарфором, серебром, коврами и принадлежностями домашнего обихода, приходил спокойного вида молодой человек с маленькой лысиной на макушке, с изысканными манерами и взглядом знатока. Он излагал торговцу свое желание: он хочет взять напрокат полную и элегантную обстановку столовой, холла, гостиной и передней. Все вещи должны быть уложены и доставлены по реке до пристани Шарльруа; все это будет возвращено через три или четыре дня. Все повреждения или потери будут немедленно возмещены.

Многие из этих старых торговцев знали Грандмона по виду, а с Шарлями имели в свое время дела. Некоторые из них были сами креольского происхождения и в глубине души симпатизировали безрассудной, но широкой затее этого

---

[74] Примечания: 74
Сын мой! *(фр.)*

бедного клерка, решившего хоть на минуту восстановить пламя родового блеска, раздув его своими сбережениями.

— Выбирайте все, что вам нужно, — говорили они ему. — Обращайтесь с вещами бережно. Старайтесь, чтобы счет за повреждения был как можно меньше, а плата за прокат вещей вас не обременит.

Затем он отправился к виноторговцам, и здесь-то его 600 долларов потерпели немалый урон. Для Грандмона было большой радостью снова выбирать драгоценные вина. Погреба с шампанским манили его, как жилища сирен, но он был вынужден обойти их. С суммой в 600 долларов он стоял перед ними, как ребенок с никелевой монетой стоит перед французской куклой. Но зато он с большим вкусом и умением выбрал и купил другие вина — шабли, мозель, шато-д'ор, рейнское и портвейн подходящего возраста и разлива. Вопрос о кухне стоил ему многих мучительных часов, пока он вдруг не вспомнил об Андре, их старом главном поваре, самом искусном художнике французской креольской кухни во всей долине Миссисипи. Быть может, его еще можно найти где-нибудь поблизости от плантации. Поверенный сказал ему, что она всё

еще обрабатывается, согласно договору между тяжущимися.

В воскресенье Грандмон поехал верхом в Шарльруа. Большой четырехугольный дом с закрытыми ставнями и дверями выглядел пустынным и мрачным.

Деревья во дворе были запущены и не подстрижены. Все аллеи парка были засыпаны упавшими листьями. Грандмон проехал в поселок, где жили негры с плантации. Он увидел их возвращающимися из церкви — беспечными, счастливыми, одетыми в яркие, веселые цвета — желтые, красные и голубые.

Да, Андре все еще был здесь; его волосы немного поседели; у него был все тот же широкий рот, и он так же, как всегда, готов был смеяться. Грандмон рассказал ему свой план, и старый негр преисполнился гордости и восторга. Со вздохом облегчения — зная, что теперь ему больше ни о чем не надо беспокоиться до той минуты, пока ему не доложат, что обед подан, — Грандмон передал Андре деньги на закупку провизии и предоставил ему полный карт-бланш в его творчестве. Среди негров нашлось также много служивших у них в доме в качестве домашней прислуги. Абсалом, бывший мажордом, с полудю-

жиной более молодых мужчин, когда-то лакеев и служителей кухни и буфета, толпой собрались приветствовать «массу Гранди». Абсалом ручался, что из них можно будет набрать подручных, которые под его предводительством достойным образом смогут подать обед.

Щедро оделив оставшихся верными ему старых слуг, Грандмон, очень довольный, вернулся в город. Было еще много мелких деталей, которые надо было обдумать и привести в исполнение, но наконец весь план был закончен и оставалось только разослать приглашения гостям.

Вдоль по реке, на протяжении каких-нибудь двадцати миль, жило с полдюжины семей, княжеское гостеприимство которых было современно гостеприимству Шарлей. Это были самые гордые и самые знатные из представителей старого режима. Их ограниченный круг был блестящим кругом; их светские отношения между собою отличались теплотою и близостью; их дома были известны редким гостеприимством, радушием и щедростью. Эти друзья, говорил себе Грандмон, должны еще раз, может быть в последний, собраться в Шарльруа 19 января, чтобы торжественно отпраздновать славный день его рода.

Грандмон отдал напечатать приглашения.

Хотя это обошлось ему и дорого, но приглашения были сделаны прекрасно. В одной маленькой детали хороший вкус их мог бы подвергнуться сомнению, но креол мог позволить себе эту роскошь в своем кратковременном великолепии. Неужели он не мог позволить себе — на один-то день, на день «возрождения» — стать «Грандмоном-дю-Пюи-Шарль из Шарльруа»? Он разослал приглашения в начале января, с расчетом, чтобы гости получили их заблаговременно.

В 8 часов утра 19 января курсирующий в низовьях реки пароход «Ривербелль» тихо подошел к давно забытой пристани Шарльруа. Сходни были спущены, и целая туча негров с плантации устремилась на пароход по подгнившим мосткам, чтобы нести на берег странный груз. Огромные бесформенные тюки, узлы и пакеты, завернутые в войлок и связанные веревками; кадки и вазы с пальмами, с вечнозелеными растениями и тропическими цветами, столы, зеркала, стулья, диваны, ковры и картины, все тщательно завернутое и упакованное во избежание несчастных случайностей во время перевозки.

Грандмон был самым деятельным из работавших. Он сам наблюдал за переноской громадных корзин с красноречивыми надписями, требу-

ющими осторожного обращения с ними; в них были хрупкий фарфор и стекло. Падение одной из этих корзин стоило бы ему суммы, которую он вряд ли сумел бы скопить в течение целого года.

Когда был выгружен последний пакет, «Ривербелль» дал задний ход и продолжал свой путь по реке.

Меньше чем через час все было доставлено в дом. Дальнейшее было предоставлено Абсалому. Помощников у него было более чем достаточно, так как этот день был всегда праздником в Шарльруа, а негры не допускали никаких изменений в старых традициях. Почти всё население поселка предложило свои услуги. Около двадцати мальчиков и девочек подметали листья во дворе. В большой кухне, в задней части дома, Андре с былым великолепием господствовал над многочисленным штатом поваров и поварят. Ставни были широко раскрыты; пыль стояла столбом, дом наполнился шумом голосов и торопливых шагов. Принц вернулся — и Шарльруа пробудился от своего долгого сна.

Когда полная луна взошла за рекой и заглянула через высокий берег, ее взорам представилось зрелище, давно не наблюдавшееся в ее орбите. Из каждого окна старого плантаторского дома

лился мягкий, манящий свет. Из сорока комнат дома только четыре были обставлены: большая приемная и столовая и две маленьких гостиных, но зажженные восковые свечи были поставлены во всех окнах.

Столовая была шедевром. Длинный, накрытый на двадцать пять приборов стол с белоснежными скатертью и салфетками, с фарфором и ледяным блеском хрусталя, сверкал, как зимний пейзаж. Строгая красота этой комнаты не нуждалась в большом количестве украшений. Хорошо натертый пол горел, как яркий рубин, отражая свет свечей. Великолепные панели покрывали до половины стены. Вдоль этих панелей и над ними, с целью оживить общий колорит, было развешано несколько акварелей, изображающих фрукты и цветы.

Приемная была обставлена просто, но элегантно. В ее убранстве ничто не указывало на то, что на другой день она снова будет опустошена и предоставлена пыли и паукам. Холл с его пальмами и тропическими растениями, освещенный огромными канделябрами, имел величественный вид.

В семь часов откуда-то появился Грандмон во фраке, с жемчужными запонками (семейная

страсть) на белоснежном белье. В приглашениях был указан час обеда — восемь часов. Он вынес к главному въезду кресло и опустился в него в полудремоте.

С восхода луны прошел час. В пятидесяти шагах от ворот стоял дом на фоне великолепного парка. Перед ним расстилалась дорога, а за ней поросшая травой возвышенность, за которой текла ненасытная река. Как раз над вершиной возвышенности полз вниз по течению реки крошечный красный свет и крошечный зеленый полз вверх по течению. Встретившиеся пароходы салютовали друг другу, и хриплый пронзительный звук нарушил сонное молчание полных меланхолического покоя равнин.

Затем вновь водворилась тишина, нарушаемая лишь обычными голосами ночи: речитативом совы, каприччио кузнечиков и хоровым номером лягушек в траве. Ребятишки и зеваки из поселка были отправлены по домам, и суета дня сменилась покоем и глубоким молчанием. Шесть цветных лакеев в белых куртках ходили, ступая неслышно, как кошки, вокруг стола, и делали вид, что приводят что-то в порядок там, где все уже было в совершенстве. Абсалом в черном фраке и в лакированных туфлях принимал торжественные

и картинные позы то тут, то там, где свет свечей более ярко освещал его великолепие. Грандмон отдыхал в своем кресле и курил, ожидая гостей.

Он унесся в грезы — в несбыточные грезы, так как он представлялся себе в них владельцем Шарльруа, а Адель была его женой. Она подходила к нему сейчас; он слышал ее шаги; он чувствовал ее руку на своем плече…

— Pardon moi[75], масса Гранди, — к нему прикоснулась рука Абсалома, и это был голос Абсалома, говорившего на жаргоне негров, — но уже восемь часов.

— Восемь часов! — Грандмон вскочил. При свете луны он мог видеть ряд коновязей за воротами. Уже давно должны были там стоять лошади его гостей, но коновязи были пусты.

Из кухни раздавался, наполняя дом ритмическими звуками протеста, протяжный вопль возмущения, рев справедливой и все растущей обиды, плач оскорбленного гения — Андре. Этот прекрасный обед, этот перл обедов, этот невиданный и неслыханный чудо-обед! Тысяча громов! Еще одна минута ожидания, и даже негры с плантации отвернутся от него!

---

[75] Примечания: 75
Извините меня *(фр.)*.

— Они немного опаздывают, — спокойно сказал Грандмон. — Они скоро должны приехать. Передайте Андре, чтобы он задержал обед, и спросите у него, не ворвался ли в дом бык с пастбища… Кто это там так ревет?

Он закурил новую папиросу. Несмотря на выраженное им убеждение, он мало верил теперь, что в Шарльруа будут в этот вечер гости. Впервые с сотворения мира приглашение из Шарльруа игнорировалось. Грандмон так просто понимал вежливость и чувство долга и настолько непоколебимо уверен был в престиже своего имени, что самые вероятные причины отсутствия гостей за его столом не пришли ему в голову.

Шарльруа был расположен на дороге, по которой ежедневно проезжали люди со всех соседних плантаций. Несомненно, даже накануне внезапного оживления старого дома они проезжали мимо и видели, что он заброшен и пуст. Они видели своими глазами труп Шарльруа; чем бы ни было приглашение Грандмона — загадкой или мистификацией дурного вкуса, — они решили не искать разгадки и сидеть спокойно дома.

Теперь луна была уже над парком, и весь двор тонул в густых тенях, кроме тех мест, которые освещались нежным сиянием струившегося из

окна света. Резкий ветер, подувший с реки, свидетельствовал о возможности мороза позднею ночью. Трава с одной стороны ступенек вся была покрыта белыми окурками от папирос, которые выкурил Грандмон. Клерк из конторы комиссионера по хлопку сидел в своем кресле, и дым вился над ним спиралями. Я сомневаюсь, чтобы он хоть раз вспомнил о маленьком состоянии, так безрассудно истраченном им. Быть может, для него было достаточной компенсацией сидеть так, в Шарльруа, в течение этих нескольких часов и воображать, что наступило возрождение. Мысль его лениво бродила по фантастическим тропам его воспоминаний. Он улыбнулся сам себе, когда перефразированные строки Священного Писания пришли ему на ум: «Некий бедный человек приготовил большую трапезу».

Он услышал покашливание Абсалома, пытавшегося привлечь его внимание. Грандмон шевельнулся. На этот раз он не спал; он только дремал.

— Девять часов, масса Гранди, — сказал Абсалом ровным голосом хорошего слуги, который только констатирует факт, но не выражает своего личного мнения.

Грандмон встал. В свое время все представи-

тели рода Шарль проходили через испытания и умели гордо и стойко переносить их.

— Подавайте обед, — спокойно сказал он. Затем он жестом остановил Абсалома, направившегося исполнять приказание. Дело в том, что кто-то щелкнул засовом калитки и шел теперь по аллее по направлению к дому, шурша листьями и бормоча что-то на ходу. Человек остановился в струе света, внизу у ступеней, и заговорил протяжным голосом нищего или бродяги:

— Добрый сэр, не можете ли вы дать поесть бедному голодному человеку? Разрешите поспать в углу сарая. Ведь... — продолжал без всякой последовательности пришедший, — теперь я могу спать. Здесь нет гор, которые будут плясать по ночам; и медные котлы все вычищены и блестят. Железный обруч с кольцом все еще вокруг моей ноги, если вы пожелаете меня приковать.

Он поставил ногу на ступеньку и поднял тряпки, висевшие на ней. Над потерявшим всякую форму башмаком, покрытым пылью сотни миль, Грандмон увидел кольцо и железный обруч. Одежда бродяги превратилась от дождя, солнца и продолжительной носки в пестрые лохмотья. Спутанные волосы и борода покрывали его голову и лицо как циновкой, и из нее выглядывали

его безумные глаза. Грандмон заметил, что у бродяги в руках белая четырехугольная карточка.

— Что это такое? — спросил он.

— Это я поднял, сэр, на краю дороги.

Бродяга передал карточку Грандмону.

— Только немного поесть, сэр. Маисовую лепешку или горсть бобов. Козье мясо я не могу есть. Когда я им режу горло, они кричат, как дети.

Грандмон посмотрел на карточку. Это было одно из его приглашений на обед. Вероятно, кто-нибудь выбросил его, проезжая в экипаже, после того как сопоставил его с видом необитаемого дома в Шарльруа.

«Пойди по дорогам и убеди их прийти, чтобы наполнился дом мой», — сказал он себе, мягко улыбаясь, а затем, обратившись к Абсалому, добавил:

— Пришлите ко мне Луи.

Луи, бывший когда-то его личным камердинером, явился в своей белой куртке.

— Этот джентльмен, — сказал Грандмон, — будет обедать со мной. Приготовьте ему ванну и костюм. Пусть он будет готов через двадцать минут, и тогда подавайте обед.

Луи подошел к подозрительному субъекту с почтительностью, обязательной по отношению

к гостю Шарльруа, и, подбадривая его, увел его внутрь дома.

Ровно через двадцать минут Абсалом доложил, что обед подан, и минуту спустя гость был введен в столовую, где Грандмон ожидал его, стоя у председательского места. Старания Луи превратили незнакомца во что-то похожее несколько на человека. Чистое белье и старый фрак, присланные из города для лакея, произвели с его наружностью чудеса. Щетка и гребенка частично исправили беспорядок на его голове и подбородке. Теперь он мог бы сойти за что-нибудь не более нелепое, чем эти позеры от живописи или музыки, которые любят подобную оригинальность в прическе.

В выражении его лица и его манерах, когда он подходил к столу, не было видно ни неловкости, ни смущения, которых можно было бы ожидать от него после такого, достойного сказки из «Тысяча и одной ночи», превращения. Он предоставил Абсалому посадить себя по правую руку Грандмона, как человек, привыкший к подобному обращению.

— Я очень сожалею, — сказал Грандмон, — что я и мой гость должны друг другу взаимно представиться. Моя фамилия Шарль.

— В горах, — сказал странник, — меня звали

Гринго. На дорогах меня называют Джеком.

— Я предпочитаю последнее, — сказал Грандмон. — Ваше здоровье, мистер Джек.

Блюдо за блюдом подавалось слишком многочисленными лакеями. Грандмон, вдохновленный результатом восхитительного поварского искусства Андре и своим собственным умением в выборе вин, превратился в примерного хозяина, разговорчивого, остроумного и любезного. Речи гостя были беспорядочны. Казалось, что его мышление было подвержено каким-то припадкам безумия, чередующимся с периодами относительной ясности. В его глазах стоял стеклянный блеск от недавно перенесенной им лихорадки. Вероятно, продолжительность ее и была причиной истощения, слабости, помрачения рассудка и болезненной бледности, которая была заметна на его лице, несмотря на покрывавший его загар.

— Вы никогда не видели, как пляшут горы? — обратился он к Грандмону.

— Нет, мистер Джек, — серьезно ответил Грандмон, — мне не случалось видеть этого. Но я понимаю вас; это, должно быть, забавное зрелище. Высокие горы, вершины которых покрыты снегом, вальсируют как бы в платье декольте.

— Сначала вы чистите котлы, — с волнением

сказал бродяга, нагибаясь к нему, — чтобы утром варить в них, а затем вы ложитесь на одеяло и не двигаетесь. Тогда они сходят со своих мест и пляшут перед вами. Вы бы сами охотно вышли поплясать с ними, но вас на ночь всегда приковывают к среднему столбу хижины. Ведь вы верите, что горы пляшут, не правда ли?

— Я никогда не оспариваю рассказов путешественника, — с улыбкой сказал Грандмон.

Бродяга громко рассмеялся. Он понизил свой голос до конфиденциального шепота.

— Вы дурак, если верите этому, — продолжал он. — В действительности они не пляшут. Это только так вам кажется, от жара в голове. Это происходит от тяжелой работы и плохой воды. Вы хвораете целые недели, и нет лекарства. Жар подымается каждый вечер, и тогда у вас появляется сила как у двоих. Однажды вечером вся банда лежала пьяная, напившись мескаля. Они вернулись с набега, нагруженные целыми мешками серебра, и они пили, чтобы отпраздновать удачу. Ночью вы перепиливаете цепь и спускаетесь вниз. Вы идете целые мили, целые сотни миль. Наконец горы кончаются и вы попадаете в прерии. Они не пляшут по ночам, они милосердны к вам, и вы можете спать. Затем вы

достигаете реки, и она говорит с вами. Вы идете по берегу все вниз и вниз, но вы не можете найти то, что вы ищете.

Бродяга откинулся на спинку стула, и его глаза медленно закрылись. Еда и вино погрузили его в глубокий покой. Напряженное выражение исчезло с его лица. Истома сытости охватила его. Он снова лениво заговорил:

— Это невежливо… Я знаю… заснуть… за столом… Но… это был… такой прекрасный обед… Гранди, старина.

Гранди! Носитель этого имени вздрогнул и поставил свой стакан. Как мог этот жалкий оборванец, которого он, как калиф, посадил за свой стол, знать его имя? Не сразу, но очень скоро, постепенно усиливаясь, в его мыслях стало расти подозрение — безумное, невероятное. Руками, которые от сильной нервной дрожи почти не слушались его, он вытащил свои часы и открыл заднюю крышку, к внутренней стенке которой была прикреплена фотография.

Встав со своего места, Грандмон взял бродягу за плечи.

Усталый гость открыл глаза. Грандмон держал перед ним часы.

— Посмотрите на эту фотографию, мистер Джек.

Вы когда-нибудь…

— Моя сестра Адель!

Голос бродяги громко прозвучал в большой комнате. Он вскочил с места, но Грандмон обнял его и посадил:

— Виктор! Виктор Фокэ. Merci, merci, mon Dieu![76] — восклицал он.

Человек слишком хотел спать и был слишком измучен, чтобы говорить в этот вечер. Много дней спустя, когда в его жилах остыл жар тропической лихорадки, сказанные им бессвязные слова были пополнены и разъяснены. Он рассказал о своем бегстве, совершенном им в припадке злобы, о перенесенных им на море и на суше невзгодах, о своих удачах и неудачах в дальних краях, на Юге, и о последней самой ужасной невзгоде, которой он подвергся, когда, будучи в плену у шайки бандитов в горах Мексики, в их укрепленном лагере, он исполнял для них черную работу. Он рассказал о лихорадке, которую он там схватил, о своем побеге в бреду, и как он добрался, руководимый каким-то чудесным инстинктом, до реки, на берегу которой он родился. Он рассказал также о той упорной гордости в его натуре, которая

---

[76] Примечания: 76
Благодарю, благодарю, Бог мой! *(фр.)*

заставляла его все эти годы молчать.

Виктор лежал на диване в гостиной, и в глазах его было заметно пробудившееся сознание, а на его смягченном лице было выражение покоя. Абсалом приготовлял ложе для кратковременного хозяина Шарльруа, который завтра снова превратится в клерка в конторе комиссионера по продаже хлопка, но вместе с тем…

— Завтра… — говорил Грандмон, стоя у постели своего гостя и произнося слова с таким сиянием на лице, какое, вероятно, было на лице возницы пророка Ильи, когда он доложил ему, что небесная колесница подана.

Перевод В. Азова